

ISSN 2411-6122

**СИБИРСКИЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Научный журнал

2017

Выпуск 3 (17)

*Учредитель и издатель
ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»*

*Адрес редакции и издателя:
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11*

ISSN 2411-6122

SIBERIAN CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTIC READINGS

Scientific journal

2017

Issue 3 (17)

Founder and Publisher
State educational establishment of higher education «Baikal State University»

Editorial board's address:
11 Lenin st., Irkutsk, 664003, Russia

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Ли Гоцян** – профессор, института сравнительного правоведения, Китайский политико-юридический университет, г. Пекин, Китай.
- Ван Чжи Хуа** – Председатель института сравнительного правоведения, Китайский политико-юридический университет, г. Пекин, Китай.
- В.А. Азаров** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация.
- Е.П. Ищенко** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Российская Федерация.
- Н.П. Кириллова** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.
- Г.А. Василевич** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права Юридического факультета, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь.
- О.И. Андреева** – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности юридического института, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация
- Е.В. Смахтин** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института государства и права, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- А.А. Протасевич** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института, заведующий кафедрой криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (*гл. ред.*)
- И.В. Смолькова** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (*науч. ред.*)
- И.Г. Смирнова** – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Юридического института, заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (*отв. ред.*)
- Д.А. Степаненко** – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Российский государственный университет правосудия, Восточно-Сибирский филиал, г. Иркутск, Российская Федерация
- В.Н. Китаева** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
- М.С. Дунаева** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
- Н.Ю. Литвинцева** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
- Р.В. Мазюк** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
- О.А. Егерова** – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

THE EDITORIAL COUNCIL

- Li Gotsyan** – Professor, Institute of Comparative Jurisprudence, Chinese Political and Legal University, Beijing, China.
- Wang Zhi Hua** – Chairman of Institute of Comparative Law, Chinese Political and Legal University, Beijing, China.
- Vladimir A. Azarov** – dr Sc (law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, the Head of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation.
- Evgenii P. Ishchenko** – dr Sc (law), Professor, the Head of Chair of Criminalistics, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation.
- Natalia P. Kirillova** – dr Sc (law), Professor, the Associate Professor, Professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation.
- Grigirii A. Vasilevich** – dr Sc (law), Professor, the Head of Chair of a Constitutional Law of Law Department, the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.
- Olga I. Andreyeva** – dr Sc (law), the Associate Professor, the Head of Chair of Criminal Procedure, Public Prosecutor's Supervision and Law-Enforcement Activity of Law institute, National research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
- Evgenii V. Smakhtin** – dr Sc (law), the Associate Professor, Professor of Chair of Criminal Law and Procedure of Institute of State and law, University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

THE EDITORIAL BOARD

- Aleksander A. Protasyevich** – dr Sc (law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of Law Institute, the Head of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation (*Editor-in-chief*)
- Iraida V. Smolkova** – dr Sc (law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Irina G. Smirnova** – dr Sc (law), Associate Professor, Deputy Director of Law Institute for Science, the Head of Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Diana A. Stepanenko** – dr Sc (law), Professor, Deputy Director for Science, Russian University of Justice, Moscow, Russian Federation, Russian University of Justice (East Siberian branch), Irkutsk, Russian Federation
- Valentina N. Kitayeva** – PhD of Law, the Associate Professor, the Associate Professor of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Marina S. Dunayeva** – PhD of Law, the Associate Professor, the Associate Professor of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Nanalija Yu. Litvintseva** – PhD of Law, the Associate Professor, the Associate Professor of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Roman. V. Mazyuk** – PhD of Law, the Associate Professor, the Associate Professor of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Olesya A. Egereva** – PhD of Law, the Associate Professor, the Associate Professor of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Азаров В.А., Беккер Т.А. Особый порядок судебного рассмотрения уголовного дела или «официальная альтернатива» установления объективной истины	9
Баранов А.М. Уголовно-процессуальная политика россии: вчера, сегодня, завтра.....	16
Качалова О.В. Средства защиты права на разумный срок в ходе досудебного производства по уголовным делам	23
Марковичева Е.В. Уголовно-процессуальная политика в отношении несовершеннолетних	30
Беляев М.В. Судебные решения в уголовном процессе и их признаки	36
Брянская Е.В. Взаимосвязь доказательств в процессе доказывания по уголовному делу	44
Буфетова М.Ш., Хосоев А.В. Актуальные проблемы проведения исследований с использованием полиграфа.....	52
Варпаховская Е.М. Уголовно-процессуальная политика России в отношении потерпевшего: ретроспективный анализ	59
Емельянов Д.В. К вопросу об особенностях установления и исследования обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, в ходе судебного разбирательства.....	67
Исакова Т.В. Стратегии развития трех парадигм ювенальной юстиции в мировой практике	76
Калугин А.Г. К вопросу о достоинствах и дефектах юридической конструкции нового основания прекращения уголовного преследования – с назначением судебного штрафа.....	83
Митюкова М.А. Проблемы возбуждения и расследования уголовных дел в сокращенной форме дознания	91

КРИМИНАЛИСТИКА

Зеленский В.Д. К вопросу о понятии руководства расследованием преступлений.....	98
Комаров И.М., Пономаренко Н.Ю., Ян Е.И. Ситуационный подход как научно-практическая категория криминалистики	104
Баринов С.В. Некоторые особенности выявления и расследования преступных нарушений неприкосновенности частной жизни, совершаемых работниками организаций, предоставляющих услуги подвижной (сотовой) связи	115
Гаджиев В.Э. Некоторые аспекты использование средств массовой информации в ходе осуществления криминалистического предупреждения преступлений.....	123
Хлус А.М. Методики расследования коррупционных преступлений: современное состояние и возможности развития.....	130
Борисенко К.А., Мойсеенок А.Ю. О некоторых особенностях тактики допроса свидетелей при расследовании коррупционных преступлений в пенитенциарной системе	139
Коломинов В.В. Осмотр места происшествия по делам в сфере компьютерной информации	145

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

Данилова Н.А. Нужен ли прокурор науке криминалистике?.....	150
---	-----

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Меженина Е.В. Уголовно-процессуальная политика применения межотраслевой преюдиции в Российской Федерации	155
Кочкина Э.Л. Определение понятия «киберпреступление». Отдельные виды киберпреступлений	162

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ	170
---------------------------------------	-----

CONTENT

CRIMINAL PROCESS

Azarov V.A., Bekker T.A. Srecial Procedure for Adjudicating a Criminal Case or «The Official Alternative» to Establishing Objective Truth.....	9
Baranov A.M. Criminal Procedure Policy of Russia: Yesterday, Today, Tomorrow	16
Kachalova O.V. Means of Protecting the Right to a Reasonable Time in the Proceedings of Perfect Production of Criminal Cases	23
Markovicheva E.V. Criminal Procedure Policy Regarding Minors.....	30
Belyaev M.V. Judicial Solutions in the Criminal Process and Their Signs	36
Bryanskaya E.V. Interrelation of Evidence in the Process of Proof of Criminal Proceedings	44
Bufetova M.Sh., Khosoev A.V. Actual Problems of Research with the Use of the Polygraph.....	52
Varpakhovskaya E.M. Criminal Procedural Policy of Russia in Respect of the Victim: a Retrospective Analysis.....	59
Emelyanov D.V. To the Question of the Peculiarities of the Establishment and Studies of the Circumstances of Characterizing the Personality of the Sudden, in the Court of Proceedings.....	67
Isakova T.V. The Strategy of Development Of three Paradigms of Juvenile Justice in the World Practice	76
Kalugin A.G. To the Issue of Advantages and Shortcomings of Judicial Construction of a New Ground of Termination of Criminal Prosecution in Connection With Imposition of a Court Fine.....	83
Mitukova M.A. The Issues of Initiation and Investigation of Criminal Cases Through Inquiry in Abbreviated Form	91

CRIMINALISTICS

Zelenskiy V.D. To the Question about the Concept of Leadership the Investigation of Crimes	98
---	----

Komarov I.M., Ponomarenko N.Yu., Yang E.I. Situational Approach as a Scientific-Practical Category Forensics	104
Barinov S.V. Some of the Features of Detection And Investigation of Criminal Violations of Privacy Committed by Employees of Organizations That Provide Services of Mobile (Cellular) Communication.....	115
Gadzhiev V.E. Some Aspects of Using Mass Media in the Implementation of Criminalistic Crime Prevention	123
Khilus A.M. Investigation Methods Corruption Crimes: Contemporary State and Possibilities of Development.....	130
Borisenko K.A., Moiseenok A.Yu. About Some Features of Tactics of Interrogation of Witnesses in the Investigation of Corruption Crimes in Penal System.....	139
Kolominov V.V. The Inspection of the Scene of Affairs in the Sphere of Computer Information	145

SPECIAL OPINION

Danilova N.A. Whether the Prosecutor of the Science of Criminalistics?	150
---	-----

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

Mezhenina E.V. The Policy of Intersectoral Prejudice Applying in Criminal Proceeding Of Russian Federation	155
Kochkina E.L. Definition of the Concept «Cybercrime». Selected Types of Cybercrime	162

INVITATION TO PUBLICATIONS	170
---	-----

УДК 343.159

В.А. Азаров, Т.А. Беккер

ОСОБЫЙ ПОРЯДОК СУДЕБНОГО РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ИЛИ «ОФИЦИАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА» УСТАНОВЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ

Статья посвящена вопросу о необходимости установления по каждому уголовному делу объективной истины, как основной цели доказывания, и единственно допустимой, при вынесении судом итогового решения, независимо от порядка рассмотрения конкретного уголовного дела (особого или общего).

Ключевые слова: истина, объективная истина, цель доказывания, суд, итоговое решение, решение, судебная ошибка, процесс доказывания, особый порядок.

V.A. Azarov, T.A. Bekker

SPECIAL PROCEDURE FOR ADJUDICATING A CRIMINAL CASE OR «THE OFFICIAL ALTERNATIVE» TO ESTABLISHING OBJECTIVE TRUTH

The article is devoted to the need to establish an objective truth for each criminal case, as the main goal of proving. The only thing permissible when the final decision is rendered by the court, regardless of the procedure for considering a particular criminal case (special or general).

Keywords: truth, objective truth, the main goal of proving, the final decision, decision, miscarriage of justice, proving, special procedure.

Дискуссии на тему «истины» в уголовном процессе ведутся не первое десятилетие. Ранее, при четкой ориентации законодателя на обязательность ее достижения по каждому уголовному делу, споры разгорались относительно ее характера и содержания. Однако, при

всем существовавшем плюрализме мнений ученых процессуалистов, традиционно презюмировалась ее объективность.

Сегодня же, многочисленные обсуждения характера категории «истина» занимают «главную трибуну» не только в связи с попыткой ее восстановления в УПК РФ, но и, главным образом, новейшим анализом возможности ее реального достижения в рамках действующего уголовно-процессуального закона.

Актуализировало названный вопрос, в частности, решение законодателя о введении в УПК РФ особого порядка судебного рассмотрения уголовного дела (гл. 40, 40.1 УПК РФ), предусматривающего согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением, а также рассмотрение ходатайства последнего о вынесении приговора без проведения судебного заседания.

Однако, совершенно справедливо, в данном контексте, профессор З.З. Зинатуллин полагает, что подобное субъективное соглашение, под воздействием различных психофизических и иных субъективных факторов, может оказаться весьма далеким от реальности, от обстоятельств конкретного дела [1, с. 25]. Тем самым, подчеркивается факт игнорирования законодателем в рамках особых процедур рассмотрения уголовного дела традиционной цели доказывания, и сформулированного в законе назначения уголовного процесса, а также просматривается легальная (и – гораздо более широкая) возможность принятия ошибочного судебного акта.

В рамках данного вопроса, профессор М.К. Свиридов совершенно правомерно говорит об открытии законодателем возможности проявления в судопроизводстве как объективной (материальной), так и формальной (юридической) истины [2, с. 6]. С учетом его позиции, будет закономерным резкое повышение вероятности допущения судебной ошибки в категории дел, по которым заключены «сделки о признании вины». В связи с этим, мы обоснованно заявляли, что «допуская возможность вынесения приговора без судебного исследования имеющихся в деле доказательств, закон резко увеличивает вероятность принятия неправосудного решения» [3, с. 10]. Именно подобная вероятность (оцениваемая нами как весьма высокая) и является залогом возникновения грубейшей ошибки суда, проявляющей себя в обвинительном приговоре. Верно отмечено А.С. Скудиным и О.Е. Тимошенко, что надежность и истинность такого приговора вызывают сомнения, еще и потому, что на подсудимого, в стадии пред-

варительного расследования вполне могло оказываться давление со стороны следствия [4, с. 153].

Таким образом, мы видим, что сегодня в УПК РФ закреплена «официальная альтернатива» [3, с. 12] установлению, к моменту постановления приговора, объективной истины. Подобный шаг законодателя не способствует вынесению правосудного, и тем более, истинного приговора, а точнее, «напрочь отодвигает нас от установления истины по делу» [5, с. 20]. Абсолютно обоснованно профессор З.З. Зинатуллин утверждает, что уголовно-процессуальное доказывание и необходимость установления по разрешаемому в таком порядке уголовному делу истины не отрицается, при этом истина по всем делам и во всех случаях должна выступать только в качестве объективной [6, с. 107]. В свете изложенного ставится под сомнение выполнение предписаний ст. 6 УПК РФ о назначении уголовного судопроизводства, и, в частности, возникает реальная угроза нарушения прав, свобод и законных интересов его участников, в первую очередь – обвиняемого и подсудимого. Нам видится, что такая позиция законодателя вряд ли допустима, обсуждаемый же особый порядок производства, как верно отмечено Н. И. Ревенко, существенно уменьшает возможность реализации таких принципов уголовного процесса, как презумпция невиновности, законность, состязательность, осуществление правосудия только судом [7, с. 171]. Как никогда актуальной является, в этой связи, мысль Я.О. Мотовиловкера, заявившего: «Все дело в том, что задача уголовного судопроизводства состоит не просто в установлении истины, а в справедливом наказании истинного виновного и предупреждении осуждения невиновного» [8, с. 23]. Защита прав и законных интересов подсудимого дезавуируется постановлением несправедливого приговора, в основе которого лежат недостоверные доказательства, принятые судом «на веру» [9, с. 16], и обстоятельства, которые судом не были исследованы и базируются на фактах, установленных «с высокой степенью вероятности». Судебная ошибка – это прямое выражение нарушения прав и законных интересов гражданина (подсудимого), свидетельствующее о недостижении целей, как процесса доказывания, так и самого уголовного судопроизводства.

Видимо, законодатель, преследуя цели ускорения судопроизводства и сокращения судебных расходов [10, с. 106], государственных затрат [3, с. 10], напрочь забыл об исторически устоявшемся каноне

уголовного судопроизводства – необходимости достижения объективной истины и соблюдении предписаний ст. 6 УПК РФ, где важнейшей задачей провозглашена защита прав и свобод человека и гражданина. В подтверждение приведем адресованные упрощенной форме досудебного производства, слова Г.А. Печникова и В.М. Шинкарука о том, что суд занижает свои цели, опускаясь до уровня «сделки» с подозреваемым, обвиняемым в прагматических интересах выгоды ускорения, удешевления процесса предварительного расследования и судебного разбирательства [11, с. 111].

В рамках рассмотренного нами вопроса, согласимся с выводом Н. И. Ревенко, что «данная ситуация никак не вписывается в отечественные уголовно-процессуальные традиции, обсуждаемый институт является чуждым нашему законодательству, и должен быть либо существенно скорректирован, либо изъят из УПК РФ» [7, с. 173].

Закон не должен предусматривать альтернатив объективной истине, легализируя, тем самым, возможность вынесения ошибочного приговора, основанного на формальном соблюдении процессуального порядка судопроизводства, иначе теряет смысл и само назначение уголовного процесса.

Наиболее последовательный противник закрепления института объективной истины в УПК РФ, А.С. Александров поддерживает изложенную выше плюральность взглядов на категорию «истина», полагая при этом, что режим плюральности истин, (являющийся, с его точки зрения, неотъемлемым свойством демократии) несовместим с утверждением объективной истины, так как последняя исключает «свободное состязание сторон» [12, с. 24]. Ученый считает, что объективная истина не является базовой категорией современного научного познания, и непреодолимо приведет к возврату «инквизиции» [13 с. 66]. Высказанное мнение весьма спорно, особенно – в контексте реализации принципа состязательности сторон. По нашему убеждению, принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве гармонично сосуществует с целью установления объективной истины по делу, они органично дополняют друг друга.

Более убедительными нам представляются воззрения З.З. Зинатуллина [1, с. 26; 6, с. 107], Ю.К. Орлова [14, с. 56] и М.К. Свиридова [15, с. 102], основанные на необходимости установления по каждому уголовному делу только одной истины – объективной. Данную потребность следует «принять как аксиому, не требующую

подтверждения какими-либо доказательствами» [1, с. 26], как единственно возможный способ недопущения судом ошибок при вынесении итогового акта. Концепция формальной (юридической, процессуальной, судебной, правовой, когерантной, договорной) истины не отвечает требованиям научной обоснованности, ее претензии на альтернативу классической трактовке истины (объективной, материальной) вряд ли оправданы. В действительности, «по своей сути она представляет собой предельно упрощенную и выхолощенную систему процесса получения истинного знания, отличающуюся крайним примитивизмом, поскольку отражает лишь внешнюю, видимую сторону этого сложного и многогранного процесса... достаточно соблюсти процессуальный порядок судопроизводства – и все, истина готова» [14, с. 56].

Нам представляется недопустимым отождествление действий суда по формальному соблюдению процессуальных норм и его деятельности, направленной на установление объективной истины по делу, где процесс познания судьбы направлен на достижение основной традиционной цели доказывания.

Законодатель не должен порождать двусмысленность толкования норм, допуская, тем самым, в принципиальном вопросе, так называемые «альтернативы». Нам же видится нецелесообразным закреплять на уровне закона такие институты, как рассмотрение дела в особом судебном порядке, которые напрямую предусматривают легальную альтернативу объективной истине, остающейся целью доказывания. Иной подход неизбежно ведет к увеличению числа судебных ошибок, являющихся, во многом, результатом стремления к достижению юридической истины.

Список использованной литературы

1. Зинатуллин З.З. Сколько же истин (и каких) надлежит устанавливать по одному уголовному делу? / З.З. Зинатуллин // Уголовное судопроизводство. – 2011. – № 2. – С. 25–27.

2. Свиридов М.К. Состязательность и установление истины в уголовном судопроизводстве / М.К. Свиридов // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Проблемы уголовного процесса в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. – Томск, 2002. – Ч. 10. – С. 6–8.

3. Азаров В.А. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: двойные стандарты доказывания на предварительном расследовании? / В.А. Азаров // Правовой аспект. – 2007. – № 1. – С. 9–16.

4. Скудин А.С. К вопросу об установлении «объективной истины» в процессе доказывания по уголовным делам / А.С. Скудин, О.Е. Тимошенко // Вестник Новгородского государственного университета. – 2012. – Т. 1. – № 73. – С. 151–154.

5. Володина Л.М. Назначение уголовного процесса и реальное обеспечение прав человека по новому УПК РФ / Л.М. Володина // Уголовная юстиция: состояние и пути развития: регион. науч.-практ. конф. – Тюмень, 2003. – С. 17–22.

6. Зинатуллин З.З. Категории «истина», «предмет» и «социально-полезный результат» в уголовно-процессуальном доказывании; их содержание и социально-ценностное значение / З.З. Зинатуллин // Вестник Удмуртского университета. Серия: экономика и право. – 2010. – Вып. 4. – С. 104–107.

7. Ревенко Н.И. Возможности проявления формальной истины в уголовном судопроизводстве России / Н.И. Ревенко // Вестник Омского университета. – 2005. – № 2 (3). – С. 169–173.

8. Мотовиловкер Я.О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса / Я.О. Мотовиловкер. – Ярославль, 1978. – 96 с.

9. Зинченко И.А. Регламентация принципа объективной истины в уголовно-процессуальном законодательстве / И.А. Зинченко, И.А. Попова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 3(33). – С. 15–19.

10. Бородин С.В. О соотношении норм уголовного и уголовно-процессуального права при предварительном расследовании и судебном разбирательстве / С.В. Бородин // Государство и право. – 2002. – № 9. – С. 106.

11. Печников Г.А. Сокращенная форма дознания и объективная истина / Г.А. Печников, В.М. Шинкарук // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2013. – № 3 (26). – С. 108–112.

12. Александров А. О значении концепции объективной истины / А.О. Александров // Российская юстиция. – 1999. – № 1. – С. 23–24.

13. Александров А.С. Критика концепции объективной истины в уголовном процессе / А.С. Александров // Уголовный процесс. – 2012. – № 6. – С. 66–73.

14. Орлов Ю.К. Проблемы истины в уголовном процессе / Ю.К. Орлов // Государство и право. – 2007. – № 3. – С. 50–56.

15. Свиридов М.К. Задача установления истины и средства ее достижения в уголовном процессе / М.К. Свиридов // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. – 2012. – № 2 (8). – С. 101–106.

Информация об авторах

Азаров Владимир Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 644077, Российская Федерация, г. Омск пр. Мира, 55а, e-mail: kafprokrim@mail.ru.

Беккер Татьяна Александровна – помощник судьи, Арбитражный суд Омской области, 644024, Российская Федерация, г. Омск, ул. Учебная, 51, e-mail: tinna-115@yandex.ru.

Information about the authors

Azarov, Vladimir A. – Doctor of Laws, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, the Head of the Department of Criminal procedure and Criminalistics, Omsk State University n.a. F.M. Dostoevskiy, 55a ave. Mira, 644077, Omsk, Russian Federation, e-mail: kafprokrim@mail.ru.

Bekker, Tatiana A. – Deputy judge of the Arbitration court of Omsk region, 51 Ucebnaia st., 644024, Omsk, Russian Federation, e-mail: tinna-115@yandex.ru.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

В статье рассматривается история возникновения института уголовно-процессуальной политики в теории уголовного процесса России. Анализируется современное состояние уголовно-процессуальной политики, действующего уголовно-процессуального закона и результаты судебной реформы. Выделена роль Конституционного Суда Российской Федерации и законодателя в формировании уголовно-процессуальной политики. Определены основные факторы, влияющие на сущность и направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовный процесс; закон; уголовно-процессуальная политика; судебная реформа; совершенствование уголовно-процессуального закона.

A.M. Baranov

CRIMINAL PROCEDURE POLICY OF RUSSIA: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

The history of the Institute of criminal procedure policy in the theory of criminal process of Russia is considered in the article. The modern state of criminal procedure policy, the current criminal procedure law and the results of the judicial reforms is analyzed. The main factors influencing the nature and directions of improvement of criminal procedural legislation are identified.

Keywords: criminal procedure, law, criminal procedure policy, judicial reform, improvement of criminal procedural legislation.

В теории уголовного процесса советского периода термин «уголовно-процессуальная политика» почти не использовался. В научных трудах и официальных документах использовались понятия «судебная практика», «практика верховного суда», «толкование закона», «указания генерального прокурора». Редчайшим исключением яви-

лась публикация «Уголовно-процессуальная политика советского государства на современном этапе» профессоров Н.С. Алексеева и В.Г. Даева в журнале «Правоведение» в 1977 г.

Термин «уголовная политика» не только использовался в научном мире, но был знаком и понятен любому юристу, как делающему первые шаги в постижении права, так и умудренному опытом его практического применения. Понятие, содержание и направления уголовной политики были раскрыты и обоснованы в научных трудах таких видных ученых, как А.А. Герцензон, С.В. Бородин, И.М. Гальперин, В.И. Курляндский, Н.А. Стручков, В.Н. Кудрявцев, П.Н. Панченко и др. Впервые знакомство с понятием «уголовная политика» происходило при изучении курсов «Уголовное право» и «Криминология», и здесь возникало понимание, что это неотъемлемое явление в жизни любого государства, поскольку именно на государство и его соответствующие органы обществом возложена обязанность по борьбе с преступностью.

В рамках единой уголовной политики как целостной социально-регулятивной системы выделяют ее подсистемы (элементы): уголовно-правовую, исправительную, уголовно-процессуальную политики, закладывая в основу ту или иную отрасль права, регламентирующую практику борьбы с преступностью. Вполне обоснованно отмечается, что все составные части уголовной политики находятся между собой в функциональной зависимости и взаимодействии, преобразования в одном элементе влекут соответствующие изменения и в других элементах [1, с. 46–47, 50].

Уголовный процесс рассматривался как один из детально регламентированных видов деятельности специальных государственных органов. На уровне правосознания того времени, требование о строжайшем соблюдении законности в уголовном судопроизводстве и такое явление, как политика, считались несовместимыми. Последнее (политика) ассоциировалось с возможностью компромисса, более свободного понимания и толкования права, наконец, широкого усмотрения полномочного субъекта и свободного разрешения вопроса о целесообразности применения закона. Наверное, этим объясняется то, что в криминологии, уголовном праве получило развитие учение об уголовно-правовой и исправительно-трудовой политике, а в теории советского уголовного процесса учение об уголовно-процессуальной политике так и не сформировалось.

Впервые попытка сформировать самостоятельный институт, посвященный уголовно-процессуальной политике в Российской Федерации, в науке уголовного процесса была предпринята в начале 90-х гг. прошлого столетия профессором Ю.А. Ляховым [2].

Существенное влияние на развитие института уголовно-процессуальной политики оказала утвержденная Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. концепция судебной реформы [3]. В Концепции судебной реформы были провозглашены основные направления уголовно-процессуальной и судебной политики. Наиболее ярко выражались следующие идеи: расширения состязательных начал в уголовном судопроизводстве; ограничения надзорных полномочий органов прокуратуры и расширения судебных процедур по защите гражданами своих прав; обжалования действий исполнительных органов; установления единственной досудебной формы производства по уголовным делам – предварительного следствия; введения специальных судов. Одним из позитивных моментов провозглашенной реформы стало создание действительно самостоятельной судебной системы, независимой от иных ветвей государственной власти.

В 1990-е гг. проводником уголовно-процессуальной политики стал Конституционный Суд. Наиболее ярко приоритеты такой политики выразились в его решениях, посвященных толкованию принципа состязательности. Другая доктрина, определенная Конституционным Судом, выражается в его решениях, посвященных праву граждан на судебное обжалование законности и обоснованности решений органов предварительного расследования, известная как институт судебного контроля. На уровне постепенного, но неуклонного изменения правосознания не только у специалистов, но и всего общества реализуется уголовно-процессуальная политика в вопросе надзорных полномочий прокуратуры за досудебным производством.

Основная масса преобразований проведенной судебной реформы связана с вопросами судоустройства, перераспределением полномочий между прокуратурой и судом, а также с изменениями в порядке производства по уголовным делам в суде, которые опять же вызваны преобразованиями в судоустройстве.

Значимых перемен в порядке производства по уголовному делу, в особенности в его досудебной части (к которой больше всего претензий со стороны общества), не происходит [4, с. 2–3]. Возможно, по

этой причине до сих пор используется понятие «судебная реформа» вместо «уголовно-процессуальная политика».

Следующим этапом в современной уголовно-процессуальной политике стало принятие УПК РФ. Свобода научной мысли, в том числе в судебном праве, многообразие привнесенных новых научных доктрин, заимствование их из иностранных правовых систем и возрождение старых и «нехорошо забытых теорий» российского права, все это на фоне стремительно меняющегося политического и экономического сознания общества – вот та среда, в условиях которой принимался действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Изначально, принятый в таких условиях закон не мог не быть противоречивым, поскольку теория уголовного процесса от научного единства и полемики советского периода, перешла в состояние полемики-антогонизма.

Давая характеристику современному УПК РФ, следует обратить внимание на то обстоятельство, что действующий уголовно-процессуальный кодекс радикально отличается по содержанию от закона, принятого в 2001 г. На первое сентября 2017 г. в УПК внесено изменений 224 Федеральными законами и 25 решениями Конституционного Суда. Современное состояние уголовно-процессуального закона уже вызывает скорее не разочарование, а сострадание. Большая проблема для пользователей уголовно-процессуального права уже не только успеть переосмыслить изменения в законе, но и отследить их, а главное не перепутать какая норма действует в настоящее время, поскольку некоторые статьи претерпели неоднократные изменения.

Отметим существенное обстоятельство свидетельствующее об изменении уголовно-процессуальной политики. Ее проводником, в отличии от 90-х гг. прошлого столетия и начала 2000-х гг. вместо Конституционного Суда стал законодатель.

По прошествии двух десятилетий судебной реформы, научная мысль, сделав виток в развитии, вернулась к идее о ведущей роли государства в проведении политики борьбы с преступностью, которая реализуется в сфере уголовной, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной деятельности. Однако, приоритеты этой политики изменились, с формальной точки зрения, можно утверждать, что произошло существенное расширение прав участников уголовного процесса и на первом плане теперь находятся интересы личности, а уже потом общества и государства [5, с. 25–34].

Современная политика обеспечения законности в досудебном производстве без наличия к тому, каких бы то ни было объективных причин, стала развиваться по экстенсивному пути, а именно по пути увеличения органов, должностных лиц и их контрольных полномочий за органами и лицами, осуществляющими досудебное производство. Однако в действительности, кроме усложнения процедуры производства и увеличения сроков расследования, ситуация, с точки зрения законности и обоснованности осуществляемых действий и принимаемых решений в досудебном производстве, не меняется в лучшую сторону.

Кризис правосудия заключается, прежде всего, в ресурсном перенапряжении всех звеньев уголовной юстиции – органов следствия, суда и прокуратуры.

Содержание уголовно-процессуальной политики подвижно, изменчиво и зависит от конкретной социально-политической обстановки, от влияния определенных политикообразующих факторов [2, с. 101].

Именно этими факторами обусловлено множество различных взглядов и подходов к тому, каким должен быть современный уголовный процесс России и в каком направлении должно происходить его совершенствование.

Сегодня основной интерес общества направлен не на политику и право, а экономику. Более 80 % уголовных дел рассматриваются судами в правовом режиме, установленном в гл. 40 УПК РФ в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Граждане, сознательно выбирают менее затратный экономически, физически и морально процесс, при котором в качестве бонуса получают гарантию не назначения максимального срока наказания, а на практике и еще меньшего. При сегодняшней системе управления обществом, производство, в порядке гл. 40 УПК РФ, удобно и для всей системы уголовной юстиции суда, прокуратуры и органов расследования, поскольку исключает необходимость исследования доказательств в судебном следствии и возможность обжалования приговора осужденным.

На момент провозглашения судебной реформы в 1991 г., УПК РСФСР просуществовал 30 лет и был признан несоответствующим требованиям общества. Сегодня 2017 г., с начала реформ прошло 26 лет, следовательно, идеи и направления судебной реформы уже

морально устаревают. Означает ли это, что пора разрабатывать новый УПК?

Для ответа на данный вопрос необходимо учитывать нынешнее состояние экономики, системы управления государственными органами и потребности общества. Пока в стране не будет выстроена новая модель управления обществом и производством, реформирование уголовного процесса обречено на бесконечные и незначительные изменения в законе, подобные тем, что происходят сейчас.

Не этим ли объясняется некоторое «затишье» в науке уголовного процесса. Если бы не пресловутые требования рейтинговой системы, стимулирующей количество публикаций профессорско-преподавательского состава, то значительное снижение научной активности по сравнению с 90-ми и двухтысячными годами было бы еще заметнее. Говоря об ослаблении научной активности нельзя конечно не отметить некоторое разочарование в ученой среде от результатов проведенной судебной реформы.

Какой опыт необходимо учесть при разработке модели нового порядка уголовного судопроизводства? Существенное значение имеет то обстоятельство, что при подготовке судебной реформы в 1991 г. и УПК РФ в 2001 г., принимались во внимание все научные достижения и предложения по совершенствованию законодательства, которые были выдвинуты намного ранее и уже на момент их принятия не отвечали требованиям общества.

При разработке нового порядка судопроизводства необходимо учитывать современную информационную составляющую, высокую технологичность современного общества. Более того, необходимо прогнозировать развитие электронных и информационных технологий на двадцать, тридцать лет вперед.

Консервация доказательств в досудебном производстве должна осуществляться электронными средствами видео фиксации. Процесс доказывания должен сместиться с досудебного производства в судебное заседание. Результаты «консервации», собирания информации в досудебном производстве, должны получать статус доказательств, после их исследования непосредственно в ходе судебного следствия.

Один лишь только переход к электронной форме фиксации хода и результатов уголовного судопроизводства повлечет за собой существенные изменения в порядке производства как отдельных стадий, так и уголовного процесса в целом. Фиксация хода и результатов про-

цессуальных действий на «традиционном» ныне бумажном носителе должна стать исключением и только для досудебного производства.

Список использованной литературы

1. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика / А.И. Коробеев. – Владивосток, 1987.
2. Ляхов Ю.А. Сущность и тенденции развития уголовно-процессуальной политики Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук / Ю.А. Ляхов. – Ростов н/Д., 1994.
3. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / отв. за вып. Б.А. Золотухин. – М., 1992.
4. Путин В. Сегодня нам крайне необходима судебная реформа / В. Путин // Российская юстиция. – 2001. – № 5. – С. 2–3.
5. Зубков А.И. Проблемы корректировки государственной политики борьбы с преступностью в России / А.И. Зубков // Власть: криминологические и правовые проблемы. – М., 2000.

Информация об авторе

Баранов Александр Михайлович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса, Омская академия МВД РФ, 644092, Российская Федерация, г. Омск, пр. Комарова, 7, e-mail: baranowam@list.ru.

Information about the author

Baranov, Alexander M. – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure, Omsk Academy of MIA of Russia, 7 av. Komarova, 644092, Omsk, Russian Federation, e-mail: baranowam@list.ru.

СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ПРАВА НА РАЗУМНЫЙ СРОК В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В статье рассматриваются средства защиты права участников производства по делу на разумный срок уголовного судопроизводства, которые могут быть реализованы в ходе досудебного производства по уголовным делам. Автор на основе анализа российской правоприменительной практики и позиций ЕСПЧ приходит к выводу о том, что к важнейшим средствам защиты права на разумный срок в ходе досудебного производства по уголовным делам могут быть отнесены обжалование в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, а также обжалование прокурору и руководителю следственного органа в порядке ст. 123 УПК РФ действий и бездействия должностных лиц, ведущих производство по делу, которые затягивают процесс. Рассматриваются важнейшие процессуальные особенности данных способов правовой защиты.

Ключевые слова: разумный срок уголовного судопроизводства, средства правовой защиты, позиции ЕСПЧ, обжалование, суд, прокурор, руководитель следственного органа.

O.V. Kachalova

MEANS OF PROTECTING THE RIGHT TO A REASONABLE TIME IN THE PROCEEDINGS OF PERFECT PRODUCTION OF CRIMINAL CASES

The article examines the means of protecting the rights of participants in the proceedings in a case for a reasonable period of criminal proceedings, which can be implemented during pre-trial proceedings in criminal cases. The author, on the basis of the analysis of Russian law enforcement practice and the positions of the ECtHR, concludes that the most important means of protecting the right to a reasonable period during pre-trial proceedings in criminal cases may be referred to an appeal to a court in the manner of Art. 125 of the Code of Criminal Procedure, as well as appeal against the prosecutor and the head of the investigative body in the manner

of art. 123 of the Code of Criminal Procedure of the actions and inaction of officials conducting proceedings on the case, which are delaying the process. The most important procedural features of these methods of legal protection are considered.

Keywords: reasonable term of criminal proceedings, remedies, ECHR positions, appeal, court, prosecutor, head of the investigative body.

Право на разумный срок уголовного судопроизводства, расследование и разрешение уголовного дела без неоправданной волокиты является одним из важнейших прав личности, вовлеченной в уголовный процесс в качестве стороны. Части 5 и 6 ст. 6.1 УПК РФ предусматривают процессуальную возможность обратиться к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела, если после поступления уголовного дела в суд оно длительное время не рассматривается и судебный процесс затягивается. Иных средств защиты права на разумный срок уголовного судопроизводства ст. 6.1 УПК РФ прямо не предусматривает, однако это отнюдь не означает, что в уголовном судопроизводстве их нет. К числу таких средств защиты данного права в ходе досудебного производства по уголовным делам, на наш взгляд, могут быть отнесены право обжалования в соответствии со ст. 123 и 125 УПК РФ.

Исходя из смысла ст. 125 УПК РФ, а также разъяснений, данных Верховным Судом РФ, в судебном порядке могут быть обжалованы отказ в приеме сообщения о преступлении либо бездействие при проверке этих сообщений, постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении предварительного расследования и другие¹. При этом могут быть обжалованы действия, в том числе, и начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, органов дознания, должностных лиц и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, по выявлению и пресечению преступлений, а также проверке поступивших заявлений и иных сообщений о совершенном или готовящемся преступлении. Право на обжалование в данном случае может быть реализовано как участниками процесса, так и иными лицами, чьи интересы затрагиваются данными действиями (бездействием), поскольку обеспечение прав и

¹ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. № 1 (ред. от 24.05.2016 г.).

свобод человека вытекает из фактического положения этого лица, а не его формального процессуального статуса.

Потенциал судебного контроля за этапом, предшествующим возбуждению уголовного дела, весьма велик и может использоваться судами более широко. В деле «Трубников против России» ЕСПЧ отметил, что полномочия суда отменить отказ в возбуждении уголовного дела и обозначить те нарушения, которые подлежат устранению, является важной гарантией против произвола следственных органов¹.

Рассматривая жалобу на бездействие органов уголовного преследования при осуществлении доследственной проверки, на отказ в возбуждении уголовного дела, а также на приостановление производства по делу суд не должен подходить к данному вопросу формально. Сам факт возобновления действий по поступившему заявлению либо возбужденному уголовному делу не является достаточным для отказа в удовлетворении жалоб заявителей².

Во многих случаях, когда подается жалоба по ст. 125 УПК РФ, постановление о приостановлении расследования отменяется и соответственно жалоба судьей отклоняется. Через некоторое время расследование вновь приостанавливается. Такой подход является формальным, поскольку предметом обжалования является не факт отмены постановления о приостановлении расследования или постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, а бездействие должностных лиц. Предметом судебного обжалования выступают непосредственно те действия (бездействие) и решения органов дознания, их должностных лиц или следователя, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию³. Это означает, что суду необходимо удостовериться, что в ответ на жалобу заявителя были предприняты конкретные и исчерпывающие меры. В необходимых случаях рассмотрение жалобы может быть отложено для того, чтобы следственные органы могли принять соответ-

¹ Трубников (Trubnikov) против России : постановление ЕСПЧ от 05.07.2005 г. № 49790/99, § 90.

² Ибрагимов и другие (Ibragimov and Others) против России : постановление ЕСПЧ от 29.05.2008 г., № 34561/03, § 66-67 и 99; от 05.06.2009 г.

³ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. № 1 (ред. от 24.05.2016 г.), п. 3.

ствующие меры. Оставление жалобы без рассмотрения в этом случае будет возможным только в случае принятия соответствующими реальными мер.

Такой подход коррелирует с позицией ЕСПЧ о том, что заявитель не должен оспаривать в суде каждое решение следственного органа. В деле «Ахмадова и Ахмадов против России», районный суд, рассмотрев жалобу заявительницы на приостановление расследования, констатировал, что следователи не предприняли все следственные действия, обозначенные прокурором, указал на те меры, которые необходимо принять, и обязал возобновить следствие. Тем не менее, через месяц после этого решения следствие было вновь приостановлено¹. ЕСПЧ указал, что нельзя требовать от заявителя, чтобы он обжаловал каждое решение районного прокурора в суд². Он должен прийти в суд один раз и уйти с решением, которое дает четкое представление о том, какие действия должны быть предприняты следственными органами в случае, если суд пришел к выводу о незаконности их бездействия.

Процессуальная модель судебного контроля, предусмотренная ст. 125 УПК РФ, не предполагает возможность суда указывать на конкретные меры, которые должны быть предприняты органами предварительного расследования, что затрудняет механизм фактической, а не формальной реализации принятого судом решения. Для решения данной проблемы может быть использован инструмент мотивирования принимаемых судом решений. В описательно-мотивировочной части решения, принимаемого судом в порядке ст. 125 УПК РФ, должны содержаться обоснованные фактическими обстоятельствами выводы суда относительно того, почему бездействие должностных лиц признано незаконным.

Рассматривая жалобу на бездействия должностных лиц, суд должен проверить в полном объеме, насколько на данном этапе выполнены все необходимые и возможные действия по установлению и расследованию преступления. Отказ в удовлетворении жалобы на отказ в возбуждении уголовного дела или на бездействие должностных

¹ Ахмадов и Ахмадова (Akhmadova and Akhmadov) против России : постановление ЕСПЧ от 25.09.2009 г., № 20755/04, § 37–40.

² Ибрагимов и другие (Ibragimov and Others) против России : постановление ЕСПЧ от 29.05.2008 г., № 34561/03, §§ 66-67 и 99; от 05.06.2009 г.

лиц в порядке доследственной проверки (ст. 144 УПК РФ) без должного анализа недостатков проведенного расследования недопустим¹. Те нарушения, которые легли в основу вывода суда о незаконности действий должностных лиц, должны быть ими незамедлительно исправлены. Другим средством защиты права на разумный срок производства по делу является рассмотрение жалоб прокурором и руководителем следственного органа в порядке ч. 2 ст. 123 УПК РФ. Согласно позиции ЕСПЧ, жалоба прокурору или руководителю следственного органа не может рассматриваться в качестве эффективного средства правовой защиты по своим формальным признакам, а именно в связи с отсутствием какого-либо формального статуса у автора жалобы в этой процедуре или возможности каким-либо образом участвовать в последующей проверке. Он имеет только право получить ответ, т.е. решение, принятое прокурором по результатам проведенной проверки². Несмотря на это ЕСПЧ всегда подчеркивал, что нельзя недооценивать важность этого механизма на национальном уровне. Прокурор, руководитель следственного органа в соответствии со ст. 124 УПК РФ рассматривает жалобу в течение 3 суток со дня ее получения. В исключительных случаях, когда для проверки жалобы необходимо истребовать дополнительные материалы либо принять иные меры, допускается рассмотрение жалобы в срок до 10 суток, о чем извещается заявитель. По результатам рассмотрения жалобы прокурор, руководитель следственного органа выносит постановление о полном или частичном удовлетворении жалобы либо об отказе в ее удовлетворении. В случае удовлетворения жалобы руководитель следственного органа и прокурор должны указать процессуальные действия, осуществляемые для ускорения рассмотрения дела, и сроки их осуществления.

В соответствии со ст. 37 УПК РФ прокурор вправе требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия; давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий;

¹ 6. Шувалов (Shuvalov) против России : постановление ЕСПЧ от 18.10.2011 г., № 38047/04, § 55.

² Чернецкий (Chernetskiy) против России : постановление ЕСПЧ от 16.10.2014 г., № 18339/04, § 80.

истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение и др.

На практике обжалование прокурору нарушения разумных сроков производства по делу применяется достаточно часто, чаще всего обжалуется бездействие лиц, производящих расследование, и производство ими необходимых следственных и иных процессуальных действий. В таких случаях прокурор, как правило, требует от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия; а дознавателю к тому же дает письменные указания о направлении расследования. В случаях, когда требования прокурора не выполняются органами расследования, участники процесса повторно обращаются к прокурору с жалобой на непринятие следователем мер по устранению нарушений по уголовному делу.

Так, в одном из дел суд отметил, что в материалах уголовного дела имеются ответы Прокуратуры Саратовской области № 16-90-03 от 25.12.2006 г. на обращение К. о непринятии следователем мер по устранению нарушений по уголовному делу (т. 1, л.д. 74–76), № 16-90-03 от 06.02.2007 г. на обращение М. (т. 1, л.д. 77), № 16-90-2003 от 25.05.2011 г. на обращение М. по вопросам расследования уголовного дела № 10113 (т. 1, л.д. 78)¹.

Руководитель следственного органа в соответствии со ст. 39 УПК РФ уполномочен давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения; лично рассматривать сообщения о преступлении, участвовать в проверке сообщения о преступлении; продлевать срок предварительного расследования; утверждать постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу и т.д.

На практике обращения участников процесса с жалобами руководителю следственного органа на нарушение разумных сроков про-

¹ Решение Саратовского областного суда от 30.08.2012 г. № 3-144/2012 [Электронный ресурс], URL: <https://rospravosudie.com/court-saratovskij-oblastnoj-sud-saratovskaya-oblast-s/act-106390290/>

изводства по делу встречаются достаточно часто и, как правило, удовлетворяются.

Так, например, 24.07.2012 г. Ч. обращался с жалобой в адрес руководителя главного следственного управления Главного управления Министерства внутренних дел России по Саратовской области, в которой указывал на чрезмерно длительное расследование уголовного дела, просил принять меры к ускорению расследования. 03.08.2012 г. руководителем следственного органа – и.о. начальника следственной части ГСУ ГУ МВД России по Саратовской области жалоба потерпевшего Ч. была рассмотрена и удовлетворена.

26.07.2012 г. П. обращался с жалобой в адрес руководителя главного следственного управления Главного управления Министерства внутренних дел России по Саратовской области, в которой указывал на чрезмерно длительное расследование уголовного дела, просил принять меры к ускорению расследования. 30.07.2012 г. руководителем следственного органа – и.о. начальника следственной части ГСУ ГУ МВД России по Саратовской области жалоба потерпевшего П. была рассмотрена и удовлетворена¹ [9].

Информация об авторе

Качалова Оксана Валентиновна – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом проблем уголовного судопроизводства, профессор кафедры уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной, Российский государственный университет правосудия, 117418, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69, e-mail: oksana_kachalova@mail.ru.

Information about the author

Kachalova, Oksana V. – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Problems of Criminal Proceedings, Professor of the Department of Criminal Procedural Law. N.V. Radutnoy Russian State University of Justice, 69 Novocheremushkinskaya st., 117418, Moscow, Russian Federation, e-mail: oksana_kachalova@mail.ru.

¹ Постановление Саратовского областного суда от 13.09.2012 г. № 3-152/12 // Архив Саратовского областного суда за 2012 г.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье рассматриваются отдельные проблемные вопросы российского уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних. Критикуется несистемная законодательная деятельность и обосновывается необходимость разработки уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних. Уголовно-процессуальная политика рассматривается как часть уголовной политики государства и как особая разновидность правовой политики.

Ключевые слова: несовершеннолетний, уголовно-процессуальная политика, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальное законодательство.

E.V. Markovicheva

CRIMINAL PROCEDURE POLICY REGARDING MINORS

The article tackles certain issues of the Russian criminal proceedings regarding minors. It criticizes the inconsistency in legislative business, providing arguments for the necessity of developing a special criminal procedure policy in regards to minors. The criminal procedure policy is viewed in the context of national criminal policy. The author considers it a type of juridical policy.

Keywords: minor, criminal procedure policy, criminal proceedings, criminal procedural law.

В силу целого ряда жизненных обстоятельств несовершеннолетние оказываются вовлеченными в сферу уголовного судопроизводства. Их процессуальный статус может варьироваться в зависимости от того, положения, которое они занимают в уголовном процессе. В тоже время включение в процесс и несовершеннолетнего обвиняемого, и потерпевшего, и свидетеля предъявляет к производству по уголовному делу ряд специфичных требований. Последние связаны с необходимостью учета возрастных психофизиологических особенно-

стей любого несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства.

Традиционно в российском уголовно-процессуальном законодательстве фиксируются определенные правила производства отдельных процессуальных действий с участием несовершеннолетних и вводятся дополнительные гарантии обеспечения их прав и законных интересов. Эпизодически законодатель предпринимает попытки по усовершенствованию процессуального положения несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства. Эти попытки, не смотря на то, что приводят к определенным позитивным результатам, вызывают целый ряд вопросов. Эти вопросы, в первую очередь, связаны с бессистемностью проводимой законодательной работы в отношении несовершеннолетних в уголовном процессе. В ряде случаев вызывает сомнение и необходимость закрепления в законодательстве явно декларативных норм, процессуальный механизм обеспечения которых отсутствует. В итоге такие благие намерения отечественного законодателя не упрощают, а еще больше усложняют правоприменительную деятельность. Такая ситуация позволяет исследователям сделать справедливые, хотя и неутешительные выводы: «несмотря на идущую уже второе десятилетие масштабную судебную реформу, эффективность судебной защиты прав граждан в процессе уголовного судопроизводства по многим важным параметрам не выросла, а по некоторым – даже заметно снизилась» [1, с. 86].

Преодоление сложившегося бессистемного подхода требует определения целого ряда концептуальных моментов. Перед тем, как вносить очередные поправки в УПК РФ, необходимо определиться с приоритетными направлениями современной российской уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних.

Уголовно-процессуальная политика представляет собой правовую разновидность государственной уголовной политики, реализуемой, также как и уголовно-правовая политика с помощью правового инструментария. В данном случае этот инструментарий должен быть закреплен в нормах процессуального права. Кроме того, следует учитывать и тот факт, что «уголовно-процессуальная политика должна содержать обеспечительные условия и критерии ее эффективности, а также условия и предпосылки изменения уголовно-процессуального законодательства» [2, с. 94].

В целом, правовая политика большинства современных государств уделяет внимание именно несовершеннолетним как группе субъектов, нуждающихся в повышенной правовой защите. Такая политика представляет собой сложную целенаправленную деятельность государственных органов и должностных лиц по обеспечению эффективной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних [3, с.177]. Правовая политика в данном случае определяет приоритетные направления совершенствования как законодательства, так и правоприменительной практики. Безусловно, следует согласиться с мнением И.Г. Смирновой, подчеркивающей, что «сегодня вопрос о сущности уголовной политики не потерял своей дискуссионности, о чем свидетельствует анализ специальной литературы, посвященной политике, тогда как проблемы уголовно-процессуальной политики почти не затрагиваются в науке. Тем более не обсуждалось, насколько уголовно-процессуальная политика отражает социальные ценности уголовного судопроизводства и следует им» [4, с. 61].

Однако в современной России отсутствует целостная уголовно-процессуальная политика в отношении несовершеннолетних. Более того, данная проблематика не рассматривается комплексно, что приводит к различным крайностям, порождающим негативные последствия. В частности, достаточно долгий период внимание государства было приковано к проблеме ювенальной юстиции, что позволило в определенной мере сформулировать направления текущей и перспективной уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних уголовно-преследуемых лиц. Со временем интерес к данной проблематике ослаб, и вопросы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних отошли на второй план. А на первый выдвинулась проблема обеспечения прав потерпевших, в том числе и несовершеннолетних. Это привело к смещению акцентов и в области уголовно-процессуальной политики государства, и соответственно в законодательстве. К сожалению, такой подход видится малопродуктивным, поскольку в его основе отсутствует систематическая аналитическая работа по выявлению причин тех или иных явлений, определению инструментов для их устранения и оценке рисков, которые несет в себе внесение любого изменения или дополнения в уже действующий закон. Игнорирование вышеперечисленных моментов создает реальные трудности в работе правоприменителя, который зачастую не понимает ни смысла нормы, ни механизма ее реа-

лизации. Например, Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ в ст. 191 УПК РФ была введена часть 4, предусматривающая в случае производства допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего обязательное участие психолога. Не смотря на то, что норма носит очевидный охранительный характер, ее реализация сопряжена с целым рядом сложностей. В частности, следователь должен к моменту производства одного из перечисленных следственных действий иметь достоверную информацию: 1) о возрасте несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля; 2) о наличии или отсутствии у него психического расстройства или отставания в психическом развитии. Установив данные обстоятельства, следователь обязан пригласить к участию в следственном действии психолога. Поиск указанного в статье специалиста также вызывает целый ряд трудностей, поскольку правоприменительная ситуация сейчас сложилась таким образом, что педагоги и психологи вовлекаются в уголовный процесс бессистемно и часто, в так называемом, добровольно-принудительном порядке.

Необходимость выполнить данные требования и сложность их оперативного обеспечения должны обеспечить защиту несовершеннолетнего, но, она же может существенно затруднить производство первоначального этапа предварительного расследования по указанной в статье категории преступлений. Много вопросов вызывает и то обстоятельство, что введя дополнительные гарантии для несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в стадии предварительного расследования, законодатель не решил «больной» вопрос отечественного уголовного процесса: процессуальный статус потерпевшего в стадии возбуждения уголовного дела.

Целый ряд проблем связан и с производством по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Это и вопросы возбуждения уголовного дела, и применения к ним процессуального принуждения, и участия педагога и психолога в производстве следственных и судебных действий и другие. Есть и общие для всех несовершеннолетних участников проблемы. В первую очередь, это касается участия законного представителя в уголовном судопроизводстве. Нерешен-

ными остаются проблемные вопросы о круге субъектов, которые могли бы выступить законным представителем несовершеннолетнего, о замене последнего, о порядке его допроса, о соотношении процессуальной самостоятельности несовершеннолетнего и его законного представителя.

Открытым остается и вопрос о положении в уголовном судопроизводстве малолетних, совершивших уголовно наказуемые деяния до наступления возраста уголовной ответственности, а все попытки вывести его решение из уголовно-процессуальной плоскости только усугубляют ситуацию.

Очевидно, что участие несовершеннолетних в современном российском уголовном судопроизводстве требует системного и комплексного решения значительного ряда проблем. Их решение должно носить не точечный характер отдельных законодательных новелл, а стать результатом четкой уголовно-процессуальной политики. Разработка уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних требует определения ее целей и стратегических направлений. Формулировка последних позволит обозначить конкретные задачи как текущей уголовно-процессуальной политики, так и перспективной. Такой подход обеспечит решение проблем не только в краткосрочной, но и в среднесрочной перспективе, обозначит вектор, на который следует ориентироваться в законотворческой деятельности.

Список использованной литературы

1. Конрад И.Н. О пользе уголовно-процессуальной науки для разработки концептуальных положений уголовно-процессуальной политики и развития уголовно-процессуального законодательства / И.Н. Конрад // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 4. – С. 85–89.

2. Зайцев О.А. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации: содержание и основные направления / О.А. Зайцев // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – № 35. – С. 92–99.

3. Смирнова И.Г. Уголовно-процессуальная политика: некоторые суждения о ее сущности, социальной обусловленности и месте в уголовной политике / И.Г. Смирнова // Криминологический журнал

Байкальского государственного университета экономики и права. – 2010. – № 3. – С. 61–67.

4. Марковичева Е.В. Основные направления современной уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних правонарушителей / Е.В. Марковичева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 5. – С. 177–180.

Информация об авторе

Марковичева Елена Викторовна – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства, Российский государственный университет правосудия, 117418, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новочеремушkinsкая, 69, e-mail: markovicheva@yandex.ru.

Information about the author

Markovicheva, Elena V. – Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher of the Division of Problems of Criminal Proceedings of the Russian State University of Justice, 69 Novochemushkinskaya st., 117418, Moscow, Russian Federation, e-mail: markovicheva@yandex.ru.

СУДЕБНЫЕ РЕШЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И ИХ ПРИЗНАКИ

В статье рассматриваются различные подходы к дефиниции «судебные решения», их признакам и значению, анализируются важнейшие свойства судебных решений. Автор приходит к выводу о том, что в условиях повышения роли суда в правовой системе общества, укрепление судебной власти, усиления авторитета и независимости суда, роль и значение судебных решений нуждается в переосмыслении. Признаки судебной власти детерминируют важнейшие свойства судебных решений: их социальный характер, осознанность и целенаправленность, волевой характер, объективность, легитимность, регулирующее и организующее значение, принудительный характер. Помимо этого для судебных решений специфичными являются особая предметная область правового регулирования, ситуационный характер, нормативность, а также отражение реализуемых в ходе производства по уголовным делам властеотношений.

Ключевые слова: уголовный процесс, судебные решения, процессуальный акт, судебная власть, правоприменение, властные полномочия, правосудие.

М. V. Belyaev

JUDICIAL SOLUTIONS IN THE CRIMINAL PROCESS AND THEIR SIGNS

The article considers various approaches to the definition of «judicial decisions», their features and significance, and analyzes the most important properties of court decisions. The author comes to the conclusion that in the context of increasing the role of the court in the legal system of society, strengthening the judiciary, strengthening the authority and independence of the court, the role and importance of judicial decisions need to be rethought. Signs of the judiciary determine the most important properties of judicial decisions: their social character, awareness and purposefulness, strong-willed character, objectivity, legitimacy, regulating and organ-

izing significance, coercive character. In addition, for specific court decisions specific subject area of legal regulation, situational nature, normative nature, as well as reflection of the authorities' relations in the course of criminal proceedings are specific.

Keywords: criminal process, judicial decisions, procedural act, judicial power, law enforcement, power authority, justice.

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность принятия судебных решений по многочисленным вопросам, возникающим в ходе производства по уголовным делам. Эти решения весьма разнообразны по содержанию, могут иметь различную форму, имеют различное значение – от разрешения текущих вопросов, имеющих вспомогательный характер, до итоговых решений, разрешающих уголовное дело по существу. К числу судебных решений относятся приговор, определение, постановление суда, а также частное определение (постановление). Судебные решения могут быть как вынесены в виде отдельного процессуального акта, так и отражаться в протоколе судебного заседания.

В советской юридической науке правовые, в том числе судебные решения традиционно рассматривались как разновидность управленческих решений [1, с. 278; 2, с. 9]. В различных отраслях права судебные решения рассматривались как вид процессуальных решений. Так, П. А. Лупинская определяла решения в уголовном судопроизводстве как облеченный в установленную законом процессуальную форму правовой акт, в котором должностные лица, ответственные за производство по делу, в пределах своей компетенции в определенном законом порядке дают ответы на возникающие по делу правовые вопросы и выражают властное волеизъявление о действиях, вытекающих из установленных обстоятельств и предписаний закона, направленных на достижение задач уголовного судопроизводства [2, с. 14].

Н.В. Витрук применительно к конституционному судопроизводству в качестве судебного решения определял облеченный в установленную законом форму правовой акт, которым суд в пределах своей компетенции выражает свою волю посредством констатации юридически значимых фактов и изложения государственно-властных велений [3, с. 104], В.А. Кряжков и Л.В. Лазарев поддерживая предложенную дефиницию, обозначили также в качестве одно из признаков

судебного решения необходимость соблюдения процессуального порядка его принятия [4, с. 228].

Е.В. Хахалева рассматривает судебное решение как наделяемый законной силой процессуальный акт-документ, содержащий государственно-властное, индивидуально-конкретное предписание по применению норм права к установленным в судебном разбирательстве фактам и правоотношениям [5, с. 6].

Нормативное определение уголовно-процессуального решения содержится в п. 33 ст. 5 УПК РФ, под ним понимается решение, принимаемое судом, прокурором, следователем, дознавателем в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом.

А.С. Червоткин пишет о том, что родовым понятием для судебных решений является судебный акт, который включает в себя как решение суда, так и его юридически значимые действия [6, с. 15]. Автор совершенно обоснованно пишет о том, любое судебное решение в отличие от судебного действия всегда облечено в определенную процессуальную форму. Оно является актом, исходящим от органа правосудия, вынесенным в соответствующем процессуальном порядке, установленном законом, и облеченным в письменную форму [6, с. 15].

В ряде исследований судебные решения рассматривались применительно к досудебному производству по уголовным делам. М.А. Барова определяет судебные решения в досудебном производстве как принимаемый в досудебном производстве по уголовному делу уголовно-процессуальный акт суда, выраженный в установленных законом процессуальной форме и порядке вынесения, отражающий ответы на возникшие по уголовному делу правовые вопросы, направленный на индивидуальное регулирование общественных отношений, обеспечение гарантий прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства, обеспечение беспрепятственного производства предварительного расследования и дальнейшего судебного разбирательства [7, с. 6].

М.А. Подольский рассматривает судебное решение досудебного производства как процессуальное решение суда о законности и обоснованности ограничения прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве либо о признании процессуальных решений или действий (бездействия) дознавателя, следователя и прокурора незаконными и необоснованными [8, с. 5].

Как видим, большинство исследователей определяют судебное решение через его форму – процессуальный акт, принимаемый судом в ходе уголовного судопроизводства. Однако в юридической науке встречаются и иные подходы.

Так, например, С.А. Бахта определяет уголовно-процессуальные решения как властные волеизъявления дознавателя, органа дознания, руководителя подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и судьи, направленные на выполнение назначения уголовного судопроизводства, вытекающие из установленных обстоятельств и отвечающие предписаниям закона или ведомственных нормативных актов [9, с. 5]. Таким образом делается акцент на содержательную сторону судебного решения.

К числу признаков судебного решения в юридической науке традиционно относят его государственно-властный характер (в решении суда сконцентрировано государственно-властное предписание по принудительному претворению в жизнь правовых норм) [2, с. 12–13; 5; 6, с. 16; 7; 10], основанность на законе и направленность на исполнение закона [5, с. 6], обязательность исполнения [5; 6, с. 16; 10], строго регламентированный процессуальным законом порядок вынесения [2, с. 12–13], направленность на возникновение, изменение или прекращение правоотношений [2, с. 12–13; 7; 10]. В качестве признаков судебного решения называются также следующие: судебные решения содержат ответы на правовые вопросы [2, с. 12–13; 7]; являются средством реализации установленных законом полномочий суда [2, с. 12–13; 7]; отражают способ реализации прав, предоставленных законом участникам процесса [7]; являются процессуальными актами-документами [10]; имеют строго определенную форму [2, с. 12–13; 6, с. 16]; являются актами индивидуального правового регулирования [10; 9]; являются актами правоприменения [2, с. 12–13; 10]; могут быть письменными либо выноситься в устной форме [6, с. 16; 9].

Свойства судебного решения определяют его содержание и значение. Содержание судебного решения в юридической науке традиционно связывается с достижением в конкретном уголовном деле задач судебной деятельности [5].

Значение судебных решений определяются, в первую очередь тем, что они обеспечивают достижение задач судопроизводства в каждом конкретном деле, упорядочивая правоотношения, возникаю-

щие между участниками процесса, способствуя защите прав и законных интересов личности и публичных интересов при производстве по уголовным делам. Об этом неоднократно упоминалось в юридической науке [2, с. 5; 5; 7].

Определяя значение судебных решений в уголовном процессе, М.А. Барова выделяет две группы задач, достижению которых способствуют судебные решения. Первая группа задач, по мнению автора, отражает цель уголовно-процессуальной политики в целом, вторая – обеспечивает условия производства по конкретному уголовному делу, защищает права, свободы и законные интересы участников процесса. Помимо этого, М.А. Барова отмечает, что судебные решения имеют предупредительный и воспитательный характер; отражают гуманистическую направленность уголовного процесса, способствуют укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону [7].

П.А. Лупинская писала о том, что процессуальные решения в своей совокупности способствуют охране общественного строя, безопасности, прав и законных интересов граждан, государственных органов и общественных организаций, предупреждению и искоренению преступлений, повышению правовой культуры граждан, одним из значений судебных решений было названо упорядочивание производства по делу [2, с. 5].

Разделяя в целом вышеуказанные подходы, отметим, что современная правовая политика и идеология, важнейшим направлением которой является повышение роли суда в правовой системе общества, укрепление судебной власти, усиление авторитета и независимости суда, ставит на повестку дня необходимость переосмысления роли и значения судебных решений во всех видах судопроизводства. В полной мере это относится и к уголовному процессу. А в условиях информационного общества, развития и внедрения в судебную систему новейших информационных технологий, открывающих доступ к большинству решений, вынесенных судами, и осуществлению таким образом социального контроля за данной сферой, роль судебных актов неуклонно возрастает. Их значение уже не может рассматриваться в контексте лишь отдельного уголовного дела. Впервые в теории уголовно-процессуального права П.А. Лупинская определила решения, принимаемые в уголовном судопроизводстве, как правовое средство выполнения его социального

назначения, определенного в ст. 6 УПК РФ [2, с. 13]. Полагаем, что значение судебных решений следует определять в этом же контексте, рассматривая их в качестве содержательного отражения важнейших свойств правосудия и реализации функций судебной власти. Л.А. Воскобитова определяет в качестве важнейших свойств судебной власти общие: ее социальный характер, присущие ей властеотношения, осознанность и целенаправленность, волевой характер, объективность, легитимность, регулирующее и организующее предназначение власти, принудительный характер, и специальные: особую предметную область, ситуационный характер, нормативность [11, с. 90–138]. Считаем необходимым транспонировать эти признаки на решения, принимаемые судом. Таким образом можно прийти к выводу о том, что признаки судебной власти детерминируют важнейшие свойства судебных решений: их социальный характер, осознанность и целенаправленность, волевой характер, объективность, легитимность, регулирующее и организующее значение, принудительный характер. В свете вышесказанного специфичными признаками судебных решений являются также особая предметная область правового регулирования, ситуационный характер, нормативность и отражение реализуемых в ходе производства по уголовным делам властеотношений.

Помимо этого, решения, принимаемые судом в уголовном судопроизводстве, выступают средствами реализации функций суда на различных стадиях процесса, в сконцентрированном виде отражают весь процесс уголовного судопроизводства. Судебные решения по сути дела в опосредованном виде отражают деятельность всех участников уголовного судопроизводства, раскрывают логическую деятельность суда по установлению обстоятельств дела и их юридической оценке.

Список использованной литературы

1. Алексеев С.С. Проблемы теории права / С.С. Алексеев. – Свердловск, 1973. – Т. 2.
2. Lupinskaya P.A. Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika / P.A. Lupinskaya. – 2-e izd. – M., 2010.
3. Vitruk N.V. Konstitutsionnoe pravosudie v Rossii (1991-2001). Ocherki teorii i praktiki / N.V. Vitruk. – M., 2001.

4. Кряжков В.А. Конституционная юстиция в Российской Федерации : учеб. пособие / В.А. Кряжков, Л.В. Лазарев. – М., 1998.

5. Хахалева Е.А. Обоснованность решения суда общей юрисдикции [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Хахалева. – Краснодар, 2005. – URL: <http://www.dissercat.com/content/obosnovannost-resheniya-suda-obshchei-yurisdiktsii>.

6. Червоткин А.С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Червоткин. – М., 2013.

7. Барова М.А. Уголовно-процессуальный механизм вынесения судебных решений в досудебном производстве [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.А. Барова. – Н. Новгород, 2014. – URL: <http://lawtheses.com/ugolovno-protsessualnyu-mehanizm-vyneseniya-sudebnyh-resheniy-v-dosudebnom-proizvodstve>

8. Подольский М.А. Судебные решения в досудебном производстве по уголовному делу: вопросы теории и практики [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.А. Подольский. – Казань, 2007. <http://lawtheses.com/sudebnye-resheniya-v-dosudebnom-proizvodstve-po-ugolovnomu-delu>

9. Бахта А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.С. Бахта. – М., 2011. – URL: <http://www.dissercat.com/content/mekhanizm-ugolovno-protsessualnogo-regulirovaniya>

10. Загайнова С.К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С.К. Загайнова. – Екатеринбург, 2008. – URL: <http://www.dissercat.com/content/sudebnye-akty-v-grazhdanskom-i-arbitrazhnom-protsesse-teoreticheskie-i-prikladnye-problemy-0>

11. Воскобитова Л.А. Теоретические основы судебной власти / Л.А. Воскобитова. – М., 2017.

Информация об авторе

Беляев Максим Владимирович – кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, 420088,

Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. 2-я Азинская, 7а, e-mail: 2216406@mail.ru.

Information about the author

Belyaev, Maxim V. – PhD of Law, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Kazan Branch of the Russian State University of Justice, 7a 2-ya Azinskaya st., 420088, Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation, e-mail: 2216406@mail.ru.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

С момента принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в 2001 г. предпринималось немало попыток внесения предложений по совершенствованию закона по вопросам доказывания. Настоящий закон действует более 15 лет и в него регулярно вносятся изменения, дополнения. Уголовно-процессуальная практика диктует необходимость совершенствования закона. Вопросы доказывания по уголовному делу составляют ядро всего уголовного процесса. Фактически любой институт уголовного судопроизводства имеет прямое отношение к вопросам теории доказательств. Вопрос о свойствах доказательств является основополагающим при решении вопроса их оценки, в этой связи, нам видится необходимым проанализировать вопрос о взаимосвязи доказательств в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: доказательства, процесс доказывания, оценка доказательств, свойства доказательств, относимость, допустимость, достаточность, достоверность, взаимосвязь, косвенные доказательства.

E.V. Bryanskaya

INTERRELATION OF EVIDENCE IN THE PROCESS OF PROOF OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Since the adoption of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (hereinafter – the Code of Criminal Procedure) in 2001, many attempts have been made to make proposals to improve the law on evidence. This law is in effect for more than 15 years and changes and additions are regularly made to it. Criminal procedural practice dictates the need to improve the law. The issues of proof in the criminal case form the core of the whole criminal process. In fact, any institution of criminal justice is directly related to the theory of evidence. The question of the properties of evidence is fundamental in deciding the issue of their assessment, in this regard, we see it necessary to analyze the issue of the connection of evidence in criminal proceedings.

Keywords: evidence, proof process, evaluation of evidence, property of evidence, relevance, admissibility, sufficiency, reliability, correlation, indirect evidence.

Нормы УПК РФ о доказательствах и доказывании неразрывно связаны со всеми нормами уголовно-процессуального права, определяющими задачи судопроизводства и его принципы, полномочия государственных органов, права, обязанности и гарантии прав участников процесса, порядок производства следственных и судебных действий, требования, которым должны отвечать решения, принимаемые в уголовном процессе.

Доказывание – это урегулированная законом деятельность по собиранию, исследованию, проверке и оценке доказательств.

Оценка доказательств представляет мыслительную деятельность судьи, которая осуществляется в логических формах при соблюдении научной методологии познания и, как мы полагаем, в свете активной деятельности сторон [1, с. 132].

Свобода оценки доказательств является принципом уголовного судопроизводства. Думается, данный принцип можно определить как нормативно закрепленное и проявляющее себя на всех этапах судебного разбирательства по уголовному делу руководящее положение, позволяющее судье оценивать ценностные свойства доказательств и их совокупности по результатам их собственного познания, сформировавшегося на основе своего внутреннего убеждения.

Судья, оценивая доказательства, предопределяет силу доказательств, под которой современные процессуалисты понимают «значение, действенность», до того как доказательства в суде будут оценены, они не обладают каким-либо строго определенным значением [2]. «Самая ответственная и трудная задача заключается, в определении, какое же именно обстоятельство является существенным для дела, какое обстоятельство является имеющим значение для установления истины» [3, с. 11].

«Оценить доказательства, значит определить, насколько точно установлено каждое из них, в какой взаимосвязи с делом и другими доказательствами оно находится, какой именно факт, имеющий значение для дела, оно устанавливает или опровергает и что означают в совокупности все собранные по делу доказательства» [4, с. 49].

Основным вопросом, решаемым при оценке доказательств, А.И. Трусов считает установление достоверности сведений о фактах, которые содержит доказательство [5, с. 13].

По мнению Л.Т. Ульяновой, основные вопросы, определяющие содержание оценки доказательств, – достоверность и значение доказательств [6, с. 34].

М.С. Строгович утверждает, что «оценка доказательства является итогом его проверки и состоит в признании существования или несуществования того факта, который этим доказательством устанавливается» [7, с. 164].

Все упомянутые авторы, как и большинство других процессуалистов, считают, что оценка доказательств судьей – это умственный процесс, акт мысли по сопоставлению доказательств. Хотя, С.А. Голунский возражал против этого положения, подчеркивая связь оценки доказательств со всей деятельностью следственных и судебных органов [8, с. 23].

По нашему мнению, в свете современной концепции уголовного судопроизводства, оценка доказательств судьей имеет существенные особенности, которые заключаются в такой правовой категории, как внутреннее убеждение.

В уголовном судопроизводстве оценка доказательств производится по внутреннему убеждению судьи, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении доказательств. При этом в законе не указываются формальные условия, которые заранее определяли бы ценность и значение каждого доказательства в отдельности и их совокупности.

В российском законодательстве категория «внутреннее убеждение» известна издавна (еще со времен Устава уголовного судопроизводства 1864 г.). Данное понятие было заимствовано из зарубежного законодательства. Период буржуазных революций знаменовал собой переход от системы формальных доказательств к провозглашению принципа свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению судей.

Внутреннее убеждение судьи исторически было в центре внимания таких крупных дореволюционных ученых-процессуалистов, как например, В.И. Викторского, Л.Е. Владимирова, М. В. Духовного, С.В. Познышева, Н.Н. Розина, Д.Г. Тальберга, И.Я. Фойницкого. В научных трудах дореволюционных авторов рассматривались вопросы о том,

что же такое внутреннее убеждение, каковы его место и роль в уголовно-процессуальном доказывании. Например, видный ученый-процессуалист Л.Е. Владимиров, характеризуя убеждение как результат свободной оценки доказательств, введенной в России по Судебным уставам 1864 г., писал: «Если я настолько уверен в правильности своего вывода о достоверности фактов, что решаюсь действовать, значит, мое убеждение сильно, значит моя уверенность велика...» [9, с. 78].

Разумеется, в уголовном процессе изначально был установлен принцип свободной оценки доказательств судьями по их внутреннему убеждению, не скованному предписаниями о ценности отдельных доказательств и их совокупности.

Современный УПК РФ, сосредоточив достижения отечественной правовой мысли, посвятил отдельную статью оценке доказательств (ст. 17 УПК РФ). Тем самым УПК РФ подчеркнул неразрывность внутреннего убеждения и свободы оценки доказательств, стремясь не допустить ни ущемления внутреннего судейского убеждения, ни его чрезмерной свободы. Так, содержание принципа свободной оценки доказательств составляют следующие положения: во-первых, доказательства не имеют заранее установленной силы; во-вторых, судья не связан результатами оценки иных лиц; в-третьих, судья оценивает доказательства по внутреннему убеждению, руководствуясь законом и совестью.

В соответствии со ст. 17 УПК РФ судьи оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном рассмотрении всех обстоятельств дела, руководствуясь законом и собственным правосознанием.

Интерес представляет то, что при оценке доказательств недопустимо априорное деление их на лучшие и худшие в зависимости от источника фактических данных и любых других обстоятельств. Нельзя, например, полагаться на заключение авторитетного эксперта как на лучшее из всех доказательств, хотя этот вид фактических данных в отличие от других основывается на достижениях науки. Заключение эксперта не является обязательным для суда, однако несогласие их с заключением должно быть мотивировано [10, с. 45].

В качестве критериев оценки ч. 1 ст. 88 УПК РФ определяет такие свойства доказательств, как относимость, допустимость, достоверность и достаточность. По нашему мнению, ч. 1 ст. 88 УПК РФ регламентирует объективные факторы внутреннего убеждения.

Доказательства оцениваются судьей не просто в хаотичной совокупности. Материалы уголовного дела имеют определенную упорядоченность. Кроме того, доказательства подвергаются своему исследованию, проверке и оценке в отдельности, а потом уже в своей логичной совокупности. На предмет относимости, допустимости и достоверности доказательство исследуется в отдельности, на предмет достаточности в совокупности всех доказательств по уголовному делу.

В связи с этим нам видится еще одно свойство доказательств, которое имеет важное процессуальное значение, это взаимосвязь всех доказательств по уголовному делу. В общепринятое правило о свойствах доказательств «три Д и одно О» необходимо включить и взаимосвязь.

Все доказательства должны быть взаимообусловлены. Наиболее наглядна взаимосвязь доказательств в рассмотрении такой классификации доказательств как «первоначальные и производные». Более того, оцениваться взаимосвязь должна и при признании доказательств недопустимыми.

Поскольку признание доказательств недопустимыми влечет утрату юридической значимости целой цепочки доказательств в силу их взаимосвязи, порою мы можем судить о несостоятельности целого эпизода по уголовному делу.

Судебная практика пошла по пути, предложенному П.А. Лупинской, до сих пор актуальны идеи «чая и чернила» (ложка чернил портит стакан чая) и «разбитого зеркала» (если зеркало разбилось, посмотрим, что отражается в его кусочке) – судьи предпочитают первую идею. В трудах П.А. Лупинской можно встретить и такой вид доказательств, как ущербное доказательство: «Протокол осмотра жилища, в ходе которого были проведены действия, допустимые только при обыске, может, однако, использоваться в той его части, которая фиксирует вид, размеры жилища, расположение в нем предметов на момент осмотра» [11, с. 13]. В данном примере мы наблюдаем важное свойство доказательств «взаимосвязь», при оценке «ущербного доказательства» мы учитываем причинную связь между проведенным следственным действием, его законностью и итогом, полученным результатом такого действия.

Взаимосвязь является самостоятельным свойством при оценке косвенных доказательств.

Для нас представило интерес научное исследование Ю.В. Шелегова, который на конкретном примере из следственной практики приводит два варианта взаимосвязи косвенного доказательства с другими обстоятельствами по уголовному делу. В частности, «у гражданина Н. были обнаружены ювелирные украшения гражданки С., которые неделю назад были украдены из ее квартиры. На месте происшествия были обнаружены следы рук подозреваемого. Граждане Н. и С. утверждают, что ранее не были знакомы друг с другом. При этом найденные у подозреваемого украшения являются вещественными доказательствами по уголовному делу. А в силу того, что они прямо не доказывают главный факт (т.е. виновность Н., форму его вины и мотивы), но опосредованно указывают на причастность Н. к совершению преступления, они являются косвенным доказательством» [12, с. 105]. В рассмотренном примере автор выделяет две связи косвенного вещественного доказательства. По нашему мнению, такие связи имеют вероятностный характер и в первую очередь направлены на построение следственной версии. Во-первых, налицо связь по принадлежности вещей – у подозреваемого найдены вещи потерпевшего, а значит, Н. непосредственно связан с расследуемым преступлением. Во-вторых, выявив связь по принадлежности вещей, можно установить причинно-следственную связь. А именно: у подозреваемого найдены вещи потерпевшего вследствие того, что эти вещи были похищены им лично либо знакомыми ему людьми [12, с. 105].

О взаимосвязи доказательств мы можем говорить, когда оцениваем показания подсудимого и сопоставляем полученные данные с его характеристиками. При оценке полученной информации мы понимаем косвенность данных о личности к предмету показаний и тем более к предмету доказывания по уголовному делу. Однако, посредством получения такой информации и оценке их в совокупности, с учетом репутации, прошлого, физических и интеллектуальных качества суд может более объективно, правильно оценить способности [3, с. 163], к примеру, правдиво излагать факты по делу. Взаимосвязь показаний и характеристик личности подсудимого может позволить суду убедиться в достоверности или недостоверности данных показаний. В этой связи вполне резонно правоприменителям оценивать доказательства с позиции их взаимосвязи.

На основании изложенного мы полагаем, что взаимосвязь доказательств, это их самостоятельное свойство, которое позволяет судить о зависимости и подтверждении одних доказательств другими, при сопоставлении которых мы можем говорить об их истинности. Взаимосвязь доказательств, это такое свойство, которое позволяет убедиться судье в своем выводе об относимости, допустимости, достаточности и достоверности доказательств по уголовному делу.

Список использованной литературы

1. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / под ред. П.А. Лупинской. – М., 1995.
2. Рыжаков А.П. Уголовно-процессуальное доказывание и основные следственные действия [Электронный ресурс] / А.П. Рыжаков // СПС «ГАРАНТ» (дата обращения : 06.09.2017 г.).
3. Александров А.С. Относимость уголовно-процессуальных доказательств / А.С. Александров, С.А. Фролов. – Н. Новгород, 2011.
4. Пашкевич П.Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве / П.Ф. Пашкевич. – М., 1961.
5. Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств / А.И. Трусов. – М., 1960.
6. Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России / Л.Т. Ульянова. – М., 2008.
7. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М., 1968. – Т. 1.
8. Голунский С.А. Об оценке доказательств в советском уголовном процессе / С.А. Голунский // Советское государство и право. – 1955. – № 7. – С. 75–78.
9. Владимиров Л.Е. Учение о судебных доказательствах / Л.Е. Владимиров. – Тула, 2000.
10. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Б.Т. Безлепкин. – М., 2011.
11. Лупинская П.А. Научно-практическое пособие для судей «Рассмотрение дел судом присяжных» / П.А. Лупинская. – М., 1987.
12. Шелегов Ю.В. Связи косвенных доказательств между собой и с устанавливаемым фактом / Ю.В. Шелегов // Сибирский юридический вестник. – 2014. – № 3. – С. 104–109.

Информация об авторе

Брянская Елена Васильевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебного права Юридического института, Иркутский государственный университет, 664082, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10, e-mail: veret.1976@mail.ru.

Information about the author

Bryanskaya, Elena V. – PhD of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Judicial Law, Irkutsk State University, 10 Ulan-Batorskaya st., 664082, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: veret.1976@mail.ru.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОЛИГРАФА

В статье рассматриваются проблемы использования полиграфа в уголовном судопроизводстве. Анализируется различная практика использования полиграфа в Российской Федерации. Автором рассматриваются противоречивые точки зрения на проведение психофизиологических исследований.

Ключевые слова: полиграф, экспертиза, уголовный процесс, доказательства.

M.Sh. Bufetova, A.V. Khosoev

ACTUAL PROBLEMS OF RESEARCH WITH THE USE OF THE POLYGRAPH

The article deals with the problems of polygraph use in criminal proceedings. Various practices of polygraph use in the Russian Federation are analyzed. The author considers contradictory points of view on the conduct of psychophysiological studies.

Keywords: polygraph, expertise, criminal process, evidence.

На сегодняшний день, проведение исследований с использованием полиграфа находит все большее распространение. Методы психофизиологических исследований подробно описаны в научной литературе, активно используются при проведении различных исследований, имеют мировой опыт, адаптированы к отечественной практике.

СПФЭ представляет собой специальное исследование, сопряженное с использованием технических средств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей, не причиняющих вреда окружающей среде, в ходе которой осуществляется анализ (оценка) динамики психофизиологических реакций обследуемого лица в ответ на предъявляемые стимулы, подобранные и систематизированные в определенном порядке [1, с. 10].

Вопрос о допустимости результатов психофизиологической экспертизы с применением полиграфа до настоящего времени является достаточно актуальным.

Законодательно данный вопрос не регламентирован, а в науке нет единого мнения относительно возможности и порядка использования полиграфа в уголовном процессе. В то же время решение данного вопроса имеет широкое практическое значение, так как в современной правовой реальности полиграф достаточно популярен и уже активно используется в уголовном судопроизводстве.

До настоящего времени ни в правоприменительной практике, ни в науке не имеется унифицированного подхода относительно того, можно ли использовать в качестве доказательств по уголовным делам заключения психофизиологических экспертиз [2, с. 4].

На практике, существует множество проблем использования полиграфа. Это проблемы организационного, правового, психологического, этического характера. При этом, список является далеко не полным.

Наиболее спорными вопросами по применению полиграфа являются:

- соответствие проведения исследований с использованием полиграфа предусмотренной УПК РФ процедуре получения доказательства, а полученных таким образом сведений – форме доказательства в уголовном процессе;

- этический и моральный аспект применения полиграфа, защита прав личности от злоупотреблений;

- достоверность, истинность сведений, полученных с применением полиграфа, возможность «обмануть» «детектор лжи», вероятность ошибок, особенность оценки полученных таким образом сведений [3, с. 22].

Говоря о возможности признания сведений, полученных при помощи полиграфа, доказательствами с точки зрения соответствия их закону, следует отметить, что первый из трех вышеуказанных вопросов, по сути, является вопросом о соответствии указанных сведений таким критериям допустимости, как надлежащая форма, надлежащий субъект, надлежащий порядок соответствующего процессуального действия.

Действующий уголовно-процессуальный закон РФ устанавливает возможность применения технических средств для фиксации и изъятия следов преступления.

Среди ученых существует дискуссия на тему, соответствует ли цель применения полиграфа, сформулированной в законе цели применения технических средств? Являются ли сведения, полученные с использованием полиграфа, следами преступления? Способствует ли полиграф обнаружению, фиксации и изъятию этих следов? [4, с. 5]

Т.Ю. Ничипоренко относит сведения, полученные с использованием полиграфа, к идеальным следам, т.е. к следам, которые представляют собой образы, закрепленные в сознании человека [5, с. 30].

Сравнивая, к примеру, применения видеозаписи и полиграфа очевидны различия в получаемых сведениях. При выполнении видеозаписи фиксируется внешняя сторона проводимого следственного действия. Этим усиливается наглядность полученных в его ходе результатов. Применение полиграфа дает информацию о внутреннем состоянии участника действия, о его физическом и психологическом состоянии организма, его эмоциях. Таким образом, результатом исследования будут являться данные о реакции допрашиваемого на тот или иной вопрос.

Могут ли эти сведения рассматриваться как доказательства? Наиболее рациональным подходом, на взгляд автора, следует считать мнение Я.В. Комиссаровой которая утверждает, что результат применения полиграфа являться доказательством будет, говоря о том, что информацию мы получаем опосредованно, не вербально, а с помощью расшифровки полиграмм [4, с. 24].

Рассуждая о этическом аспекте применения полиграфа, о защите прав и свобод личности подвергаемой процедуре психофизиологического исследования, о защите гражданина от злоупотреблений, можно сделать акцент на следующем.

Статья 195 УПК РФ, регламентируя производство экспертизы, вовсе не требует согласия подозреваемого/обвиняемого подвергнуться таковой. Часть 4 данной статьи говорит лишь о согласии потерпевшего (или свидетеля), но и тут есть оговорка, что в случае сомнения в его способности адекватно воспринимать происходящее и давать показания согласия всё равно не требуется (п. 4 части 1 ст. 196 УПК).

Таким образом, если тестирование на полиграфе – это некая разновидность судебной экспертизы, то вытекает однозначный вы-

вод, что такое тестирование обвиняемого или подозреваемого может быть произведено и принудительно, против его желания [6, с. 34].

Но идея принудительного полиграфологического тестирования нарушает основные принципы уголовно-процессуального законодательства – прежде всего, ст. 51 Конституции РФ (никто не обязан свидетельствовать против себя).

Некоторыми учеными, в связи с данной проблемой, выдвигается тезис о запрете на принудительное психофизиологическое исследование, и этот запрет должен быть напрямую закреплен в законе [7, с. 42].

Наиболее актуальным вопросом применения полиграфа в уголовном судопроизводстве, на сегодняшний день, был и остается вопрос о достоверности сведений, полученных при помощи полиграфа.

Ряд авторов ссылается на недопустимость применения полиграфа в расследовании и разрешении уголовных дел, мотивируя это тем, что память человека — сложное образование, которое являет собой совокупность тесно взаимосвязанных процессов, обеспечивающих восприятие, запечатление, хранение и извлечение информации. События (явления, предметы, объекты) внешнего мира воспринимаются человеком различными органами чувств и запечатлеваются в его памяти в виде тех или иных образов. Информация в данном случае носит вероятностный характер, при этом имея субъективную оценку воспринятого [8, с. 36].

Критики использования полиграфа задают вполне закономерный вопрос, можно ли считать, что реакция человека на вопросы является закономерной, и при использовании различных методик будет ли реакция на один и тот же вопрос одинаковой? Ведь перечень вопросов для тестирования на полиграфе не унифицирован и ни в коей мере не является фиксированным [2, с. 4].

Для проведения испытания полиграфолог каждый раз должен заново подобрать и сформулировать вопросы так, чтобы вызвать нужную реакцию у конкретного испытуемого.

Несмотря на это есть множество ученых, считающих производство психофизиологических исследований достоверными.

Оперируя различными аргументами, некоторые ученые предлагают провести аналогию с судебной-медицинской экспертизой, отмечая, что в ней эксперт дает оценку отдельным обстоятельствам.

Например, регистрируя время смерти, эксперт предоставляет нам свои выводы, а не на обнаруженные факты. Таким образом, здесь присутствует интерпретация полученной экспертом информации.

В психофизиологическом тестировании эксперт/специалист также предоставляет свою интерпретацию информации, полученной с помощью полиграфа [9, с. 54].

Что касается методик проведения исследований на полиграфе, сторонники его использования ссылаются на множество опробованных и внедренные в различные ведомства методики, которые активно сегодня используются [10, с. 14].

Существуют различные требования и стандарты к специалистам-полиграфологам, издаваемые различными государственными органами, которые определяют минимальный уровень квалификации этих специалистов, что позволяет сделать вывод о законности, надежности получаемых сведений.

Сторонники использования полиграфа оперируют обширной законодательной базой, ссылаются на обширный мировой опыт, серьезную методическую базу.

На сегодняшний день, психофизиологическое исследование с использованием полиграфа встречается с огромным количеством проблем. Несмотря на это достоверность результатов исследований с использованием полиграфа продолжает благополучно признаваться как в научной сфере, так и на практике.

Для успешного использования полиграфа в уголовном процессе и минимизации острой полемики вокруг данного исследования учеными и практиками уделяется все больше и больше внимания различным проблемам использования полиграфа.

Между тем, практика использования полиграфа по-прежнему остается неоднозначной и требует проработки.

Список использованной литературы

1. Гургенидзе Е.В. Опыт внедрения психофизиологической экспертизы с применением полиграфа в практику государственного судебно-экспертного учреждения / Е.В. Гургенидзе, В.В. Колкутин // Эксперт-криминалист. – 2012. – № 2. – С. 10–12.

2. Белкин А.Р. Допустимость, достоверность, процессуальная пригодность, или еще раз о роли полиграфа в уголовном судопроиз-

водстве / А.Р. Белкин // Уголовное судопроизводство. – 2013. – № 2. – С. 3–10.

3. Комиссарова Я.В. О проблемах научно-методического обеспечения производства экспертиз с применением полиграфа на современном этапе / Я.В. Комиссарова, Ю.И. Леканов // Вестник Академии Следственного Комитета РФ. – 2015. – № 3.

4. Комиссарова Я.В. Ошибки при производстве судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа / Я.В. Комиссарова // Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е.Р. Россинской. – М., 2012.

5. Ничипоренко Т.Ю. Использование полиграфа в следственных действиях / Т.Ю. Ничипоренко // LEX RUSSICA. – 2014. – № 2. – С. 28–33.

6. Семенцов В.А. Применение технического средства – полиграфа при производстве следственных действий / В.А. Семенцов // Ученые записи: сборник научных трудов юридического факультета ОГУ. – 2014. – Вып. 5. – С. 33–38.

7. Байрамов Ф.Д. Применение полиграфа / Ф.Д. Байрамов // Законность. – 2013. – № 8. – С. 40–42.

8. Китаев Н.Н. Психофизиологическая экспертиза – грубое нарушение Инструкции о порядке применения полиграфа при опросе граждан / Н.Н. Китаев // Российский следователь. – 2009. – № 6. – С. 32–39.

9. Холодный Ю.И. Судебная психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: вероятность вывода / Ю.И. Холодный, С.Д. Панин, Н.И. Иванов // Вестник Академии Следственного Комитета РФ. – 2015. – № 3.

10. Пеленицын А.Б. О научной обоснованности применения полиграфа / А.Б. Пеленицын, А.П. Сошников // Эксперт-криминалист. – 2011. – № 2. – С. 12–15.

Информация об авторах

Буфетова Марьям Шамильевна – кандидат юридических наук, доцент, кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса. Юридический институт, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: maryamf@list.ru.

Хосоев Альберт Валерьевич – магистрант кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса. Юридический институт, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: alik1926@mail.ru.

Information about the authors

Bufetova, Maryam Sh. – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Criminal Procedure and Criminology, Baikal State University, 11 Lenin st., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: maryamf@list.ru.

Khosoev Albert V. – magistant, Baikal State University, 11 Lenin st., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: alik1926@mail.ru.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ ПОТЕРПЕВШЕГО: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

В данной статье автор анализирует динамику развития уголовно-процессуальной политики российского государства в части регулирования процессуального положения лиц, потерпевших от преступлений, начиная с ранних памятников русского права. Особое внимание уделено реформированию российского уголовно-процессуального законодательства с конца XIX в., когда в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. впервые появился термин «потерпевший», а также последующих УПК РСФСР. Автор отмечает положительные тенденции развития современной уголовно-процессуальной политики в части регулирования процессуального положения лиц, потерпевших от преступлений: наличие четкого определения потерпевшего, закрепление значительного объема процессуальных прав. Вместе с тем автор обосновывает необходимость дальнейшего совершенствования уголовно-процессуальной политики в отношении лиц, потерпевших от преступлений. Как один из вариантов решения этой проблемы предлагается принятие специального закона «О защите и обеспечении прав лиц, потерпевших от преступлений».

Ключевые слова: уголовно-процессуальная политика, российское уголовное судопроизводство; лица, потерпевшие от преступлений; процессуальные права; их обеспечение; тенденции развития.

Е.М. Varpakhovskaya

CRIMINAL PROCEDURAL POLICY OF RUSSIA IN RESPECT OF THE VICTIM: A RETROSPECTIVE ANALYSIS

In this article, the author analyzes the dynamics of the development of the criminal procedural policy of the Russian state in regulating the procedural status of persons who have suffered from crimes, beginning with the earliest records of Russian law. Particular attention is paid to the reform of the Russian criminal procedural legislation from the end of the nineteenth century, when the term «victim» first appeared in the Criminal Procedure Code of 1864, as well as the subsequent Criminal Procedure

Code of the RSFSR. The author notes positive tendencies in the development of modern criminal procedural policy in regulating the procedural status of persons who have suffered from crimes: the existence of a clear definition of the victim, and the securing of a significant amount of procedural rights. At the same time, the author justifies the need for further improvement of the criminal procedural policy with regard to persons who have suffered from crimes. As one of the solutions to this problem, it is proposed to adopt a special law «On Protection and Enforcement of the Rights of Persons Suffered from Crimes».

Keywords: criminal procedural policy, Russian criminal procedure; persons suffered from crimes; procedural rights; their enforcement; development trends.

Современная уголовно-процессуальная политика России характеризуется отсутствием стабильности. Об этом свидетельствуют многочисленные изменения, внесенные в отечественное уголовно-процессуальное законодательство. Так, за 15 лет существования в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) более 220 Федеральными законами вносились многочисленные изменения и дополнения, в то время как за 40 лет действия прежнего УПК РСФСР 1960 г. Указов Президиума Верховного Совета РСФСР, законов и федеральных законов о внесении изменений и дополнений в УПК РСФСР насчитывается около 80. Выступая на парламентских слушаниях в 2017 г. сенатор А. Александров справедливо отметил, что «у нас не хватает системности, научности и стабильности по шести направлениям уголовной политики. Среди них – ...уголовно-процессуальная политика» [1].

Чтобы понять происходящие в российской уголовно-процессуальной политике процессы, необходимо обратиться к истории. «В условиях происходящих преобразований отчетливо видно, насколько важны анализ прошлого, объективное и тщательное изучение истории. Такой анализ позволит дать оценку современного уголовного процесса, правильно определить направления его реформирования» [2, с. 20]. Данное высказывание в полной мере распространяется на вопросы правового регулирования процессуального положения потерпевшего.

Поскольку преступность и преступления присущие обществу любой эпохи, соответственно, жертвы преступлений существовали

при любом общественном строе. Однако правовое регулирование их процессуального положения в России в разные периоды истории осуществлялось по-разному. Законодательные акты раннего этапа развития государства российского – Договор Руси с Византией 911 г., Русская Правда, Псковская Судная грамота, Судебники 1497 г. и 1550 г., Уставная Книга Разбойного Приказа 1616–1617 г., Соборное Уложение 1649 г. – лиц, потерпевших от преступлений, фактически считали истцами и наделяли их, в основном, правами по заявлению и доказыванию иска, возмещению причиненного преступлением вреда. Иногда учитывалось мнение жертвы преступления при назначении наказания преступнику, но, как правило, реализация данного права зависела от возмещения причиненного вреда.

Существенное влияние на развитие процессуального положения лиц, потерпевших от преступлений, оказала проведенная в России в XIX в. судебная реформа, кардинально изменившая сущность уголовного судопроизводства. Принятый 20 ноября 1864 г. Устав уголовного судопроизводства (далее – Устав) [3], среди прочих новелл, для обозначения лица, пострадавшего от преступного деяния, впервые стал использовать термин «потерпевший», но заметим, что достаточно редко и не системно, в основном, в отдельных словосочетаниях (например, «частные лица, потерпевшие вред и убытки» (ст. 42)). Нормативное определение потерпевшего как участника уголовного судопроизводства в данном нормативном акте дано не было, более того, в различных нормах Устава применительно к лицам, потерпевшим от преступлений, применялись следующие обозначения: частный обвинитель (ст. 5, 90), обвинитель (ст. 90, 101, 135), гражданский истец (ст. 6, 7, 90), сторона (ст. 73, 88, 107), что позволяло правоприменителям на практике толковать нормы Устава достаточно широко. Осознавая наличие данной проблемы, авторы комментариев Судебных уставов справедливо высказывались о том, что «...необходимо привести в совершеннейший порядок и развить правила о допуске в делах уголовных участия лиц, коим причинены преступлением или проступком вред, убытки или оскорбления»¹.

¹ Решения Уголовного кассационного департамента Сената за 1868 г. : Полный свод решений Уголовного кассационного департамента начиная с 1866 г. Екатеринославль, 1910. С. 51.

В связи с чем, учеными были предприняты попытки решить вопрос о том, каким образом следует подходить к понятию «потерпевший». Так, И.Я. Фойницкий полагал, что «потерпевшими должны признаваться все лица, которые понесли от преступления какой-либо вред: материальный или нематериальный, наличный или только юридически возможный, выражающийся в нарушении прав их самих, или близких их, по родству или опеке» [4, с. 21]. А.В. Случевский придерживался другого мнения и считал, что «право быть признанным по Уголовному Суду потерпевшим от преступления лицом должно признаваться не за всеми лицами, испытавшими на себе вред от причиненного преступления, а только за теми, в нарушении субъективных прав и интересов которых выражается преступное посягательство на охраняемую уголовным законом правовую норму» [5, с. 158].

Несмотря на неопределенность в вопросе, кого следует считать потерпевшими, Устав наделил лиц, потерпевших от преступлений, достаточно большим объемом процессуальных прав по сравнению с предыдущими нормативными актами: предъявлять иск (ст. 6), представлять доказательства по иску (ст. 113), иметь поверенного (ст. 90), примириться с обвиняемым (ст. 20), участвовать в допросе свидетелей (ст. 101, 703); приносить жалобы на следственные действия, нарушающие их права (ст. 491); знакомиться с материалами уголовного дела (ст. 570); ходатайствовать о вызове и допросе новых и ранее допрошенных лиц (ст. 574, 575); на отвод суда и прокурора (ст. 85, 599, 600); выступать в судебных прениях (ст. 736); получать копии приговоров (ст. 132); приносить жалобы на решения суда в апелляционном и кассационном порядке (ст. 145, 853, 871, 912 [3]) и др. Такое правовое регулирование процессуального статуса потерпевшего было, безусловно, прогрессивным. Оно сохранилось в российском законодательстве на долгие годы.

Смена государственного строя в России в 1917 г. не оказала существенного влияния на развитие данного правового института. Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР 1922 г., 1923 г. по-прежнему использовали термин «потерпевший» без определения его понятия, правом стороны потерпевший мог пользоваться только по делам частного обвинения или при предъявлении гражданского иска. Поэтому, как позитивную тенденцию уголовно-процессуальной политики в отношении потерпевшего, следует отметить появление правила о возложении на следователя и председательствующего судью обязан-

ности разъяснить потерпевшему его право на предъявление гражданского иска, о чем должно было быть отмечено в протоколе (ст. 119, 276 УПК РСФСР 1922 г.)¹.

Существенным шагом в развитии уголовно-процессуальной политики в отношении потерпевшего стало принятие в 1958 г. Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, а затем и в 1960 г. – УПК РСФСР, в которых был четко определен процессуальный статус такого участника уголовного процесса, как потерпевший. Впервые в одной правовой норме (ст. 53 УПК РСФСР)² было сформулировано законодательное определение потерпевшего, установлены его процессуальные права и обязанности. Однако нормативное определение потерпевшего, как «лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред» вызвало у ученых и практиков проблемы в его толковании. Одни авторы полагали, что под потерпевшим законодатель имел в виду физическое лицо, которому преступлением причинен какой-либо вред [6, с. 6; 7, с. 108]. Другая часть процессуалистов высказывала мнение, что потерпевшим может быть как физическое, так и юридическое лицо [8, с. 6; 9, с. 51; 10, с. 253]. Для унификации правоприменительной практики Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что потерпевшими в уголовном процессе могут признаваться только физические лица, а юридические лица, понесшие имущественный вред от преступления, могли участвовать в уголовном процессе лишь в качестве гражданских истцов³. Объем процессуальных прав потерпевшего по сравнению с прежними УПК РСФСР существенно не изменился.

Кардинальные изменения в правовой жизни российского государства стали происходить с конца XX в. после принятия Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. постановления «О концепции судебной реформы в РСФСР». Последовательно решая поставленные в нем задачи, в России в 2001 г. был принят новый УПК РФ⁴, который в

¹ УПК РСФСР 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.

² УПК РСФСР 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

³ О практике применения судами законодательства, регламентирующего участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 1 ноября 1985 г. № 16 // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1986. № 3. С. 44–45.

⁴ УПК РФ 2001 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

части регулирования процессуального положения значительно отличался от прежнего УПК РСФСР. Прежде всего, существенным нововведением стало установление в качестве первоочередного назначения уголовного судопроизводства – защиты прав лиц и организаций, потерпевших от преступлений, (ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Изменилось и определение потерпевшего, в которое законодатель включил, помимо физического лица, также и юридическое, были расширены процессуальные права потерпевшего, в частности, у потерпевшего появились такие процессуальные права, как знать о предъявленном обвиняемому обвинении, получать копии касающихся его процессуальных документов, не свидетельствовать против себя и своих близких, ходатайствовать о применении мер безопасности и др. (ст. 42 УПК РФ).

Однако нормативное регулирование процессуального статуса потерпевшего по-прежнему не позволяло в должной мере защитить и обеспечить права и законные интересы жертв преступлений. Так, не был установлен момент признания лица потерпевшим, что на практике нередко приводило к запоздалому приданию лицу статуса потерпевшего; некоторые новые процессуальные права потерпевшего (например, знать о предъявленном обвиняемому обвинении и др.) не были обеспечены соответствующим механизмом реализации; объем процессуальных прав потерпевшего по-прежнему был значительно меньше, чем у обвиняемого.

Дальнейшее развитие уголовно-процессуальной политики России в отношении потерпевшего произошло в 2013, 2015 г., когда в УПК РФ были внесены изменения, которые в значительной степени улучшили процессуальное положение потерпевшего. В частности, был определен момент признания лица потерпевшим – незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 42 УПК РФ); потерпевшему были предоставлены такие процессуальные права, как знакомиться с постановлением и заключением любой судебной экспертизы (п. «11» ч. 2 ст. 42 УПК РФ), знакомиться с материалами прекращенного уголовного дела (п. «12» ч. 2 ст. 42 УПК РФ), получать копию постановления об отказе в избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу (п. «13» ч. 2 ст. 42 УПК РФ), потерпевший получил ряд процессуальных прав, связанных с исполнением приговора (п. «21.1» ч. 2 ст. 42 УПК РФ) и др.

Как видим, современная уголовно-процессуальная политика России, опираясь на исторический опыт, в большей степени направ-

лена на обеспечение прав лиц, потерпевших от преступлений. Вместе с тем, представляется, необходимым принятие специального закона «О защите и обеспечении прав лиц, потерпевших от преступлений», который бы комплексно урегулировал все права потерпевшего (процессуальные, социальные и пр.), в том числе, требует решения вопроса о создании специального фонда для возмещения вреда жертвам преступлений.

Список использованной литературы

1. Александров А. Нужна разработка единой концепции уголовной политики в Российской Федерации на долгие годы [Электронный ресурс] : выступление на заседании круглого стола Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству «Основные стратегические задачи и системные решения в рамках судебной реформы и реформы уголовного законодательства в экономической сфере» 18.07.2017 / А. Александров. – URL: <http://sovfedinfor.livejournal.com/1365661.html> (дата обращения: 21.08.2017).

2. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России: теоретический и историко-правовой анализ : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / А.И. Александров. – СПб., 1999.

3. Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X–XX веков. Т. 8 : Судебная реформа / отв. ред. Б.В. Виленский ; под общ. ред. О.И. Чистякова. – М., 1991.

4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. – СПб., 1996. – Т. 2.

5. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса / В.К. Случевский. – СПб., 1913.

6. Савицкий В.М. Потерпевший в советском уголовном процессе / В.М. Савицкий, И.И. Потеружа. – М., 1963.

7. Чечель Г.И. Понятие жертвы преступления (Соотношение с уголовно-правовым, уголовно-процессуальным понятием) / Г.И. Чечель // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. – Томск, 1984. – С. 107–113.

8. Кокорев Л.Д. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе. /Л.Д. Кокорев. – Воронеж, 1964.

9. Поляков И.Н. Имущественный вред, причиненный преступлением: понятие, проблемы возмещения / И.Н. Поляков // Советское государство и право. – 1989. – № 6. – С. 52–57.

10. Строгович М.С. курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М., 1968. – Т. 1.

Информация об авторе

Варнаховская Елена Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой организации и методики уголовного преследования, Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 664035, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, e-mail: lenavarp@mail.ru.

Information about the author

Varpakhovskaya, Elena M. – Ph. D. in Law, Associate Professor, Head of the Chair of Criminal Prosecution Organization and Methods, Irkutsk Law Institute (Branch) of the Academy of the Prosecutor General's, 1 Shevtsova st., 664035, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: lenavarp@mail.ru.

**К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ УСТАНОВЛЕНИЯ
И ИССЛЕДОВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ХАРАКТЕРИЗУЮ-
ЩИХ ЛИЧНОСТЬ ПОДСУДИМОГО,
В ХОДЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА**

В статье исследуются специфические процессуальные условия судебного разбирательства, обуславливающие иные, по сравнению с предварительным расследованием, методы установления и исследования обстоятельств, характеризующих личность подсудимого. Показывается их значение для решения многих вопросов уголовно-правового и уголовно-процессуального характера. Повышенное внимание уделено установлению и исследованию личности подсудимого при определении судом меры пресечения до вступления приговора в законную силу. В статье в качестве иллюстраций приводятся конкретные случаи из правоприменительной практики, связанные с установлением и исследованием обстоятельств, характеризующих личность подсудимого в ходе судебного разбирательства уголовного дела. Автор вносит конкретные предложения по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства в рассматриваемой сфере деятельности.

Ключевые слова: судебное разбирательство, подсудимый, обстоятельства, характеризующие личность, избрание меры пресечения, суд, судья, доказывание.

D.V. Emelyanov

TO THE QUESTION OF THE PECULIARITIES OF THE ESTABLISHMENT AND STUDIES OF THE CIRCUMSTANCES OF CHARACTERIZING THE PERSONALITY OF THE SUDDEN, IN THE COURT OF PROCEEDINGS

The article investigates the specific procedural conditions of the trial, which determine the methods of establishing and investigating circumstances that characterize the identity of the defendant, as compared with the preliminary investigation. Their significance is shown for solving

many issues of a criminal-legal and criminal-procedural nature. The increased attention is paid to the establishment and investigation of the personality of the defendant when the court determines the measure of restraint before the sentence enters into legal force. In the article, as illustrations, specific cases of law enforcement practice are connected with the establishment and investigation of the circumstances characterizing the identity of the defendant during the trial of the criminal case. The author makes specific proposals for improving the current criminal procedural legislation in the sphere of activity in question.

Keywords: trial, defendant, circumstances characterizing the person, choosing the measure of restraint, court, judge, proving.

Подсудимый по своему процессуально-правовому положению является активным участником уголовно-процессуальной деятельности, в том числе и в ходе разбирательства уголовного дела в суде первой инстанции. При этом он наделен достаточно обширным кругом прав, обеспеченных гарантиями реального их использования, что вызывает необходимость всестороннего и полного установления личностных свойств подсудимого.

Особая важность задач, стоящих перед судом, специфические процессуальные условия судебного разбирательства обуславливают иные, по сравнению с предварительным расследованием, методы установления и исследования обстоятельств, характеризующих личность подсудимого. При разбирательстве уголовного дела в суде первой инстанции могут быть выяснены новые обстоятельства о подсудимом, ранее не известные ни следователю, ни прокурору. Может измениться и правовое значение ранее установленных доказательств, что приведет суд к совершенно новым выводам.

Необходимо отметить, что в российском законодательстве урегулирован вопрос лишь относительно определения фамилии, имени и отчества найденных (подкинутых) детей. Согласно ст. 19 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ (в ред. ФЗ от 23 июля 2008 г. № 160-ФЗ) эти сведения вносятся в запись акта о его рождении по указанию органа внутренних дел, органа опеки и попечительства либо медицинской организации, воспитательной организации или организации социальной защиты населения.

А.П. Гуськова предлагает аналогичный порядок применять и к установлению фамилии, имени и отчества лица, привлекаемого к уголовной ответственности, в случае отсутствия необходимых документов [1, с. 549]. В определенной степени проблему идентификации личности подсудимых могут решить федеральные законы «О государственной дактилоскопической регистрации в РФ» от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2008 г.) и «О государственной геномной регистрации в РФ» от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ. Но здесь успех зависит от того, внесены ли в базу данные о конкретном лице.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, входят в предмет доказывания по уголовному делу. Установление данных обстоятельств необходимо для решения многих вопросов уголовно-правового и уголовно-процессуального характера, а именно:

- о целесообразности привлечения лица к уголовной ответственности;
- о квалификации действий подсудимого;
- о причинах и условиях, способствовавших преступлению;
- о наличии обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность;
- о виде, размере наказания;
- о выборе места лишения свободы;
- о применении условного осуждения;
- о мере пресечения и др. [2, с. 91–93].

Личность подсудимого должна учитываться судом при определении меры пресечения до вступления приговора в законную силу. Это приобретает особую значимость в связи с наметившейся тенденцией к сокращению числа наказаний, связанных с изоляцией от общества. В юридической литературе справедливо указывается на то, что при принятии судами решений о продлении срока содержания подсудимого под стражей не в достаточной мере устанавливаются обстоятельства, относящиеся к его личности, не предпринимаются меры к сбору и исследованию характеризующего его материала.

В постановлениях о продлении срока содержания под стражей однотипно указывается: «подсудимый Б. положительно характеризуется по месту жительства, имеет семью, малолетнего ребенка, однако при указанных обстоятельствах не имеется оснований для избрания в

отношении него иной, более мягкой меры пресечения». К числу нарушений, выявленных в процессе анализа уголовных дел, относится и то, что по делам, где обвиняются несколько подсудимых, суд в своих постановлениях мотивирует свое решение о продлении срока содержания под стражей в отношении всех подсудимых одновременно, не учитывая индивидуальных особенностей каждого, степени участия в совершении преступления. Складывающаяся практика нарушает принцип персональной ответственности [3, с. 118–119].

Обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, позволяют судить о наличии смягчающих или отягчающих обстоятельств (например, если речь идет о совершении преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств, либо с использованием доверия, оказанного виновному в силу его служебного положения или договора и др.), а также о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления. Без установления данных о личности подсудимого невозможно выяснить мотивы содеянного.

Процессуальная фигура подсудимого появляется при принятии судьей решения о назначении судебного заседания. Сама процедура назначения судебного заседания имеет важное значение, так как в ходе ее осуществляется проверка полноты, всесторонности и объективности проведенного предварительного расследования, обоснованности привлечения виновного лица к уголовной ответственности. При этом имеющиеся в материалах уголовного дела данные о личности обвиняемого оцениваются с точки зрения достаточности их для рассмотрения дела в ходе судебного разбирательства.

Наиболее активно обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, устанавливаются и исследуются в ходе судебного разбирательства.

Так, в подготовительной части судебного заседания председательствующий устанавливает личность подсудимого, выясняет его фамилию, имя, отчество, год, месяц, день и место рождения, выясняет, владеет ли он языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, место жительства подсудимого, место работы, род занятий, образование, семейное положение и другие данные, касающиеся его личности (ч. 1 ст. 265 УПК РФ). Согласно ст. 304 УПК РФ эти данные должны указываться во вводной части приговора.

Если перечень анкетных данных подсудимого на практике не вызывает трудностей и отражается во всех приговорах, то «другие

данные, касающиеся его личности» выясняются не всегда. Устанавливаются лишь отдельные сведения о личности подсудимого, но полной характеристики не дается, что в ряде случаев можно рассматривать как неполноту предварительного и судебного следствия. Например, часто в качестве смягчающего обстоятельства суды учитывают наличие у подсудимого несовершеннолетних детей. Но и это обстоятельство должно быть подтверждено доказательствами.

Приведем конкретные ситуации из правоприменительной практики.

В судебном заседании подсудимый Д. заявил, что у него, помимо указанного в паспорте малолетнего ребенка, имеется несовершеннолетний ребенок от первого брака, однако каких-либо данных, подтверждающих это, суду не представлено. Д. не смог указать конкретного времени рождения ребенка. Данных о том, что он оказывал ему материальную помощь, также не имелось. При таких обстоятельствах суд не нашел оснований для признания наличия у Д. второго ребенка смягчающим обстоятельством¹.

В приговорах судов можно встретить довольно общие и краткие фразы относительно личности подсудимого: «М. имеет преклонный возраст, ранее ни в чем предосудительном замечена не была, характеризуется положительно», «учитывая данные о личности подсудимого, суд отмечает, что М. по месту жительства характеризуется удовлетворительно, преступления совершил в период условно-досрочного освобождения», «при назначении наказания суд учитывает личность подсудимого (по месту жительства характеризуется удовлетворительно, ранее не судим)» и т.п.

В отдельных приговорах можно встретить более развернутые характеристики, например: «в качестве обстоятельств, смягчающих наказание, суд учитывает наличие у М. и Х. несовершеннолетних детей, состояние здоровья М. – является инвалидом 3 группы, ранее оба не судимы. М. и Х. характеризуются положительно, Х. находился в командировке в Чеченской Республике в районе вооруженного конфликта»².

¹ Архив Смоленского областного суда, дело № 2-05/08.

² Архив Смоленского районного суда Смоленской области, дела № А-10-8/06, № 1-101/07; Архив Промышленного районного суда г. Смоленска, дело № 1-339/05; Архив Смоленского областного суда, дело № 2-19/08.

При наличии гражданского иска дополнительно устанавливается также доход подсудимого.

Например, при рассмотрении уголовного дела по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ, от защитника поступило ходатайство об истребовании справок в отношении подсудимого (который страдал гепатитом С) о стоимости лекарств и длительности курса лечения, а также о его заработной плате¹.

Итак, можно сделать вывод о том, что на практике нет единообразного подхода к определению перечня данных о подсудимом, подлежащих выяснению и исследованию в суде.

Перечень данных о личности подсудимого не может быть исчерпывающим. С учетом анализа уголовного и уголовно-процессуального законодательства и судебной практики к иным данным о подсудимом, имеющим значение для разрешения дела, можно отнести:

- наличие (отсутствие) судимости, преступление, в связи с совершением которого возникла судимость, вид и размер наказания, основание и дата освобождения;
- наличие у подсудимого иждивенцев;
- условия жизни и воспитания несовершеннолетнего подсудимого, уровень его психического развития, влияние на него старших по возрасту лиц;
- наличие у лица психического расстройства, степень и характер психического заболевания;
- определенный статус подсудимого (должностное лицо, государственный служащий, военнослужащий и пр.);
- наличие у подсудимого государственных наград, почетных званий, признанных заслуг в определенной сфере;
- наличие у подсудимого тяжелых заболеваний, ранений, инвалидности; участие в боевых действиях, иные значимые события в биографии (например, недавно пережитые потери близких родственников).

Результаты проведенного нами исследования показали, что в 79 % случаев иные данные о личности подсудимого, помимо названных в ст. 304 УПК РФ, не приводятся в приговорах. В 2 %

¹ Архив Промышленного районного суда г. Смоленска, дело № 1-229/07.

случаев есть указание на его молодой возраст, в 16 % случаев – на наличие малолетнего ребенка, в 1 % случаев – на пенсионный возраст, в 4 % случаев – на наличие тяжелого заболевания. При этом из 250 изученных дел в 100% случаев источником данных о личности подсудимого являлась характеристика, в 80 % случаев – показания свидетелей, потерпевших, в 82 % случаев – заключение экспертов.

Наиболее значительными возможностями для получения данных о личности подсудимого суд располагает в ходе судебного следствия, когда исследует доказательства, собранные органами предварительного расследования, представленные субъектами уголовного процесса либо полученные самим судом.

Установление и проверка данных, характеризующих личность подсудимого, осуществляются в ходе допросов участников процесса (свидетелей из числа знакомых с подсудимым, потерпевших, других подсудимых), путем истребования необходимых документов (об образовании, о наличии заболеваний, иждивенцев, о факте участия в боевых действиях и пр.), проведения экспертиз (психиатрических, психолого-психиатрических). Таким образом, к доказательствам, характеризующим личность подсудимого, можно отнести все то, что перечислено в ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Все собранные по делу доказательства, характеризующие подсудимого, подлежат тщательной, всесторонней проверке и оценке в соответствии со ст. 17, 87, 88 УПК РФ. Любое следственное или судебное действие, предусмотренное УПК РФ, при помощи которого обнаруживаются, закрепляются и проверяются доказательства по делу, в той или иной степени связано со всесторонним анализом всего объема данных, характеризующих личность подсудимого.

Проведенный нами анализ архивных уголовных дел показал, что суды не проверяют сведения, содержащиеся в представленных на подсудимых характеристиках, а сами характеристики пишутся по шаблону. Применительно к личностным особенностям подсудимого там обычно указывается: «по месту жительства характеризуется удовлетворительно (положительно либо плохо)». Также в материалах архивных уголовных дел мы встретили ссылки стороны защиты на необъективность представленной на подсудимого характеристики.

К примеру, в заключительной речи защитник указал на то, что «если говорить о личности А., по поводу характеристики участково-

го, то я хочу сказать, что участковый не знает, кто проживает на его участке, и потому он не может говорить о том, что А. злоупотребляет спиртными напитками, нет никаких подтверждающих справок»¹.

По нашему мнению, п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ о предмете доказывания должен быть уточнен хотя бы минимальным перечнем обстоятельств, характеризующих личность подсудимого. Результаты проведенного нами исследования показали, что 53 % судей и 36 % следователей поддерживают предложение о включении в УПК РФ конкретного перечня данных о подсудимом, которые подлежали бы установлению. По мнению респондентов, в этом перечне должно быть, помимо обстоятельств, названных в ст. 174 УПК: наличие инвалидности (47 % судей и 7 % следователей), наличие тяжелого заболевания (40 % судей и 29 % следователей), наличие государственных наград (27 % судей и 14 % следователей).

Включив перечисленные сведения о личности подсудимого в предмет доказывания, законодатель обяжет лицо, производящее расследование, их устанавливать. И, несмотря на то, что следователь (дознатель) отнесены УПК РФ к участникам со стороны обвинения, они должны будут собирать также оправдательные доказательства. Но ведь и сегодня закон требует установления обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния, смягчающих наказание, обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (п. 5–7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).

Итак, требование ст. 297 УПК РФ о том, что приговор должен быть законным, обоснованным и справедливым, не может в полной мере соблюдаться без полного, всестороннего исследования данных о личности подсудимого. А предпосылкой для этого должно быть качественно проведенное предварительное расследование, включая установление данных, характеризующих личность обвиняемого.

Список использованной литературы

1. Гуськова А.П. Избранные труды / А.П. Гуськова. – Оренбург, 2007.

¹ Архив Промышленного районного суда г. Смоленска, дело № 1-381/08.

2. Васяев А. Установление обстоятельств, характеризующих личность подсудимого / А. Васяев, М. Устимов // Уголовное право. – 2008. – № 5. – С. 91–93.

3. Васяев А.А. Разрешение вопроса о заключении подсудимого под стражу (продлении срока содержания его под стражей) в ходе судебного разбирательства / А.А. Васяев // Современное право. – 2009. – № 3. – С. 118–119.

Информация об авторе

Емельянов Дмитрий Валерьевич – кандидат юридических наук, судья, Смоленский областной суд, 214001, Российская Федерация, г. Смоленск, пр. Гагарина, 23А, e-mail: oblsud.sml@sudrf.ru.

Information about the authors

Emelianov, Dmitry V. – PhD in Law, Judge, Smolensk Regional Court, 23A Gagarin Ave., 214001, Smolensk, Russian Federation, e-mail: oblsud.sml@sudrf.ru.

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ТРЕХ ПАРАДИГМ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В МИРОВОЙ ПРАКТИКЕ

Статья посвящена актуальным вопросам формирования и развития моделей ювенального судопроизводства в мировой практике. Исследуются особенности реализации карательной, реабилитационной и восстановительной парадигмы ювенальной юстиции.

Ключевые слова: несовершеннолетние, ювенальное правосудие, восстановительное правосудие

T.V. Isakova

THE STRATEGY OF DEVELOPMENT OF THREE PARADIGMS OF JUVENILE JUSTICE IN THE WORLD PRACTICE

This paper is devoted to the current issues of formation and development of models of juvenile justice in world practice. In the paper the features of realization of punitive, rehabilitation and restorative paradigm of juvenile justice are investigated.

Keywords: minors, juvenal justice, restorative justice.

Идеи и практические формы ювенальной юстиции формировались в XIX в. и всегда привлекали к себе внимание ученых разных направлений, но в последние десятилетия по мере накопления проблем усилился и научный интерес для исследователей проблем реагирования на преступления несовершеннолетних.

Л.М. Карнозова подчеркивает, что ювенальная юстиция изначально сформировалась на оппозиции по отношению к идее и практике уголовного наказания несовершеннолетних [1, с. 66]. Однако с течением времени одна парадигма ювенальной юстиции сменялась другой, в рамках одной и той же парадигмы возникали новые идеи, релевантные для конкретной ситуации в мире или же для определенной страны.

Ховард Зер определяет парадигму как «линзу», через которую мы видим проблему и в рамках которой мы определяем возможные пути ее решения [2, с. 15]. Американский исследователь Гордон

Бэйзмор в рамках ювенальной юстиции выделяет три парадигмы: карательную, реабилитационную (или «индивидуализации обращения») и восстановительную [3, с. 8]. В первую очередь, необходимо определить границы и рамки реабилитационной парадигмы ювенальной юстиции, поскольку именно с нее и начиналась ювенальная юстиция.

Реабилитационная парадигма ювенальной юстиции, или парадигма «индивидуализации обращения», или модель социальных услуг, основана на том, что делинквентное поведение здесь объясняется нарушением процессов социализации ребенка. С самого начала данная парадигма была построена вне принципа ответственности правонарушителя, а главной ценностью признавалось благополучие ребенка [4, с. 45]. Сейчас основой в рамках данной парадигмы является ресоциализация несовершеннолетних, совершивших правонарушения, которая включает в себя социальную, психотерапевтическую и воспитательную работу с правонарушителями. Для комплексной работы с несовершеннолетними правонарушителями привлекаются компетентные органы (социальные службы, воспитательные учреждения) и разные специалисты, которые и должны «социализировать» правонарушителей. Реабилитационная парадигма, ставит во главу угла не наказание правонарушителей, а именно эти меры (воспитательные, социальные, психотерапевтические), но при этом игнорирует причинение вреда «жертве». Стоит отметить, что данная модель не раз подвергалась критике. Среди основных причин ее нестойкости выделяли необъективность, патернализм, социальную стигматизацию, дороговизну, слишком большую продолжительность применяемых мер. Идея реабилитационной ювенальной юстиции не несет в себе ничего, кроме ресоциализации самого правонарушителя. Переживания жертвы и даже самого правонарушителя, ответственность за совершенные правонарушения, возмещение вреда – все это остается за границами реабилитационной парадигмы.

На протяжении всего прошлого века карательная и реабилитационная парадигмы сосуществовали рядом друг с другом. В 1980-х гг. в США ювенальная юстиция, преследовавшая цель реабилитации несовершеннолетних правонарушителей, стала приобретать карательную направленность из-за объявленной Рональдом Рейганом «войны» с наркотиками и уличными бандами. В 1984 г. Верховый Суд даже разрешил содержать детей, ожидающих судебного разбирательства, в пенитенциарных учреждениях вместо того, чтобы позволить им внести

залог. Проводимые государственные реформы того времени ужесточили наказание за ряд уголовных преступлений, в том числе и для несовершеннолетних и облегчили процесс судебного разбирательства преступлений, совершенных несовершеннолетними, по общим правилам. Эти политические реформы снизили минимальный возраст, при котором несовершеннолетний мог рассматриваться как взрослый, и расширили список преступлений, за совершение которых несовершеннолетние могли рассматриваться как взрослые, но с некоторыми изъятиями: в деле «Кент против Соединенных штатов Америки» Верховный Суд постановил, что при передаче несовершеннолетнего под юрисдикцию общеуголовного суда, необходимо разрешить подсудимому распоряжаться своим правом быть выслушанным в полной мере в суде по делам несовершеннолетних, быть представленным адвокатом, иметь доступ ко всем материалам дела, получить мотивированное решение судьи о переводе его (несовершеннолетнего) в общий суд [5, с. 395].

Несмотря на принятые меры в 1980-х и 1990-х наблюдался резкий скачок уровня преступности и численности заключенных, в том числе несовершеннолетних, приговоренных к отбыванию наказания в исправительных учреждениях. В этот же период материалы всех процессов с участием несовершеннолетних стали доступны для широкой общественности: приоритет от защиты частной жизни несовершеннолетних (а это один из важнейших принципов ювенальной юстиции) сдвинулся в сторону соображений общественной безопасности. Таким образом, произошло смешение целей реабилитации несовершеннолетних и ужесточения наказания за совершенные ими поступки.

Гордон Бэйзмор отмечает, что в наши дни модель карательного правосудия в сфере юстиции в отношении несовершеннолетних берет свое начало во времена президентского срока Рональда Рейгана, когда при Министерстве юстиции США был создан ювенальный суд, ориентированный на наказание юных правонарушителей [3, с. 20]. Карательный метод ювенальной юстиции отдает приоритет уголовному наказанию как единственному верному способу борьбы с преступностью. Идея карательного правосудия для несовершеннолетних возникла как «ответ» на беспорядочность и непоследовательность принятия решений, свойственные реабилитационной парадигме. И идея уголовного права – «наказание по заслугам», которая впоследствии привела к злоупотреблению наказанием, – вернулась ювенальную юстицию раньше. В 70-е гг. прошлого столетия принимались различные законо-

дательные акты в области ювенальной юстиции, где четко определялась ведущая роль уголовного преследования, регламентировались санкции за определенные виды преступлений. Таким образом, акцент с ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей сместился в сферу обязательного уголовного наказания. Гордон Бэйзмор отмечает, что «карательный подход давал понять прокурорам и специалистам, принимающим решения, что уголовное наказание – это и есть надлежащая реакция на неправомерное поведение... а легализация карающего наказания создала предпосылки к более суровым наказаниям» [3, с. 22]. Таким образом, ни реабилитационная парадигма ювенальной юстиции, призванная снизить уровень преступности среди несовершеннолетних, ни карательный подход, постоянно смещавшийся в сторону ужесточения, не привели к желаемым результатам.

Отсутствие эффективности, экономической выгоды, снижения уровня преступности среди несовершеннолетних и привело исследователей в области ювенальной юстиции к осознанию необходимости новой «восстановительной парадигмы». В основу данного подхода была положена идея ответственности за свои поступки, основанная на позитивных ценностях [6, с. 38]. Необходимым элементом данной парадигмы является помощь правонарушителям в осознании того, что они причинили своим поведением вред другим людям, и что данное поведение является неприемлемым. Нильс Кристи, стоявший у истоков восстановительного правосудия, отмечает, что общество осознает ограниченность возможностей и несостоятельность карательной и реабилитационной парадигм, а также их оторванность от проблем самого преступника, его жертвы и общества [7, с. 55].

Парадигмы карательного правосудия и подхода индивидуализации обращения сузили границы ювенальной юстиции до правосудия, ориентированного только на преступника. В рамках восстановительной модели признается необходимость участия граждан на уровне «социальных контролеров» [7, с. 55]. Гордон Бэйзмор считает, что восстановительная парадигма способна интегрировать «действия по наложению санкций, реабилитации, обеспечению безопасности и восстановлению жертв преступлений» [3, с. 32]. В рамках восстановительной парадигмы одним из ключевых понятий является «ответственность», в том числе и коллективная ответственность, которая распределяется между самим правонарушителем, его семьей, общественной и социальной службой. Здесь «ответственность» не отождествля-

ется с наказанием, как это принято в уголовном праве. Стоит отметить, что в зарубежном праве в некоторых странах восстановительный подход распространяется не только на сферу ювенальной юстиции, но и на правосудие в отношении взрослого населения.

Определяя сущность делинквентного поведения, восстановительная парадигма, в отличие от карательной, которая рассматривает преступление как нарушение закона, фокусируется на причинении вреда пострадавшему и обществу. И, соответственно, центральной идеей данного подхода является возмещение ущерба, признание причиненного вреда и примирение сторон. Фокусом восстановительной парадигмы являются равные возможности участия в процессе ювенальной юстиции для сторон. Восстановительная юстиция способствует тому, чтобы удовлетворить нужды всех участников процесса, компенсировать их потери, вовлечь пострадавшего и общество в процесс принятия решения.

Таким образом, восстановительное правосудие в отношении несовершеннолетних исходит из следующих постулатов:

- любое правонарушение вмешивается в жизнедеятельность не только самого правонарушителя, но и жертвы, их семей, ближайшего окружения, местного сообщества и общества в целом;

- правонарушитель способен самостоятельно нести социальную ответственность и компенсировать вредные последствия своего делинквентного поведения;

- для достижения целей восстановительного правосудия (осознания правонарушителем неприемлемости своего поведения, восстановления прав жертвы, возмещения ущерба) необходимо реабилитировать и интегрировать правонарушителя в общество.

Стоит отметить, что на протяжении всего прошлого века две парадигмы ювенальной юстиции – реабилитационная и карательная, сменяли друг друга, а иногда и сосуществовали одновременно. Однако недовольство общества, отсутствие эффективности данных подходов привело к тому, что возникла острая необходимость в смене существующей системы ювенальной юстиции. На смену и в оппозицию реабилитационной и карательной парадигмам пришла идея восстановительного правосудия. Сегодня восстановительная парадигма не стала доминирующей в ювенальной юстиции, но она служит маяком для ее развития [8, с. 126].

И это обстоятельство отражено в ряде международных рекомендаций в области детского правосудия. Первым международным правовым документом, закрепляющим основные принципы ювенальной юстиции, стали Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних 1985 г. (Пекинские правила), которые были ориентированы на интеграцию несовершеннолетнего правонарушителя в общество. В развитие идей Пекинских правил в 1989 г. была принята Конвенция ООН о правах ребенка, представляющая универсальный международный договор, в котором закреплены основные гражданско-политические, социально-экономические и культурные права детей до достижения ими совершеннолетия. В 1990 г. были приняты Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, предусматривающие порядок обращения с несовершеннолетними, лишенными свободы, Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы), устанавливающие комплекс мероприятий по профилактике преступности среди молодежи. В целом, указанные международные нормативно-правовые акты ориентированы на идеалы классической ювенальной юстиции: благополучие ребенка, приоритет воспитательных мер, индивидуализация обращения. Среди других международных актов стоит выделить и Рекомендации Rec (2003) 20 Комитета министров Совета Европы Государствам-членам, касающиеся новых способов работы с преступностью несовершеннолетних и роли правосудия по делам несовершеннолетних и Рекомендации Комитета Министров Совета Европы по правосудию, дружественному к ребенку. В данных рекомендациях уже прослеживается ориентация на использование восстановительного подхода при отпращивании правосудия в отношении несовершеннолетних: забота об интересах и потребностях жертвы, использование программ медиации и восстановительного правосудия¹.

¹ Рекомендации Rec (2003) 20 Комитета министров Совета Европы Государствам-членам касательно новых способов работы с преступностью несовершеннолетних и роли правосудия по делам несовершеннолетних. Ч. II п. 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://mosmediator.narod.ru/index/0-442> (дата обращения: 10.09. 2017); Рекомендации Комитета Министров Совета Европы по правосудию, дружественному к ребенку. Приняты Комитетом Министров 17 ноября 2010 года на 1098-й Встрече Заместителей Министров [Электронный ресурс]. URL: <http://soprotivlenie.org/zakon/rekomendacii-komiteta-ministrov-se-po-pravosudiyu-druzhestvennomu-k-rebenku/> (дата обращения: 10.09.2017).

Список использованной литературы

1. Карнозова Л. М. К модели восстановительной ювеноальной юстиции // Альманах «Неволя». Приложение к журналу «Индекс». – 2005. – № 4. – С.45.
2. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание : пер. с англ. / общ. ред. Л.М. Карнозовой ; коммент. Л.М. Карнозовой, С.А. Пашина – М., 2002.
3. Бэйзмор Г. Три парадигмы ювеноальной юстиции // Восстановительная ювеноальная юстиция. – Пермь, 2006. – С. 6–36.
4. Карнозова Л. М. Ювеноальная юстиция в России: прошлое, настоящее, будущее // Вопросы ювеноальной юстиции. – 2017. – № 2. – С. 66.
5. Feld B. In re Gault revisited: A cross state comparison of the right to counsel in juvenile court // Crime and Delinquency. – 1988. – Vol. 34, № 1. – P. 393–424.
6. Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение. М., 2002.
7. Кристи Н. Пределы наказания. М., 1984.
8. Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе. М., 2016.

Информация об авторе

Исакова Татьяна Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 670013, Российская Федерация, г. Улан-Удэ, Ключевская, 40в, e-mail: tisakova@mail.ru.

Information about the author

Isakova, Tatyana V. – PhD in Law, Associate Professor, East Siberian State University of Technology and Management, 40v Kluchevskaya st., 670013, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: tisakova@mail.ru.

**К ВОПРОСУ О ДОСТОИНСТВАХ И ДЕФЕКТАХ
ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ НОВОГО ОСНОВАНИЯ
ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ –
С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА**

В статье анализируется юридическая конструкция нового основания прекращения уголовного преследования – в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Отмечаются позитивные аспекты появления указанной правовой нормы: расширение перечня оснований для прекращения уголовного преследования, основанных на применении в качестве альтернативы наказанию иных мер уголовно-правового характера и носящих при этом условный характер; дискреционный характер полномочия суда на применение судебного штрафа; предоставление права применения данного основания исключительно суду, что в большей степени соответствует конституционным принципам презумпции невиновности и осуществления правосудия только судом, нежели другие основания прекращения уголовного преследования, относящиеся к нереабилитирующим. В числе недостатков новой правовой нормы указано на возникновение ее неоправданной конкуренции с существующими основаниями прекращения уголовного преследования, прежде всего с деятельным раскаянием.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела; судебный штраф; презумпция невиновности.

A.G. Kalugin

**TO THE ISSUE OF ADVANTAGES AND SHORTCOMINGS
OF JUDICIAL CONSTRUCTION OF A NEW GROUND
OF TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION
IN CONNECTION WITH IMPOSITION OF A COURT FINE**

The judicial construction of a new ground of termination of criminal prosecution in connection with imposition of such measure of criminal and legal character as a court fine is analyzed in the article. The author points out the following positive aspects of the legal norm mentioned above: ex-

tension of the list of grounds for termination of criminal prosecution based on the application of other measures of criminal and legal character and being of conditional nature as an alternative to punishment; the discretionary nature of court's powers to impose the court fine; granting the right to use the court fine only to the court and that is to a greater extent complied with constitutional principles of the presumption of innocence rather than the other grounds for termination of the criminal prosecution relating to non-rehabilitation ones. Among the shortcomings of the new legal norm it is pointed at the occurrence of its unjustified competition with the existing grounds of termination of the criminal prosecution and that is first of all because of active repentance.

Keywords: termination of criminal case, court fine, presumption of innocence.

Введение в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ нового основания освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования – с назначением судебного штрафа – явилось весьма характерным проявлением современной уголовной и уголовно-процессуальной политики российского государства, поскольку наглядно продемонстрировало профессиональному сообществу ее хорошо узнаваемые черты: внутреннюю противоречивость, непоследовательность, отсутствие системного подхода и пренебрежение элементарными правилами юридической техники при создании новых правовых норм [1; с. 123–124].

Однако прежде, чем перейти к критическому анализу вышеуказанных нововведений, справедливости ради выделим некоторые аспекты, которые представляются однозначно позитивными и значимыми в плане реального совершенствования законодательства (поскольку не каждое изменение закона ведет к усовершенствованию, зачастую наоборот – создает дефекты в механизме правового регулирования).

1. Вслед за ст. 427 в УПК РФ появилось еще одно основание прекращения уголовного преследования, основанное на применении в качестве альтернативы наказанию иных мер уголовно-правового характера; причем так же, как и основание, предусмотренное ст. 427 УПК РФ, новое основание является условным – неуплата судебного штрафа в установленный судом срок влечет отмену решения о прекращении уголовного преследования в соответствии со ст. 446.5 УПК

РФ и продолжение производства по уголовному делу в общем порядке. Это существенно усиливает профилактический и воспитательный потенциал новой нормы по сравнению с «привычными» безусловными нереабилитирующими основаниями прекращения уголовного преследования (ст. 25, 28, 28.1. УПК РФ).

2. Впервые в законе ограничен перечень стадий, на которых суд может принимать решение о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующему основанию – по окончании предварительного расследования, в стадии назначения судебного разбирательства и подготовки дела к слушанию, в стадии судебного разбирательства и в апелляционном производстве – до удаления суда в совещательную комнату (до сих пор УПК РФ позволял прекратить уголовное дело по любому основанию также и в кассационном (п. 2 ч. 1 ст. 401.14), и в надзорном (п. 2 ч. 1 ст. 412.11) производстве. Данный подход абсолютно логичен, поскольку целью процессуальной деятельности суда в кассационном и надзорном производствах является устранение нарушений норм материального и процессуального права, повлекших незаконность и необоснованность приговора, даже если эти нарушения выявлены после вступления приговора в законную силу. Прекращение же уголовного преследования с назначением судебного штрафа имеет целью замену наказания иной мерой уголовно-правового характера из соображений гуманизма, в целях поощрения позитивного постпреступного поведения подсудимого.

3. В ст. 25.1 УПК РФ прямо указано, что прекращение уголовного преследования по этому основанию вне зависимости от стадии процесса, на которой принимается данное решение – это право суда. До сих пор прекращение уголовного дела в суде первой инстанции по нереабилитирующим основаниям в силу императивной формулировки ст. 254 УПК РФ («Суд прекращает уголовное дело в судебном заседании...») рассматривалось не как дискреционное полномочие, а как обязанность суда, если такие основания устанавливались в ходе судебного разбирательства.

4. Так же, как и ст. 427 УПК РФ, ст. 25.1 предоставляет право принимать решение об освобождении от уголовной ответственности лица, в действиях которого усматривается доказанный состав преступления, только суду. Более того, полномочие суда о прекращении уголовного дела по указанному основанию выделено самостоятель-

ным пунктом в ч. 1 ст. 29 УПК РФ среди других видов итоговых решений по существу дела.

Появление этой нормы, похоже, может положить начало перелому существующего в течение нескольких десятилетий подхода, в соответствии с которым право прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям предоставлено органам предварительного расследования вкупе с прокурором, и это не считается нарушением конституционных принципов осуществления правосудия только судом и презумпции невиновности.

Между тем современное российское законодательство о государственной службе фактически приравнивало факт прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям по своим правовым последствиям к судимости (п. 2 ч. 1 ст. 4 Закона «О статусе судей в Российской Федерации», п. 3 ч. 1 ст. 14 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», п. 2 ч. 4 ст. 16 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» и др.).

Представляется, что это противоречит ст. 49 и 118 Конституции РФ и ст. 8 и 14 УПК РФ, из содержания которых следует, что гражданин не должен считаться виновным в совершении преступления, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Последовательную правовую позицию по этому вопросу в свое время занимал комитет Конституционного надзора СССР, который в своих заключениях неоднократно указывал на несоответствие Конституции и нормам международного права положений законов и подзаконных нормативных актов, позволяющих органам расследования констатировать виновность лица в совершении преступления без рассмотрения дела в суде и вынесения приговора¹.

¹ О несоответствии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, определяющих основания и порядок освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия, Конституции СССР и международным актам о правах человека : Заключение комитета Конституц. надзора СССР от 13 сент. 1990 г. № 2-8 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 39. Ст. 775; О несоответствии Конституции СССР и международным актам положений Закона СССР «О советской милиции», определяющих полномочия милиции при проведении мероприятий по обнаружению преступлений в сфере экономики : Заключение комитета Конституц. надзора СССР от 5 июля 1991 г. № 25 (2-32) // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 29. Ст. 857.

К сожалению, данная позиция впоследствии не нашла поддержки у разработчиков ныне действующего УПК РФ, а Конституционный Суд РФ сформулировал прямо противоположную правовую позицию, высказанную в постановлении от 28.10.1996 г. в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова¹, хотя по своему содержанию упомянутое постановление представляется весьма противоречивым и не содержащим убедительной аргументации. Так, в его резолютивной части порядок прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию в стадии предварительного расследования признается соответствующим Конституции РФ, поскольку данное процессуальное решение «не означает установления виновности лица в совершении преступления, не препятствует осуществлению им права на судебную защиту и предполагает получение его согласия на прекращение уголовного дела по указанным основаниям». Вместе с тем в описательно-мотивировочной части этого же постановления Конституционный Суд РФ признает, что прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию хотя и предполагает (в силу соответствующих норм уголовного закона) освобождение лица от уголовной ответственности и наказания, «но расценивается правоприменительной практикой как основанная на материалах расследования констатация того, что лицо совершило деяние, содержащее признаки преступления, и поэтому решение о прекращении дела не влечет за собой реабилитации лица (признания его невиновным), то есть вопрос о его виновности остается открытым».

Не случайно появление в УПК РФ ст. 25.1 стало поводом к дополнению постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» пунктом 25.3. об обязанности судьи при принятии итогового решения о прекращении уголовного дела или уголовного преследования убедиться в том, что выдвинутое в отношении лица

¹ По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова : Постановление Конституц. Суда Российской Федерации от 28.10.1996 г. № 18-П // Собрание законодательства РФ. 1996. № 45. Ст. 5203.

подозрение или предъявленное обвинение обоснованно и подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу¹.

Однако наряду с положительными моментами новое основание прекращения уголовного преследования, предусмотренное ст. 25.1 УПК РФ, дает повод для значительного количества критических замечаний.

Не вдаваясь в глубокий и развернутый материально-правовой анализ содержания ст. 76.2 УК РФ, следует все же отметить, что предусмотренное этой нормой основание освобождения от уголовной ответственности представляет собой ни что иное, как очередной частный случай деятельного раскаяния (как и введенная ранее в УК РФ ст. 76.1), поскольку содержание этого основания составляет возмещение нанесенного ущерба или заглаживание лицом, впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести, причиненного преступлением вреда иным образом. Очевидно, что эти действия полностью охватываются содержанием ч. 1 ст. 75 УК РФ.

Условия прекращения уголовного преследования в ст. 25.1 и 28 УПК РФ идентичны: совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести и согласие самого подозреваемого (обвиняемого) с применением соответствующего основания.

Но в отличие от основания, предусмотренного общей нормой о деятельном раскаянии (ст. 75 УК РФ), в ст. 76.2 предусматривается не полное и окончательное освобождение от уголовной ответственности, а с применением к виновному лицу иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, в случае неуплаты которого в установленный судом срок постановление о прекращении уголовного дела подлежит отмене.

Таким образом, законодатель создал конкуренцию двух схожих оснований для освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования, разница между которыми заключается в правовых последствиях их применения.

Поскольку, согласно ч. 2 ст. 27 УПК РФ прекращение уголовного преследования в связи с применением меры уголовно-правового

¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.07.2013 г. № 19 // СПС Консультант-Плюс.

характера в виде судебного штрафа не допускается, если обвиняемый (подозреваемый) против этого возражает, у стороны защиты возникает возможность выбора между окончательным и безусловным прекращением уголовного преследования (без наступления каких-либо уголовно-правовых последствий) в связи с деятельным раскаянием и необходимостью подвергнуться судебному штрафу. В пользу какого из двух конкурирующих оснований будет сделан этот выбор – вопрос риторический. Невольно возникает сомнение: не окажется ли при таких условиях новая норма мертворожденной, когда ее применение будет заблокировано самими же обвиняемыми (подозреваемыми) и их защитниками?

Конкуренция с другими основаниями освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела возникает также в случае отказа в удовлетворении ходатайства органа расследования о прекращении уголовного дела по ст. 25.1 УПК РФ в связи с тем, что суд установил наличие иного основания для прекращения уголовного преследования (п. 2 ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ). Поскольку ни закон, ни пленум Верховного Суда Российской Федерации не определяют конкретного исчерпывающего перечня этих «иных» оснований, можно предположить, что это может быть любое основание, в том числе и предусмотренное ст. 25, 28, 28.1 УПК РФ. Однако органы расследования, получив отказ суда в применении ст. 25.1 УПК РФ, вправе принять решение о направлении дела в суд с обвинительным заключением или обвинительным актом, не применяя иных оснований для прекращения уголовного преследования, а соответствующий суд, в свою очередь, вправе рассмотреть дело по существу и вынести обвинительный приговор [2; с. 118]. Представляется, что данный вариант решения по поступившему ходатайству следует исключить из ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ, поскольку суд априори имеет право прекратить уголовное преследование по тому основанию, которое он фактически установил при рассмотрении дела, естественно, при соблюдении предусмотренных законом материально-правовых и процессуальных условий.

Список использованной литературы

1. Черепанова Л.В. Современные тенденции развития уголовно-процессуального права / Л.В. Черепанова // Государство и право в

эпоху глобальных перемен : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. С.К. Бурякова. – Барнаул, 2017. – С. 123–124.

2. Тищенко С.С. Некоторые вопросы, возникающие при прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 25.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в случае неудовлетворения ходатайства стороны обвинения / С.С. Тищенко // Государство и право в эпоху глобальных перемен : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. С.К. Бурякова. – Барнаул, 2017. – С. 118–119.

Информация об авторе

Калугин Алексей Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника, Сибирский юридический институт МВД России, 660131, Российская Федерация, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20, e-mail: alexei_kalugin@mail.ru.

Information about the author

Kalugin, Alexei G. – PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head, Siberian Law Institute of the Ministry of Interior of Russia, 20 Rokossovskogo st., 660131, Krasnoyarsk, Russian Federation, e-mail: alexei_kalugin@mail.ru.

ПРОБЛЕМЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ ДОЗНАНИЯ

Статья посвящена вопросам дифференциации форм предварительного расследования, в частности проблемам возбуждения и расследования уголовных дел в упрощенном порядке. На основе анализа положений уголовно-процессуального закона и практики, исследуются особенности возбуждения уголовных дел, проблемы доказывания в сокращенной форме дознания. Обращается внимание на неоправданное расширение прав участников уголовного судопроизводства в сокращенной форме дознания, в связи, с чем высказаны предложения по внесению изменений в ст. 226.3 УПК РФ.

Ключевые слова: дознание; дознание в сокращенной форме; расследование уголовных дел в упрощенном порядке.

М.А. Mitukova

THE ISSUES OF INITIATION AND INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES THROUGH INQUIRY IN ABBREVIATED FORM

The paper is devoted to the issues of differentiating the forms of preliminary investigation, particularly the problems of initiating and investigating criminal cases in a simplified procedure. Based on the analysis of the provisions of the criminal procedure law and practice, the features of the initiation of criminal cases, the problem of proof in the abbreviated form of inquiry are investigated. Attention is drawn to the unjustified extension of the rights of participants in criminal proceedings in an abbreviated form of inquiry, and suggestions were made to amend Art. 226.3 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: inquiry; inquiry in abbreviated form; investigation of criminal cases in a simplified procedure.

Вопросам дифференциации форм предварительного расследования в науке уголовного процесса всегда уделяется пристальное внимание, в том числе иркутскими процессуалистами [1].

Федеральный закон «О внесении изменений в ст. 62 и 303 Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ ввел ряд новшеств, основным из которых стало введение новой формы предварительного расследования – дознания в сокращенной форме. Новая модель досудебного разбирательства отличается установлением минимально возможных сроков расследования и упрощенным процессом доказывания. Закрепление сокращенного дознания является новым этапом развития уголовного процесса в России, направленного на экономию сил и средств органов предварительного расследования.

Вместе с тем, количество, возбужденных и расследованных уголовных дел в сокращенной форме дознания различными ведомствами, возрастает. Согласно данным Министерства Внутренних Дел РФ практика применения данной формы расследования за 2014 г. показала, что всего в сокращенной форме расследовано 32 тыс. (по сравнению с 2013 г. рост составляет в 4,2 раза) уголовных дел, из них 31,2 тыс. (рост в 4,3 раза) дел или 9,1 % от общего количества, направленно в суд с обвинительным постановлением¹.

Согласно сведениям ведомственной статистической отчетности дознавателями Федеральной службы судебных приставов за 8 месяцев 2015 г. окончено 2937 уголовных дел, по которым дознание проводилось в сокращенной форме, что на 1354, или 85,5 %, больше, чем за 8 месяцев 2014 г. (1583 уголовных дела)².

Характерной чертой стадии возбуждения уголовного дела в форме сокращенного дознания, является возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица. Законодатель вновь вводит признак «очевидности» преступлений для производства дознания в сокращенной форме, то есть уголовное дело должно быть возбуждено в

¹ Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства Внутренних Дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://mvd.ru/upload/site1/folder_page/001/869/963/1._Tekstovaya_chast.docx (дата обращения: 12.04.2017)

² Информация по производству территориальными органами ФССП России дознания в сокращенной форме за период 2014 года в сравнении с 2013 годом [Электронный ресурс]. URL: <http://fssprus.ru/2133945/> (дата обращения: 12.04.2017).

отношении конкретного лица. В юридической литературе вполне обоснованно подвергается критике указанное положение закона. В. Кальницкий указывает на то, что основания этого решения в законе четко не определены, и выбор того, как возбудить уголовное дело (в отношении лица или только по факту совершения преступления), зачастую находится в рамках усмотрения правоприменителей [2, с. 84]. Поэтому можно говорить о том, что в этой части уголовно-процессуальный закон ущемляет право подозреваемого на производство дознания в сокращенной форме, так как не всегда представляется возможным возбудить дело в отношении конкретного лица, что по существу, влечет необоснованный отказ дознавателя в удовлетворении такого ходатайства. Для преодоления таких препятствий необходимо изменить данное условие в следующем варианте: «наличие возбужденного уголовного дела по признакам одного или нескольких преступлений, указанных в п. 1 ч. 3 ст. 150 настоящего Кодекса».

Одним из существенных изменений в УПК РФ является расширение возможности приставов-дознавателей по собиранию доказательств на этапе проверки сообщения о преступлении. Теперь вместо ранее предусмотренных трех следственных действий, дознаватель в соответствии со ст. 144 УПК РФ вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, назначать судебную экспертизу, проводить осмотр места происшествия, документов, трупов, проводить освидетельствование, требовать производство документальных проверок, ревизий.

Еще в ранее действовавшем Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г в ч. 2 ст. 109 было закреплено такое проверочное действие, как получение объяснений, но с принятием нового УПК РФ его исключили, однако, необходимость в нем продолжала существовать. Это обусловлено тем, что при проверке сообщения о преступлении, в первую очередь, описать картину произошедшего события могут очевидцы, т.е. потенциальные свидетели или лица, которым причинен вред преступлением. Информация, полученная в процессе дачи объяснений, чаще всего характеризуется полнотой и достоверностью. Это следует из того факта, что лицо в момент дачи объяснений менее подвержено влиянию, оно лучше помнит произошедшее событие, а также можно судить об отсутствии искажения каких-либо деталей совершенного преступления.

Федеральный закон 2013 г. № 23-ФЗ вновь включил получение объяснений в состав проверочных действий на стадии возбуждения уголовного дела. Однако законодатель, так же, как и в ранее действовавшем кодексе не урегулировал вопрос о правовой природе процессуального действия, закрепления порядка его проведения и дальнейшее использование в качестве доказательств полученных объяснений.

Статья 144 УПК РФ в ч. 1.2 установила, что полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств, если соблюдены требования ст. 75 и 89 УПК РФ, т.е. требования о допустимости, относимости доказательств.

Одним из условий признания доказательства допустимым является надлежащий источник, другими словами, возможность получение какого-либо доказательства должна быть прямо закреплена в законе. Отсутствие правовой регламентации процессуального действия может привести к признанию результата такого действия недопустимым. В связи с тем, что объяснения лиц, полученные в ходе доследственной проверки, в данный момент не входят в перечень источников доказательств, закрепленных в ст. 74 УПК РФ, правоприменительная практика неоднозначно решает вопрос об использовании объяснений в качестве доказательств.

Так, судебной коллегией по уголовным делам Тверского областного суда вынесено апелляционное определение по жалобе осужденного В.И. Андреева. Осужденный ходатайствовал об исключении объяснений лиц в качестве доказательств и признании их в дальнейшем недопустимыми. В частности, он указал, что суд не обратил внимания на то, что при получении объяснений должностными лицами не были разъяснены права в соответствии с требованиями п. 2 ч. 4 ст. 46, п. 3 ч. 4 ст. 47, п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ, и даны эти объяснения в отсутствие защитника. Однако суд оставил приговор без изменений, а жалобу без удовлетворения. Суд указал, что все собранные доказательства по делу были оценены судом в соответствии с требованиями ст. ст. 87, 88 УПК РФ с точки зрения относимости, допустимости и достоверности, а в своей совокупности признаны достаточными для разрешения уголовного дела по существу. Объяснения ФИО даны им после разъяснения положений

ст. 51 Конституции РФ, а по окончании проверочного действия был составлен протокол.

Показаниям допрошенных судом лиц, а также письменным доказательствам в приговоре дана надлежащая оценка, суд привел полное обоснование своих выводов о признании допустимыми доказательств, на основании которых был постановлен обвинительный приговор, указал мотивацию своего критического отношения к показаниям В.И. Андреева. Данная в судебном заседании оценка доказательств, по мнению судебной коллегии, является объективной, основанной на всестороннем анализе материалов уголовного дела. Каких-либо противоречий в доказательствах, которые бы ставили под сомнение доказанность вины осужденного, указывали бы на несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, не имеется¹.

Вторым условием производства дознания в сокращенной форме является признание подозреваемым своей вины, характера и размера, причиненного преступлением вреда, а также не оспаривание правовой оценки деяния, которая приведена в постановлении о возбуждении уголовного дела. Однако в УПК РФ не предусмотрена ситуация изменения квалификации совершенного преступления, так как правовая оценка деяния, закрепленная в постановлении о возбуждении уголовного дела, неокончательная и может быть подвергнута изменениям. Половина дознавателей, сотрудников прокуратуры и судей считают, что изменение в правовой квалификации деяния в рамках сокращенного дознания невозможно и потребуются перейти на обычный порядок дознания. Таким образом, соглашаясь с новой правовой оценкой подозреваемый выражает тем самым свое несогласие с квалификацией, данной в постановлении о возбуждении уголовного дела и поэтому дальнейшее производство дознания в сокращенной форме невозможно.

Законодатель в п. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ закрепил в качестве обязательного условия удовлетворения ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме согласие потерпевшего. Вместе с тем, не предусмотрена обязанность дознавателя по

¹ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Тверского областного суда по жалобе осужденного В.И. Андреева [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Rfm9gv5oxarW/> (дата обращения: 12.04.2017 г.)

уведомлению потерпевшего при поступлении такого заявления. Согласно ч. 5. ст. 226.4 УПК РФ дознаватель в течение 24 часов с момента принятия решения о производстве дознания в сокращенной форме обязан направить прокурору и потерпевшему уведомление, в котором разъясняются порядок производства, правовые последствия сокращенного дознания, а также право возражать против дознания в сокращенной форме. Из чего следует, что при поступлении ходатайства подозреваемого о производстве сокращенного дознания, потерпевший не имеет возможности выразить свое согласие или несогласие. Реализация данного права имеет место только после принятия решения дознавателем, что не совсем верно, поскольку несвоевременное уведомление затягивает расследование посредством последующей подачи заявления о прекращении производства дознания в сокращенной форме.

Поэтому, если рассматривать согласие потерпевшего в качестве обязательного условия сокращенного дознания, разъяснение права на возражение производства дознания в сокращенной форме должно предшествовать принятию решения путем направления уведомления.

Одной из причин недостижимости цели введения института сокращенного дознания является неоправданное расширение гарантий участников уголовного судопроизводства. Согласно ч. 3. ст. 226. 3. УПК РФ, подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и (или) его представитель праве заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. При этом данному праву корреспондирует обязанность органов предварительного расследования и суда удовлетворить такое заявление. Как показала практика, данная возможность приводит к затягиванию процесса, а последующее собирание и исследование доказательств усложняется.

Как видим, внесенные изменения в уголовно-процессуальный закон, в частности, закрепление новой формы предварительного расследования, являются попыткой законодателя снизить нагрузку с правоприменителей, ускорить процесс, и тем самым уменьшить расходы на расследование и рассмотрение в судах уголовных дел. Однако присутствуют недостатки, которые могут затруднить дальнейшее расследование, затянуть его на большие сроки, чем производство в обычном порядке.

Список использованной литературы

1. Варпаховская Е.М. Деятельность органов дознания в российском уголовном судопроизводстве: методические рекомендации / Е.М. Варпаховская. – Иркутск, 2006.

2. Кальницкий, В.В. Муравьев, К.В. Концепция дознания в сокращенной форме: достижения и вопросы совершенствования / В.В. Кальницкий, К.В. Муравьев // Уголовное право. – 2013. – № 3. – С. 81–85.

Информация об авторе

Митюкова Марина Александровна – заместитель директора Юридического института, старший преподаватель кафедры судебного права, Иркутский государственный университет, 664082, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10, e-mail: marina_mitukova@mail.ru.

The information about the author

Mitukova, Marina A. – Deputy Director of the Law Institute, Senior Lecturer of the Department of Judicial Law, Irkutsk State University, 10 Ulan-Batorskaya st., 664082, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: marina_mitukova@mail.ru.

УДК 343.988

В.Д. Зеленский

**К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ РУКОВОДСТВА
РАССЛЕДОВАНИЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

В статье исследуется понятие руководства расследованием как элемента организации, анализируются точки зрения о процессуальном руководстве и рассматривается вопрос о его содержании в отдельном расследовании.

Ключевые слова: организация расследования, руководство, процессуальная самостоятельность следователя.

V.D. Zelenskiy

**TO THE QUESTION ABOUT THE CONCEPT
OF LEADERSHIP THE INVESTIGATION OF CRIMES**

This article describes the lead concept of the investigation as a part of the organization, analyzes the point of view of procedural guidance, and discusses content in a separate investigation.

Keywords: organization of the investigation, management, procedural independence of an investigator.

Расследование представляет собой сложную социальную деятельность, структурно включающую три подсистемы: сбор доказательств (процессуальная деятельность следователя), получение ориентирующей информации (оперативно-розыскная деятельность) и использование специальных знаний в расследовании (в основном, производство экспертиз). Расследование объективно нуждается в организации и управлении. Организация направлена на определение и конкретизацию структуры деятельности, а управление необходимо для удержания структуры деятельности в заданном (определенном) положении и ее совершенствования [1].

Как известно, структура расследования – это система взаимосвязанных элементов расследования как деятельности. Основные из них: обстоятельства, подлежащие установлению, сексуальные и/или иные действия, сочетание действий.

В отдельном расследовании для реализации положений организации и управления необходимо руководство. Смысловое значение слова «руководство» означает координацию, контроль [2, с. 538]. Руководить – значит предвидеть, прогнозировать, сопоставлять, контролировать, сочетать все действия, распоряжаться. В отдельном расследовании организация и управление переплетаются. Следователь является организатором и одновременно руководителем расследования. Поэтому применительно к отдельному расследованию употребляется термин «организация», подразумевая под ним и организацию и управление. Поэтому рассматриваемый вид руководства является, на наш взгляд, элементом организации.

Отметим, что существует два вида руководства расследованием: отдельным расследованием и руководство системой расследования. Последний вид включает несколько уровней: руководство в органе расследования и административном районе (округ, область, край); руководство расследованием в ведомстве (МВД, Следственный комитет и др.); руководство системой расследования в стране. Каждый из этих видов руководства отличается от другого характеристикой составляющих элементов. В настоящей работе мы рассматриваем понятие руководства применительно к основному, базовому уровню – расследованию отдельного преступления. Уровень организации отдельного расследования мы считаем базовым, потому что именно здесь решается одна из основных задач уголовного судопроизводства – раскрытие преступления, установление лица, его совершившего.

Говоря о руководстве отдельным расследованием, известный российский криминалист, профессор, А.М. Ларин отмечал, что процессуальное руководство предварительным следствием означает дачу обязательных поручений и указаний, предъявление обязывающих требований, вынесение постановлений, привлечение к участию в следственных действиях конкретных лиц и др. Осуществляет процессуальное руководство следователь [3, с. 77].

Попытаемся рассмотреть сущность, содержание руководства отдельным расследованием. Исходя из содержания понятия руководства, можно полагать, что руководство отдельным расследованием

как элемент организации – это интеллектуальная деятельность и действия следователя и иных субъектов расследования, направленная на оптимизацию следственных и иных действий; законное и качественное выполнение участниками расследования своих обязанностей, предусмотренных УПК РФ и иными нормами права.

Руководство расследованием направлено на побуждение участников расследования к выполнению своих функций. Руководство осуществляется в определенном объеме в отношении оперативных и иных работников полиции, специалистов, а также должностных лиц организаций, осуществляющих служебные проверочные действия.

Руководство включает властно-распорядительные полномочия следователя, согласование действий участников расследования, координацию всех действий. Отдельный элемент руководства – разъяснение прав и обязанностей участникам процесса и их соблюдение в ходе расследования.

Составным элементом руководства является контроль за соблюдением участниками расследования уголовно-процессуального закона в ходе производства следственных и иных процессуальных действий. Содержание контроля – это анализ руководителем содержания результатов выполнения участниками расследования обязанностей, анализ своих действий и содержания всего расследования в целом. Контроль является составным компонентом оценочной деятельности следователя. Он влияет на принятие решений.

Руководство отдельным расследованием предполагает определение стратегии расследования, прогнозирование использования сил и средств расследования, координацию всей деятельности как следователя, так и иных участников, оптимальное использование научно-практических рекомендаций криминалистической методики [4, с. 129].

Руководство выражается во властно-распорядительных актах, направленных на поддержание структуры расследования в заданном состоянии и на оптимальную деятельность участников расследования. Между руководителем и иными участниками расследования объективно существуют отношения руководства – подчинения. Оно специфично, так как осуществляется в связи с расследованием конкретного уголовного дела (а также в стадии возбуждения уголовного дела), связано с реализацией участниками уголовного процесса своих процессуальных функций и вытекает из требований закона. Это про-

цессуальное подчинение – основанное на законе строгое и точное выполнение участниками расследования, а также должностными лицами и гражданами постановлений, поручений, требований и распоряжений следователя, связанных с расследованием преступлений [5, с. 100]. Процессуальное подчинение – это социально-психологическое отношение между руководителем и участниками расследования, основанное на реализации их уголовно-процессуальных функций. Оно существует в пределах конкретного расследования, связано с реализацией властно-распорядительных полномочий следователя и является обязательным компонентом расследования как деятельности.

Процессуальное подчинение проявляется в определении места, времени и участников следственных действий; в выявлении отдельных составных элементов следственного действия; в предоставлении требуемых материалов в орган расследования и др.

Руководство расследованием выражается в организационно-подготовительных и иных процессуальных действиях. Процессуальные формы руководства: постановление следователя, поручения. Практика идет и обоснованно по пути дачи распоряжений, требований следователя, в том числе и в устной форме. Они не предусмотрены УПК, но вытекают из его требований (например, распоряжение следователя об удалении граждан с места происшествия вытекает из положений о содействии полиции следователю). Было бы рационально, на наш взгляд, предусмотреть возможность распоряжений и требований уголовно-процессуальным законом.

Принципы уголовного процесса, сущность, содержание расследования объективно предполагают руководителя – следователя. В соответствии с существующим организационно-правовым статусом следователя он процессуально самостоятельный субъект расследования, несущий персональную ответственность за своевременность, законность расследования и его результаты. Полагаем, что это очевидный факт.

В отдельном расследовании руководство, кроме следователя, осуществляет руководитель следственного органа. Оно состоит в основном в контроле за созданием структуры расследования, в определении оптимального направления расследования, в побуждении следователя к целенаправленной деятельности и в регулировании отдельных вопросов взаимодействия следователя с иными участниками

расследования. Речь идет, подчеркиваем, об отдельном расследовании. Трудно согласиться с мнением, что отдельным расследованием руководит начальник (руководитель) следственного органа [6, с. 31]. Полагаем, что его руководство в отдельном расследовании значительно, но оно не должно ограничивать процессуальную самостоятельность следователя.

Системой расследования, начиная от следственного органа и до страны в целом, руководят руководителем органов расследования. Управление системой расследования сложно, объемно и многогранно. Одной из проблем является сочетание организации отдельного расследования с управлением системой расследования. Но это отдельная тема.

В руководстве отдельным расследованием, как и организацией расследования в целом, существует ряд проблем, разрешение которых будет способствовать повышению качества расследования.

Список использованной литературы

1. Зеленский В.Д. Организация расследования преступлений. Криминалистические аспекты / В.Д. Зеленский. – Ростов н/Д., 1989.
2. Даль В. Толковый словарь / В. Даль. Т. 3. – М.: Рипол классик, 2006. – 754 с.
3. Ларин А.М. Функция процессуального руководства и прокурорский надзор в стадии предварительного следствия / А.М. Ларин // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы : сб. науч. ст. – Воронеж, 1979. – С. 75–82.
4. Куемжиева С.А. Общие положения криминалистической методики / С.А. Куемжиева, В.Д. Зеленский. – Краснодар, 2015.
5. Зеленский В.Д. Теоретические вопросы организации расследования преступлений / В.Д. Зеленский. – Краснодар, 2011.
6. Образцов А.В. Процессуальное руководство и разумный срок уголовного судопроизводства как условия повышения эффективности предварительного следствия / А.В. Образцов // Российский следователь. – 2017. – № 23. – С. 31.

Информация об авторе

Зеленский Владимир Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, руководи-

тель программ магистерской подготовки юридического факультета, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 350044, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, e-mail: kgau-uf@mail.ru.

Information about the author

Zelenskiy, Vladimir D. – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Master Programs of the Faculty of Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, 13 Kalinina St., 350044, Krasnodar, Russian Federation, e-mail: kgau-uf@mail.ru.

СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД КАК НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ

В статье исследованы популярные проблемы, связанные с теоретическими вопросами разработки системного подхода и его использованию в практической деятельности по расследованию преступлений.

Ключевые слова: системный подход, криминалистика, следственные ситуации.

SITUATIONAL APPROACH AS A SCIENTIFIC-PRACTICAL CATEGORY FORENSICS

The article examines the popular issues related to theoretical questions of development of system approach and its use in practice for the investigation of crimes.

Keywords: system approach, criminalistics, investigative situation

Понятие «следственная ситуация» известно криминалистам достаточно давно. Однако в научно-практический оборот оно было введено А.Н. Колесниченко [1, с. 10]. Этот известный советский криминалист понимал ее как положение расследования, характеризующее наличием доказательств и иного информационного материала.

В связи с научно-практической значимостью эта идея была положительно воспринята криминалистами как учеными, так и практиками. В настоящее время можно с полной ответственностью утверждать наличие в системе знания образующего общую теорию криминалистики сформировавшейся и гармонично развивающейся теории следственных ситуаций.

Основная функция науки – объяснять явления и процессы, которые требуют этого для целей научной и прикладной реализации в том или ином виде социальной деятельности людей.

Изучение криминалистами явления следственной ситуации способствовало тому, что в последние десятилетия прошедшего столетия

возникла необходимость более детального научно-прикладного рассмотрения вопроса о ситуационном подходе в уголовном судопроизводстве¹, в первую очередь, в аспекте *метода познания* в процессе криминалистического мышления субъектов криминалистической деятельности.

Было предложено широко толковать это понятие относительно особенностей объекта криминалистики как науки, то есть распространить действие этого метода и на познание преступной деятельности, как части криминалистического объекта познания. Преступление, согласно этой позиции, следовало рассматривать как совокупность динамично развивающихся криминальных ситуаций [2].

Справедливости ради отметим, что не всеми криминалистами такое расширительное толкование ситуационного подхода было воспринято как безупречное. Так, например, Л.Я. Драпкин в этой связи отмечал, что распространение ситуационного подхода на «...группу криминальных ситуаций вызывает возражение, поскольку они носят самостоятельный антикриминалистический характер» [3, с. 26–27]. Этот известный специалист полагал, что понятие криминальных ситуаций в основном совпадает с понятием криминалистической характеристики преступлений, которое имеет четкую структуру и более богатое содержание за счет конкретных структурных элементов.

По нашему мнению, для теории криминалистики и практики криминалистического правоприменения распространение действия ситуационного подхода на криминальные ситуации никак не мешает использовать данные криминалистической характеристики преступлений в качестве информационной базы для выдвижения типичных версий расследования преступлений, совершенных в условиях неочевидности, так как другого назначения этой категории в методике расследования преступлений мы не видим.

Полагаем, что Т.С. Волчецкая, как автор идеи о распространения ситуационного подхода на криминальные ситуации, права в том, что «криминальные ситуации, составляющие криминальное событие, отражаются как в материальных следах, остающихся на месте происше-

¹ Теория следственных ситуаций, по нашему мнению, имеет пределы своей практической реализации как на стадии досудебного производства по уголовному делу, так и его судебного разбирательства. Этот факт подтверждают достаточно исследований, фундаментальными из которых можно считать работы [4; 5].

ствия, так и в следах идеальных – мысленных образах события преступления в сознании участников криминального события (подозреваемого, преступника, свидетелей-очевидцев)» [6, с. 16].

Практика свидетельствует, что восприятие таких следов помогает провести мысленную реконструкцию этапов преступного события в процессе его расследования, то есть лучше понять криминальную ситуацию, а это первый шаг к оптимальной организации планирования расследования преступления и его практической реализации.

Методологическое значение широкого толкования ситуационного подхода основано на возможностях научной разработки различных криминалистических рекомендаций, связанных с особенностями расследования отдельных видов и групп преступлений, обусловленных единым объектом преступного посягательства.

Вместе с тем, криминалистическая методология оперирует определенными понятиями, которые способствуют правильному построению как научных теоретических криминалистических исследований, так и соответствующих практических рекомендаций.

На этом основании следует определиться с системой понятий ситуационного подхода.

Криминалисты, и это уже традиция, большей частью дают определения понятий основываясь на характеристике конкретного явления и спорят с оппонентами относительно объема того или иного определенного понятия. Этот стиль мышления принят и в определении понятия ситуационного подхода. Однако, как мы полагаем, более ценной в научно-практическом исследовании является методология определения сущности в понятии объекта познания и определения этого же объекта на уровне явления, то есть прикладном уровне.

Такой подход позволяет более точно с диалектических позиций познать и рассмотреть объект исследования, в данном контексте это ситуационный подход в расследовании преступления, для его теоретического криминалистического исследования и практического назначения в процессе уголовного судопроизводства. Здесь речь идет о языке криминалистики, который должен быть одинаково понятен и однозначно использован как учеными криминалистами, так и криминалистами практиками.

В основе реализации ситуационного подхода лежит криминалистическая деятельность дознавателя, следователя, оперативного сотрудника, государственного обвинителя, судьи, которая посредством

анализа исследует познаваемое событие во взаимосвязи и динамике составляющих его криминальных ситуаций и ситуаций расследования. При чем в основе этого анализа лежит не только алгоритм познания, присущий любому методу, но и суть – криминалистическое мышление, то есть профессиональное владение указанными выше субъектами «навыками специфического поисково-познавательного мышления, которое обеспечивает тщательное, продуманное, осознанное и эффективное использование всех средств, приемов и знаний в процессе криминалистической деятельности по расследованию преступлений» [7, с. 20].

Правильно подмечено, что «современное криминалистическое мышление должно обладать и свойствами прогностического характера, которое еще называют свойством «опережающего отражения» позволяющим предвидеть все возможные следственные действия, которые необходимо будет провести для закрепления могущих быть выявленными и установленными доказательными фактами» [8, с. 59].

Одним из назначений ситуационного подхода в криминалистике является разработка алгоритмов решения сложных следственных ситуационных задач, которые могут быть связаны с проблемами организационно-управленческого характера и основаны на ошибках в следственном планировании (принятие ошибочных решений, отсутствие контроля за их выполнением, нарушение связей в системе управления и пр.); проблемами тактико-психологического характера, обусловленными конфликтным взаимодействием участников уголовного процесса; трудностями поисково-познавательного характера, когда расследование не располагает данными об обстоятельствах, подлежащих доказыванию и источниках получения информации о них.

Это только некоторые направления криминалистической деятельности, где возможности ситуационного подхода могут принести искомый результат.

Не вызывает возражений мнение о том, что «криминалистика изучает не только закономерности, но и некоторые типовые и даже индивидуальные объекты» [9, с. 8–9], так как это наука прикладного назначения и ее задача объяснение явления и обоснование рекомендаций для познавательной деятельности соответствующими субъектами. Приведенный выше тезис хорошо коррелирует с традиционными подходами к познанию того или иного явления на основе так называемой диалектической триады – общего, особенного и единич-

ного, что отражается в каждом отдельном явлении. Фактически же элементы триады есть стороны отдельного и вне отдельных явлений реально не существуют. В этой связи уместно вспомнить мудрость Аристотеля. Отдельные явления он связывал с «первой сущностью», в связи с чем отмечал – «сущность есть первое со всех точек зрения – и по понятию, и по познанию, и по времени. Из всех других определений ни одно не может существовать отдельно: только она одна и способна на это» [10, с. 113]. Этот подход вполне можно эксплицировать на явления и объекты, изучаемые криминалистикой, более того каждое преступление можно рассматривать отдельным явлением для научного исследования и практического расследования. Его индивидуальность обусловлена структурно-единичными элементами, которые каждый раз реализуются в неповторимых ситуациях, что объясняет невозможность полной формализации сложных ситуаций и «разработке жестких алгоритмов их разрешения» [3, с. 28].

Между тем в криминалистике достаточно широко представлены практические рекомендации, в основе которых лежат обобщения элементов общего и особенного отдельных видов, и групп преступлений, что позволяет на основе ситуационного подхода и общенаучного метода моделирования, в его криминалистической интерпретации, разрабатывать оригинальные научные рекомендации. В своем «научном завещании» Р.С. Белкин отмечал, что в криминалистике утвердился «ситуационный подход к реализации в практике разрабатываемых ею рекомендаций» [11, с. 16]. Фактически это означает – возможность «приложимости» сложной конкретной ситуации расследования и типовой сложной следственной ситуации, как теоретической модели, с целью организации и планирования расследования на основе известных типовых криминалистических рекомендаций, динамика совершенствования которых в практическом плане связана с ориентирующей криминалистически значимой информацией, поступающей к следователю по уголовному делу, а в научном плане к актуализации проблемы и ее теоретическому объяснению.

В современной криминалистике ситуационный подход можно считать ведущей методологической концепцией. Однако такого обоснования недостаточно для того чтобы предложить теоретическое определение понятия ситуационного подхода.

Обозначив ситуационный подход в качестве методологической концепции, с учетом того, что она «пронизывает» всю систему крими-

налистики и является на этом основании ведущей системообразующей концепцией, то есть парадигмой [12, с. 11–19], мы считаем ее более адекватной в отражении реальностей по криминалистическому познанию преступной деятельности, планирования, организации, а, следовательно, и реализации криминалистических рекомендаций связанных с расследованием преступлений, в том числе и посредством комплексных криминалистических средств (тактические комбинации, тактические операции и пр.). Это обстоятельство ни коим образом не отрицает иные теоретические концепции, обоснованные в криминалистике и реализуемые посредством криминалистической деятельности.

На основе приведенного выше обоснования мы предлагаем следующее теоретическое определение ситуационного подхода, на наш взгляд, это *методологическая концепция, структура которой на основе интегрированных положений теорий вероятностей, ситуационного моделирования, версионного анализа, рефлексивного мышления, криминалистической диагностики и других форм синтезированного знания, обеспечивает разрешение стоящих перед криминалистикой теоретических и практических проблем, для целей эффективного правоприменения.*

Методологический смысл любого криминалистического понятия состоит в том, что оно является инструментом анализа преступной и криминалистической деятельности и используется «с целью выбора наиболее эффективных средств, приемов и методов расследования» эта мысль В.Я. Колдина хорошо подчеркивает назначение системы терминов и понятий криминалистики, что само по себе позволяет рассматривать прикладное назначение ситуационного подхода в качестве инструмента принятия решений, в первую очередь по планированию, в структуре криминалистической деятельности по расследованию преступлений и их судебному рассмотрению.

В практике расследования преступления (судебного рассмотрения) ситуационный подход реализуется тогда, когда процесс расследования требует принятия от следователя соответствующего решения, поэтому достаточно часто он связывается с тактическим решением [13–16], а оно должно быть реализовано посредством оптимальных средств в системе обоснованной плано-организационной деятельности соответствующих субъектов. Это положение хорошо интерпретируется следующим тезисом «ситуация – это критическая масса накопленной информации, не согласующаяся с программой, по

которой осуществляется деятельность и требующая ее пересмотра (дополнения, корректировки, построения новой информационной модели)» [17, с. 31].

На наш взгляд в современных условиях расследования преступлений, при известном нам уровне преступности, которая уже давно достигла критических значений актуальной становится разработка типовых ситуационно обусловленных алгоритмов следственной деятельности, относимой к расследованию отдельных видов и групп преступлений.

На этом основании вполне уместной становится возможность использования в практической реализации системного подхода, наряду с традиционными, рекомендаций логистики как «искусства рассуждения и выполнения расчетов, разумной организации, планирования четкой последовательности действий»¹. Разумеется, все эти рекомендации должны быть интегрированы в предмет криминалистики и ее разделы, отвечающие за планирование и организацию расследования.

Данные логистики в практике реализуются посредством *логистического анализа, принципы реализации которого близки криминалистическому анализу*, а именно: это научность, системный подход, динамичность, выделение приоритетных направлений, комплексность, полнота и достоверность информационной базы и т.п., однако отличаются от него структурой методологии. Эта структура предусматривает большую детализацию управленческих элементов анализа и своим содержанием может быть интегрирована в криминалистическое моделирование при реализации ситуационного подхода, что позволит получить более объективную и динамичную картину преступной деятельности, а на ее основе спланировать и организовать деятельность по расследованию преступления. О значении логистического анализа для расследования, например, мошенничеств и преступлений, совершенных в сфере экономической деятельности, отмечается «метод криминалистической логистики, привнеся понятие управления потоками, позволяет моделировать преступную деятельность, и как следствие деятельность по расследованию преступлений, в зависимости от факторов, воздействующих на систему в каждый момент ее существо-

¹ Все определения логистики [Электронный ресурс] // Новая складская логистика : офиц. сайт. – URL: <http://www.fill2001.narod.ru/OpredLogist.htm>.

вания, не теряя связи с ранее существовавшим ее состоянием и прогнозируя изменение и развитие системы в будущем» [18, с. 75].

Очевидно некоторое преимущество метода криминалистической логистики перед другими криминалистическими методами планирования и организации расследования преступлений – это приоритет управлению информационными потоками, которые включают в свое содержание преимущественно сведения о материальных и идеальных следах преступления, на этой основе он выступает как интегральный метод управления расследованием тесно связанный с криминалистической ситуалогией, планированием, версионным анализом и другими положениями криминалистики.

В соответствии с тем, что теоретическое определение понятия ситуационного подхода является базовым для его прикладного определения, то, на наш взгляд, ситуационный подход в понимании следователей, оперативных сотрудников, государственных обвинителей, судей и других участников уголовного процесса, которые в силу своей заинтересованности могут воспользоваться им для реализации своих прав и выполнения обязанностей может быть определен в качестве *интегративного метода системы криминалистического мышления, реализация которого в правоприменительной криминалистической деятельности способствует корреляции криминальной ситуации к ситуациям расследования преступления с целью планирования и организации его расследования (судебного рассмотрения) на основе оптимально выбранных средств, способов и приемов, способных обеспечить достижение целей уголовного судопроизводства.*

Криминалистика представляет собой достаточно динамично развивающуюся юридическую науку. В этой связи ее категории и понятия являются предметом постоянной научной полемики, что, на наш взгляд, соответствует прикладному назначению криминалистики. Не исключение в этом ряду и понятие «ситуационный подход», важное для обоснования научно-прикладных рекомендаций расследования преступлений и практической правоприменительной деятельности.

Список использованной литературы

1. Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. Н. Колесниченко. – Харьков, 1977. – 27 с.

2. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия : дис. ... д-ра юрид. наук / Т.С. Волчецкая. – М., 1997. – 395 с.

3. Драпкин Л.Я. Ситуационный подход – локальная парадигма современной криминалистики / Л.Я. Драпкин // Ситуационный подход в криминалистической науке и правоприменительной деятельности : материалы межд. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности», БФУ им. И. Канта ; под ред. Т.С. Волчецкой. – Калининград, 2012. – С. 25–30.

4. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений / В.К. Гавло. – Томск, 1985.

5. Драпкин Л.Я. Основы криминалистической теории следственных ситуаций : дис. д-ра юрид. наук / Л.Я. Драпкин. – М., 1987. – 164 с.

6. Волчецкая Т.С. Генезис, современные тенденции и перспективы развития криминалистической ситуалогии на современном этапе / Т.С. Волчецкая / Ситуационный подход в криминалистической науке и правоприменительной деятельности : материалы межд. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности», БФУ им. И. Канта ; под ред. Т.С. Волчецкой. – Калининград, 2012. – С. 15–20.

7. Яблоков Н.П. Ситуационный подход как один из методов научного познания в криминалистическом мышлении субъектов криминалистической деятельности / Н.П. Яблоков // Ситуационный подход в криминалистической науке и правоприменительной деятельности : материалы межд. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности», БФУ им. И. Канта ; под ред. Т.С. Волчецкой. – Калининград, 2012. – С. 20–24.

8. Сидоров А.В. Основы формирования криминалистической теории доказывания / А.В. Сидоров, А.С. Рубис. – Минск, 2005.

9. Селиванов Н.А. Советская криминалистика. Теоретические проблемы / Н.А. Селиванов [и др.]. – М., 1978.

10. Аристотель. Метафизика. – М.; Л., 1934.

11. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня / Р.С. Белкин. – М., 2001.

12. Кун Т. Структуры научных революций / Т. Кун. – М., 1975.
13. Макаров И.М. Теория выбора и принятия решений / И.М. Макаров, Т.М. Виноградская, А.А. Рубчинский. – М., 1982.
14. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы / П.А. Лупинская. – М., 1976.
15. Волчецкая Т.С. Особенности принятия тактических решений при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами / Т.С. Волчецкая [и др.] ; под ред. С. И. Цветкова. – М., 1996.
16. Копылов И.А. Следственная ситуация и тактическое решение / И.А. Копылов. – Волгоград, 1988.
17. Колдин В.Я. К вопросу о методологической функции ситуационного подхода / В.Я. Колдин // Ситуационный подход в криминалистической науке и правоприменительной деятельности : материалы межд. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности», БФУ им. И. Канта ; под ред. Т.С. Волчецкой. – Калининград, 2012. – С. 30–34.
18. Веселков К.В. Метод криминалистической логики в правоприменительной деятельности как проявление ситуационного подхода. / К.В. Веселков // Ситуационный подход в криминалистической науке и правоприменительной деятельности : материалы межд. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности», БФУ им. И. Канта ; под ред. Т.С. Волчецкой. – Калининград, 2012. – С. 74–78.

Информация об авторах

Комаров Игорь Михайлович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1, e-mail: mgu.ikomarov@mail.ru.

Пономаренко Наталья Юрьевна – ассистент кафедры судебной экспертизы и криминалистики Юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский универси-

тет, 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85, e-mail: ponomarenko_n@bsu.edu.ru.

Ян Елена Игоревна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1, e-mail: mgu.ikomarov@mail.ru.

Information about the authors

Komarov, Igor M. – Doctor of Law, Professor, Professor of Department of criminalistics, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, 119991, Moscow, Russian Federation, e-mail: mgu.ikomarov@mail.ru.

Ponomarenko, Natalia Y. – Assistant of the Department of judicial examination and criminology of the Law Institute, Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St., 308015, Belgorod, Russian Federation, e-mail: ponomarenko_n@bsu.edu.ru.

Jan, Elena I. – PhD in Law, Associate Professor of Department of criminalistics, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, 119991, Moscow, Russian Federation, e-mail: mgu.ikomarov@mail.ru.

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ
И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПНЫХ НАРУШЕНИЙ
НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ,
СОВЕРШАЕМЫХ РАБОТНИКАМИ ОРГАНИЗАЦИЙ,
ПРЕДОСТАВЛЯЮЩИХ УСЛУГИ
ПОДВИЖНОЙ (СОТОВОЙ) СВЯЗИ**

В статье рассматриваются особенности выявления и расследования преступных посягательств на тайну связи, совершаемых работниками организаций, предоставляющих услуги подвижной (сотовой) связи. Предметом преступных посягательств являются сведения о передаваемых по сетям подвижной связи телефонных переговорах и сообщениях, а также сведения об абоненте, ставшие известными оператору связи в силу исполнения договора оказания услуг. Выявляют преступления рассматриваемой категории сотрудники подразделений УСТМ МВД России. Факт нарушения тайны связи также может быть обнаружен самим потерпевшим. Среди следственных действий, имеющих определенную специфику по делам рассматриваемой категории, можно выделить: осмотр места происшествия, обыск по месту проживания подозреваемого, выемку предметов и документов, допросы потерпевшего и свидетелей, а также компьютерно-техническую экспертизу изъятых электронных носителей информации.

Ключевые слова: расследование преступлений; неприкосновенность частной жизни; тайна связи

S.V. Barinov

**SOME OF THE FEATURES OF DETECTION
AND INVESTIGATION OF CRIMINAL VIOLATIONS
OF PRIVACY COMMITTED BY EMPLOYEES
OF ORGANIZATIONS THAT PROVIDE SERVICES
OF MOBILE (CELLULAR) COMMUNICATION**

The article considers the peculiarities of detection and investigation of criminal attacks on the privacy of communications committed staff of

organizations that provide services of mobile (cellular) communication. The subject of a criminal encroachment are data on pen given to mobile network telephone calls, and communication, as well as information about the subscriber, who became a famous Opera-the Torah due to the performance of the contract services. Reveal the crimes of the considered category employees of the departments of USTM, the Ministry of internal Affairs of Russia. The fact of the violation of the secrecy of communication can also be detected by the victim. Among the investigative actions with a certain specificity for cases in this category, we can distinguish: the inspection of the scene, searched the place of residence of a suspect, seizure of objects and documents, gopro-Sy victim and witnesses, and computer-technical examination of the seized electronic media.

Keywords: the investigation of crimes; the inviolability of private life; secret of communication.

Право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений закреплено в ч. 2 ст. 23 Конституции РФ. Там же указано, что ограничение этого права допускается только на основании судебного решения. Право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений можно рассматривать как составляющую более объемного по содержанию права на неприкосновенность частной жизни, гарантированного ст. 23 Конституции РФ.

Ст. 63 Федерального закона от 07.07.2003 г. № 126-ФЗ «О связи» устанавливает, что на территории Российской Федерации гарантируется тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи.

В настоящее время широкое распространение в потребительской сфере получили услуги подвижной (сотовой) связи, представляющей из себя один из видов мобильной радиосвязи, в основе которого лежит сотовая сеть.

Отношения между абонентом, пользующимся услугами подвижной связи, и оператором связи при оказании услуг подвижной радиосвязи, и (или) услуг подвижной радиотелефонной связи, и (или) услуг подвижной спутниковой радиосвязи в сети связи общего пользования (далее – услуги подвижной связи), а также особенности оказания услуг связи при перенесении абонентского номера регулируют

Правила оказания услуг подвижной связи (утв. постановлением Правительства РФ от 25 мая 2005 г. № 328).

В соответствии с п. 4 Правил оператор связи обязан обеспечивать соблюдение тайны телефонных переговоров и сообщений, передаваемых по сетям подвижной связи.

Ограничение права на тайну телефонных переговоров и сообщений, передаваемых по сетям подвижной связи, допускается только в случаях, предусмотренных федеральными законами.

Широкое распространение подвижной связи сопровождается ростом количества нарушений тайны связи, совершаемых работниками организаций, предоставляющих соответствующие услуги. Указанные работники имеют в силу занимаемой должности беспрепятственный доступ к конфиденциальной информации, а именно: к персональным данным клиентов, номерам телефонов, сведениям о соединениях, объеме трафика.

Предметом преступных посягательств, совершаемых работниками организаций, предоставляющих услуги подвижной связи, являются сведения о передаваемых по сетям подвижной связи телефонных переговорах и сообщениях, а также сведения об абоненте, ставшие известными оператору связи в силу исполнения договора оказания услуг.

Среди часто встречающихся в следственно-судебной практике мотивов осуществления преступных нарушений тайны связи, совершаемых работниками организаций, предоставляющих услуги подвижной связи можно выделить: корыстный (направленный на извлечение прибыли за предоставление конфиденциальной информации), ревность (проверка домыслов о возможной измене близкого человека), легкомыслие (необдуманное желание оказать помощь обратившемуся под надуманным предлогом путем нарушения должностных инструкций).

Преступления могут совершаться как одним преступником, так и группой лиц. При совершении преступления группой лиц по предварительному сговору возможно распределение преступных функций между участниками группы.

Так, в ходе расследования уголовного дела, возбужденного по ч. 2 ст. 138 УК РФ сотрудниками Следственного комитета по Саратовской области в отношении жителя г. Балашов гражданина Г. было установлено, что в январе 2014 г. у последнего возник преступный умысел, направленный на нарушение тайны телефонных переговоров

абонентов ОАО «Вымпел-Коммуникации», выраженной в получении детализированных отчетов телефонных переговоров абонентов с целью их последующей реализации и получения денежных средств. Понимая, что самостоятельно осуществить задуманное он не сможет, гражданин Г. решил организовать совершение преступления путем привлечения его знакомой гражданки М., занимающей должность специалиста обслуживания и продаж офиса обслуживания и продаж в г. Балашове Саратовского филиала ОАО «Вымпел-Коммуникации» и имеющей доступ к служебной базе абонентов, заранее придумав план совершения преступления.

Согласно разработанному плану, гражданин Г. должен был разместить в сети интернет объявление о предоставлении за денежные средства детализированных отчетов телефонных переговоров абонентов ОАО «Вымпел-Коммуникации», получать заказы на предоставление данной информации, которые в последующем должны были передаваться гражданке М., а также должен был получать от заказчика за это денежные средства.

Гражданка М., в соответствии с разработанным планом, должна была получать по средствам служебной системы «ССВО» детализированные отчеты телефонных переговоров абонентов и передавать сообщнику. За каждую полученную детализацию телефонных переговоров гражданин Г. пообещал передавать денежные средства в размере 1500 р. Желая быстро и незаконно обогатиться путем совершения указанного преступления, гражданка М. согласилась на предложение¹.

Выявление фактов нарушения тайны связи, совершаемых работниками предприятий подвижной связи осуществляют сотрудники Управления специальных технических мероприятий МВД России. Первичная информация о признаках совершения преступлений рассматриваемого вида может быть получена при поступлении оперативной информации, а также в ходе мониторинга интернет-сайтов и рекламных изданий на предмет содержания объявлений об оказании услуг по предоставлению информации, содержащей сведения о персональных данных абонентов, протоколов соединений (детализации) и т.д.

¹ Архив Балашовского районного суда Саратовской области. Дело № 1-134/2014.

Примером может являться уголовное дело по ч. 2 ст. 138 УК РФ, возбужденное в отношении управляющего салона связи гражданина Х., который, имея в силу занимаемой должности беспрепятственный доступ к конфиденциальной информации абонентов филиала организации, предоставляющей услуги подвижной связи, принял решение использовать данный факт в целях личного корыстного обогащения.

Действуя во исполнение своего преступного умысла, злоумышленник, преследуя цель извлечения материальной выгоды, зарегистрировался на Интернет-сайтах под вымышленным именем и поместил объявление на форуме об оказании содействия в получении детализированного отчета о соединениях абонентов оператора сотовой связи.

Указанное объявление явилось поводом для проведения оперативно-розыскных мероприятий со стороны правоохранителей.

Так, 23.10.2013 г. старший оперуполномоченный БСТМ ГУ МВД России по г. Москва, действовавший в рамках оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка», в ходе переписки на форуме Интернет-сайта с гражданином Х., обратился с просьбой об оказании содействия в получении детализированного отчета о соединениях абонента N, использующего номер телефона оператора сотовой связи, на что злоумышленник дал согласие за денежное вознаграждение.

Далее, в этот же день, находясь на своем рабочем месте в помещении салона связи гражданин Х., осуществил выгрузку из системы детализированного отчета о вызовах абонента N за определенный период времени, путем сохранения файла на своем рабочем компьютере, после чего отправил сохраненный файл на свой мобильный телефон в виде мультимедийного сообщения (ммс). Непосредственно после этого, со своего мобильного телефона гражданин Х. переслал сохраненный файл на адрес электронной почты, предоставленный ему ранее пользователем, получив за свои противоправные действия денежное вознаграждение на электронный кошелек.

При совершении преступных действий в отношении следующего абонента злоумышленник был задержан сотрудниками БСТМ¹.

Факт нарушения тайны связи может быть обнаружен самим потерпевшим в результате:

¹ Архив Тверского районного суда г. Москвы. Дело №1-297/2014.

1. Получения абонентом сообщения на мобильный телефон или указанный им адрес электронного почтового ящика о предоставлении детализированных отчетов с принадлежащего ему абонентского номера.

Именно указанный факт послужил основанием для возникновения подозрений о нарушении тайны связи у потерпевшего по уголовному делу, возбужденному в отношении продавца столичного филиала службы продаж и обслуживания салона связи «МегаФон» гражданина Б.¹

2. Получения информации от посторонних лиц о ставших им известными сведениях, полученных в результате нарушения тайны связи.

Так, потерпевший по уголовному делу, возбужденному в отношении гражданки Т., пояснил, что у него в семье сложилась тяжелая ситуация, вызванная конфликтами с супругой. В один из дней ему на мобильный телефон позвонила его жена, которая сказала, что у нее имеется детализация его телефонных вызовов, ей известно обо всех его звонках, и по телефону стала ему зачитывать, на какие номера он звонил, кому он звонил, время звонков и сообщений. Данную детализацию он лично не видел, но названные даты и номера совпадали с теми, на которые он осуществлял звонки.

Другая потерпевшая по данному делу пояснила, что на мобильный телефон ей позвонила неизвестная девушка, как потом выяснилось Т., и сказала, что она является сестрой первого потерпевшего, попросила не встречаться с ним и после этого в течение недели писала ей сообщения оскорбительного содержания, в которых сообщала о том, что она знает об их переписке².

В подобных случаях жертва преступления обычно обращается в службу безопасности для установления факта незаконного доступа к сведениям, составляющим тайну связи, а впоследствии – в правоохранительные органы с заявлением о привлечении виновных лиц к ответственности.

Среди следственных действий, необходимость в проведении которых может возникнуть на начальном этапе расследования можно выделить такие, как:

¹ Архив Чертановского районного суда г. Москвы. Дело № 1-298/15.

² Архив Октябрьского районного суда г. Пензы. Дело № 1-264/11.

1. Осмотр места происшествия, которым чаще всего является офисное помещение организации, предоставляющей услуги подвижной связи.

2. Обыск по месту проживания подозреваемого. При производстве обыска типичным объектом для изъятия являются электронные носители информации (системные блоки компьютеров, дискеты, CD и DVD диски, флеш-карты и т. д.). Изымаются такие носители информации в соответствии с требованиями ч. 9.1 ст. 182 УПК РФ с участием специалиста. Изъятые электронные носители направляются для производства компьютерно-технической экспертизы.

3. Выемка предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела в организации, предоставляющей услуги подвижной связи. Выемка электронных носителей информации производится также с участием специалиста в соответствии с ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ. Изъятию при производстве выемки подлежат, прежде всего, документы, подтверждающие факт нахождения работника в трудовых отношениях с данным работодателем (трудовой договор, приказ о приеме на работу, приказы о перемещении или переводе), описывающие функциональные обязанности работника (должностная инструкция, обязательство о неразглашении охраняемой законом тайны), а также устанавливающие режим доступа к конфиденциальной информации в данной организации (положения, инструкции, регламенты и т.п.).

4. Допросы потерпевшего и свидетелей, среди которых можно выделить следующие категории:

– лица, которым стало известно о фактах нарушения тайны связи (например, при распространении сведений, ставших известными после получения к ним доступа с нарушением закона);

– рядовые сотрудники организации, предоставляющей услуги подвижной связи – коллеги подозреваемого;

– непосредственные руководители работника, нарушившего тайну связи;

– сотрудники службы безопасности организации, проводившие проверку по факту нарушения конфиденциальности данных абонента.

На последующем этапе расследования уголовных дел по фактам нарушений тайны связи, совершенных работниками организаций, предоставляющих услуги подвижной связи, с целью изобличения виновных лиц в совершении преступления проводятся компьютерно-

техническая экспертиза, допрос обвиняемого и другие (в том числе повторные) следственные действия, необходимость производства которых определяет следователь.

В отдельных случаях следователь не ограничивается производством следственных действий и поручает оперативным подразделениям органов, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, проведение оперативно-розыскных мероприятий: наблюдение, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи и др. Целесообразность проведения указанных оперативно-розыскных мероприятий повышается при совершении преступления группой лиц.

Информация об авторе

Баринов Сергей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военно-воздушная академия имени проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (филиал в г. Сызрани), 446031, Российская Федерация, г. Сызрань, ул. Маршала Жукова, 1, e-mail: metel2000@rambler.ru.

Information about the author

Barinov, Sergey V. – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Air Forces Air-Forces Academy named N.E. Zhukovskij and Yu.A. Gagarin (Branch in Syzran), 1 Marshal Zhukov St., 446031, Syzran, Russian Federation, e-mail: metel2000@rambler.ru.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ХОДЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье приводятся точки зрения различных ученых относительно криминалистического предупреждения и предложено авторское определения данного понятия. Расписаны виды средств массовой информации, их значение в проведении мероприятий по раскрытию и предупреждению преступлений. Раскрыты основные направления осуществления возможного взаимодействия правоохранительных органов с представителями средств массовой информации на этапах последственной проверки и расследования по уголовным делам. При подачи сведений, предназначенных для публикации, указано на необходимость соблюдения требований законодательства РФ и иных особенностей расследования отдельных видов преступлений.

Ключевые слова: последственная проверка, криминалистическое предупреждение, организованная преступная группа, правоохранительные органы, преступная группа, расследование, розыск, следователь, средства массовой информации.

V.E. Gadzhiev

SOME ASPECTS OF USING MASS MEDIA IN THE IMPLEMENTATION OF CRIMINALISTIC CRIME PREVENTION

In the article the points of view of different scientists concerning the criminalistic warning are given and the author's definition of the given concept is offered. The types of mass media are described, their importance in conducting measures to disclose and prevent crimes. The main directions of realization of possible interaction of law enforcement bodies with representatives of mass media at the stages before the investigation and investigation in criminal cases are disclosed. When submitting information intended for publication, it is indicated that it is necessary to com-

ply with the requirements of the RF legislation and other features of the investigation of certain types of crimes.

Keywords: pre-investigation check, forensic warning, organized criminal group, law enforcement agencies, criminal group, investigation, search, investigator, mass media.

Вопросы предупреждения преступлений всегда были и остаются актуальными для всех наук криминального цикла. Однако, важное значение при рассмотрении вопросов профилактики имеет криминалистическое предупреждение преступлений. По настоящее время вопросы криминалистической превенции остаются не достаточно изученными.

Так, И.Я. Фридман определил, что «криминалистическое учение о профилактике изучает закономерности возникновения обстоятельств, способствующих правонарушениям, их обнаружения, исследования, оценки и использования в предупредительных целях» [1, с. 102].

В.А. Ледащев считает, что криминалистическая профилактика является логически упорядоченной системой знаний о закономерностях возникновения и обнаружения, фиксации и исследования фактических данных, проявление криминогенных обстоятельств при совершении преступлений и основанную на познании этих закономерностей разработку и применение средств, приемов и методов обнаружения и устранения таких обстоятельств, а так же защиты от преступных посягательств различных объектов и создания условий, способствующих обнаружению и пресечению преступлений [2, с. 56].

В.Ф. Зудин представляет криминалистическую профилактику в двух аспектах:

1. Опосредованное предотвращение преступлений, предполагающее разработку средств и приемов, при помощи которых решаются задачи неотвратимости наказания за совершенное преступление: всестороннее полное и объективное раскрытие, расследование каждого преступления и изобличение виновного; убеждение лиц с низким уровнем правового и нравственного сознания в неотвратимости наказания в целях общепревентивного воздействия.

2. Непосредственное, специально направленное предотвращение преступлений, а именно, средства и методы обеспечивающие: получение информации о готовящихся преступлениях; своевременное пресечение начавшихся преступлений; целенаправленное воздей-

ствие предупредительного, воспитательного характера; выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению конкретного преступления [3, с. 7].

По мнению Н.П. Яблокова криминалистическая профилактика связана с выявлением причин и способствующих преступлению условий, объектов криминалистического воздействия, а также с применением специфических профилактических мер, затрудняющих совершение новых преступлений, и с пресечением или прерыванием преступной деятельности конкретных лиц [4, с. 174].

В своей докторской диссертации И.И. Иванов дает более широкое по объему «Определение, что криминалистическая превенция (профилактика) преступлений как одна из самостоятельных частных теорий представляет собой систему научных положений и практических рекомендаций о закономерностях разработки и использования в уголовном судопроизводстве технических средств, тактических и методических приемов для предотвращения замышляемых и подготавливаемых преступлений, своевременного обнаружения, быстрого, полного раскрытия и качественного расследования совершенных преступлений, пресечения конкретной преступной деятельности и ликвидации ее опасных последствий, выявления и устранения в процессе расследования обстоятельств, способствовавших совершению и сокрытию преступлений, преодоления любых форм противодействия расследованию» [5, с. 11].

Некоторые авторы современных учебников криминалистики полагают, что выявление причин и условий совершения преступных посягательств имеет предупредительное значение и является основой превентивных мер следователя:

а) обнаружение и раскрытие совершенных преступлений (пресечение преступной деятельности и обеспечение неотвратимости наказания);

б) устранение выявленных причин и условий, способствовавших преступлениям конкретного вида, рода или совершенных определенным способом, при определенных обстоятельствах и т.п.;

в) меры воспитательного и предостерегающего характера;

г) общепрофилактические меры, в том числе использование возможностей средств массовой информации (далее – СМИ), трудовых коллективов, родовых и национальных традиций и т.п. [6, с. 918].

Таким образом, можно заключить, что криминалистическое предупреждение преступлений – это система знаний о закономерностях возникновения, обнаружения, фиксации, исследования фактических данных, обстоятельств, способствующих совершению и сокрытию преступлений, негативного воздействия расследованию и основанную на познании этих закономерностей соответствующие рекомендации профилактического характера, а также создания условий необходимых для обнаружения, раскрытия и пресечения преступлений.

Особое место в превенции преступлений занимает взаимодействие со СМИ. Трудно сейчас представить современное государство без СМИ, которые освещают почти все стороны общества без каких-либо ограничений. Так, п. 5 ст. 29 Конституции РФ гарантирует свободу массовой информации и запрещает цензуру. Согласно ст. 2 Закона РФ № 2124-1 от 27.12.1991 г. «О средствах массовой информации», СМИ – это периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием. Выделяют следующие виды СМИ:

- печатные;
- электронные (телевидение и радио);
- интернет (электронные газеты, журналы, сайты, должным образом зарегистрированные) [7].

Одной из основных функций СМИ является формирование общественного мнения к происходящим в государстве различным явлениям, в число которых входят и преступления, нарушающие права и законные интересы лиц и организаций. В качестве одной из эффективных мер борьбы с преступностью, как отмечалось выше, является их своевременная профилактика. В данном случае неопределимую роль в предупреждении преступных деяний играет осуществление взаимодействия правоохранительных структур с представителями СМИ. В своем научном труде австрийский ученый Г. Гросс писал: «Тесная связь между судебным следователем и повседневной печатью заключается в общности их задач. Первый ведет борьбу с преступлением и тем, что с ним неразрывно связано, что порождает его. И ежедневная печать по преимуществу преследует те же цели» [8, с. 345]. Как известно, большинство корреспондентов готовы сразу же опубликовать полученные сведения, при этом не всегда задумываясь о возможных

последствиях, которые могут причинить не только существенный вред отдельным лицам, но и явиться поводом для оказания противодействия расследованию по конкретным уголовным делам. Поэтому для ведения совместной плодотворной работы, связанной с противодействием преступности следует четко понимать специфику взаимодействия следователя со СМИ. Необходимость такого взаимодействия становится очевидной, это с одной стороны получение новых интересных сведений для публикации / телевидения и с другой – установление сведений, способствующих раскрытию преступлений. Обращение представителей правоохранительных органов за помощью в СМИ обусловлено тем, что не редко в результате совершенных преступлений возникает необходимость следующего характера:

- установление личности лица, в том числе неопознанного трупа;
- установление место нахождения разыскиваемых лиц, похищенного имущества, орудий преступления;
- установление свидетелей и очевидцев преступления;
- установление обстоятельств, способствующих совершению преступления;
- выявления латентных преступлений;
- получение дополнительных сведений о совершенных конкретных преступлениях;
- доведение до населения информации профилактического содержания;
- демонстрация принципа неотвратимости наказания и др.

Подача сведений для опубликования должна происходить в соответствии с требованием законодательства РФ. Исходя из положения ст. 49 Конституции РФ (принцип презумпции невиновности) СМИ не вправе именовать подозреваемого, обвиняемого, подсудимого преступником до вступления приговора в законную силу.

Согласно ст. 4 Закона РФ «О средствах массовой информации» использование средств массовой информации для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну не допускается. Все собранные данные в ходе расследования, представляют собою тайну следствия, а значит могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя в ограниченном объеме, при условии, что разглашение не повлечет отрицательных последствий для следствия и не будет связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного процесса. Так же

не допускается разглашение сведений о частной жизни участников уголовного процесса без их согласия. Следователь в интересах следствия вправе запретить разглашение иных данных, которые журналист получил не от правоохранительных органов.

В соответствии со ст. 49 Закона РФ «О средствах массовой информации» журналист при осуществлении своей деятельности обязан уважать права, законные интересы, честь и достоинство граждан и организаций.

Помимо сказанного выше, при предоставлении сведений для публикации следует учитывать и вид преступлений, имеющих свою специфику расследования. Например, при документировании преступлений, совершенных организованной преступной группой (ОПГ) или преступной группой (ПГ), в отдельных случаях надо учитывать поэтапность (в разное время, дни) задержания его соучастников. Успех привлечения к уголовной ответственности и пресечения деятельности таких групп во многом зависит от соблюдения тайны следствия. А значит, нельзя придавать огласке сведения в таком виде, который бы позволял еще не пойманым соучастникам узнать о задержании их соучастника. Ведение розыска, в том числе и обращение через СМИ, допускается только после завершения документирования всей преступной деятельности ОПГ, ПГ в случае если кто-либо из соучастников скроется от следствия.

Иногда представителей СМИ в рамках взаимодействия приглашают поучаствовать при проведении отдельных следственных действий в качестве понятых. В практической деятельности имели место факты, когда после участия корреспондента на обыске, на следующий же день в газету выходили фотографии следственных действий и подозреваемых. В целях недопущения подобных инцидентов каждый раз нужно оговаривать с представителями СМИ обязательность согласования на публикацию полученных сведений в ходе взаимодействия.

В настоящее время значение СМИ в жизни общества настолько велико, что игнорирование их возможностей в предупреждении преступлений просто недопустимо, особенно для такой прикладной науки как криминалистика, которая в целях оказания помощи практическим работникам в расследовании и предупреждении преступлений активно использует все возможные научно-технические средства, методы и способы.

Список использованной литературы

1. Фридман И.Я. Вопросы профилактики преступлений в системе криминалистики / И. Я. Фридман // Криминалистика и судебная экспертиза. – 1971. – Выпуск 8. – С. 101–105.
2. Ледащев В.А. О предмете криминалистической профилактики / В.А. Ледащев // Правоведение. – 1984. – № 6. – С. 51–56.
3. Зудин В.Ф. Криминалистическая профилактика преступлений (концепция, принципы, средства реализации) : учеб. пособие / В.Ф. Зудин. – Воронеж, 1995.
4. Криминалистика : учебник. Т. I / под общ. ред. А.И. Бастыркина. – М., 2014.
5. Иванов И.И. Криминалистическая превенция (комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И.И. Иванов. – СПб., 2004.
6. Криминалистика : учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Росинская. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2017.
7. Виды и характеристика СМИ [Электронный ресурс] // StudFiles : офиц. сайт. – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3965714/> (дата обращения 09.06.2017).
8. Гросс Г. Руководство для судебных следователей, как система криминалистики / Г. Гросс. – СПб., 1908.

Информация об авторе

Гаджиев Вугар Эдвар оглы – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики, Российский государственный университет правосудия, Восточно-Сибирский филиал, 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, 23а, e-mail: gadjiev81@mail.ru.

Information about the author

Gadzhiev, Vugar E. – PhD in Law, the Senior lecturer, Department of Procedural and Criminal Law and Criminalistics, Russian State University of Justice, East Siberian Branch, 23A Ivan Franko st., 664074, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: gadjiev81@mail.ru.

МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ

В статье автор рассматривает содержание методик расследования коррупционных преступлений. Обращает внимание на криминалистическую характеристику как недостаточно эффективную абстрактную информационную модель преступлений. В качестве иной информационной модели преступлений предлагается рассматривать их криминалистическую структуру. В числе общих структурных элементов коррупционных преступлений могут быть названы следующие: субъект, объект, предмет и средства преступного посягательства. Для некоторых преступлений рассматриваемой группы характерно наличие и такого элемента как предмет преступления. Материальный характер этих элементов является их общим признаком, отличающим от одноименных элементов состава преступления. Помимо теоретического значения криминалистическая структура преступлений имеет важное практическое значение. Она определяет целенаправленность и последовательность в работе следователей. Автор считает необходимым при разработке современных методик расследования коррупционных преступлений учитывать положения, как криминалистической структуры, так и криминалистической характеристики преступлений.

Ключевые слова: криминалистика; методика расследования; информационная модель преступления; криминалистическая характеристика преступлений; криминалистическая структура преступлений.

A.M. Khlus

INVESTIGATION METHODS CORRUPTION CRIMES: CONTEMPORARY STATE AND POSSIBILITIES OF DEVELOPMENT

In the article the author considers the content of the methods of investigation of corruption crimes. Draws attention to the forensic feature as not effective enough abstract information model of crime. As another infor-

mation model of crimes are invited to consider their forensic structure. The common structural elements of corruption crimes can be named the following: subject, object, subject and means of criminal assault. For some offences this group is characterized by the presence of such element as the object of the crime. The material character of these elements is their common feature that distinguishes from the elements of the offense. In addition to the theoretical value of forensic structure of crime has important practical significance. It will determine the focus and consistency in the work of the investigators. The author considers it necessary in the development of modern methods of investigation of corruption offences to take into account the provisions as forensic agencies and forensic characteristics of crimes.

Keywords: criminalistics; methodology of investigation; informative model of crime; criminalistics description of crimes; criminalistics structure of crimes.

Результативность расследования преступления, в том числе и коррупционной направленности, зависит от наличия современной, научно разработанной частной криминалистической методики. Существующие методики расследования преступлений имеют традиционное построение. Они содержат две основные части, в которых отражаются информационные и методические основы процесса раскрытия и расследования преступлений. Информационные основы этого процесса представляют собой «информационные модели преступлений отдельных видов и групп и иные сведения, которые существенно влияют на разработку практически значимых рекомендаций и должны быть известны в начале процесса раскрытия и расследования» [1, с. 3–4]. Сведения, составляющие информационные основы, а по сути, теоретическую часть методики, раскрывают содержание механизма совершения преступления, механизма противоправного поведения, но чаще всего имеют вид криминалистических характеристик преступлений. Сюда же относятся сведения о типичных версиях и следственных ситуациях, возникающих на первоначальном и последующем этапах расследования, об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания.

Методические основы процесса расследования образуют систему определенных, имеющих практическое значение рекомендаций, оптимизирующих деятельность следователя. Они содержат, во-первых, рекомендации, касающиеся порядка организации и тактики след-

ственных действий в различных условиях развития типичных ситуаций на первоначальном и последующем этапах расследования. Во-вторых, рекомендации о тактике использования специальных знаний в процессе раскрытия и расследования преступлений. В-третьих, рекомендации об организации взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, а также экспертными учреждениями и др.

Содержание имеющихся методик расследования не обеспечивает решение задач, стоящих перед правоохранительными органами, по противодействию преступным коррупционным проявлениям. На необходимость совершенствования криминалистических методик, а равно и методик расследования коррупционных преступлений указывают в своих работах многие российские ученые [2, с. 9–14; 3, с. 203–210; 4, с. 30–35, 5, с. 197–206]. Например, Н.А. Подольный считает, что «методика не должна ограничиваться охватом только лишь расследования коррупционных преступлений, она должна включать в себя также рекомендации о проведении действий по выявлению и раскрытию преступлений данного вида» [5, с. 197]. Соглашаясь с данным автором, мы в своей работе рассмотрим содержательную сторону существующих методик расследования коррупционных преступлений, а также возможности их совершенствования.

В 2005 г. в Беларуси вышло научно-практическое пособие «Методика расследования коррупционных преступлений» [6]. Данное пособие, адресуемое следователям и оперативным работникам правоохранительных органов, содержит методические рекомендации по расследованию коррупционных преступлений. Представленная методика по традиции, как уже было отмечено, включает теоретическую и практическую части. В теоретической части рассматривается криминалистическая характеристика коррупционных преступлений. В практической части методики указано на особенности тактики производства следственных действий на первоначальном и последующем этапах расследования.

В качестве информационной модели в рассматриваемой методике использована криминалистическая характеристика отдельных коррупционных преступлений. Но здесь следует заметить, что коррупционные преступления разноплановы, имеют много отличительных особенностей, объединить их на основе криминалистической характеристики в рамках единой методики, по нашему мнению, не представля-

ется возможным. В таком случае можно говорить о совокупности методик расследования коррупционных преступлений. Данный вывод прослеживается при ознакомлении со статьей Е.А. Ануфриевой [3].

В целом положительно отвечая на вопрос о возможности построения единой методики расследования коррупционных преступлений необходимо учитывать следующее.

В последние десятилетия высказаны критические замечания ученых и практиков о возможностях криминалистической характеристики как эффективной модели преступления. Отмечено, что комплекс сведений, составляющих содержание криминалистической характеристики преступления, ничего нового для науки и практики не дает. Такой комплекс сведений о преступлении приобретает практическую значимость, когда между его составляющими элементами установлены корреляционные связи и зависимости, носящие закономерный характер. Только тогда следователь получает обоснованный ориентир для выдвижения следственных версий. В противном случае криминалистическая характеристика лишалась всякого смысла, поскольку сводилась к повторению общеизвестных истин [7, с. 35]. Не может криминалистическая характеристика преступления выступать и в качестве информационной категории применительно к конкретному преступному событию [8, с. 65].

По мнению Р.С. Белкина криминалистическая характеристика преступлений, «не оправдав возлагавшихся на нее надежд и ученых, и практиков, изжила себя, и из реальности, которой она представлялась все эти годы, превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом». Последователей учения о криминалистической характеристике преступлений Р.С. Белкин называет как «недостаточно компетентных или простодушных читателей» [9, с. 8, 223].

Следовательно, преступление как объект исследования криминалистической науки не может подменяться модельным аналогом абстрактного характера, в частности, криминалистической характеристикой преступления [10, с. 64].

Низкий уровень практической значимости криминалистической характеристики преступления привел к пониманию необходимости осуществления познания преступлений на иной основе. Такой основой служит криминалистическая структура преступления.

Построение данной информационной модели отдельного вида и группы преступлений, а затем ее использование в процессе раскры-

тия и расследования конкретного криминального события, предлагается на основе знаний о уголовно-правовом составе [11, с. 610–614].

Эффективные методы, приемы и средства ретроспективного познания расследуемого события, прогнозирования и пресечения продолжаемой преступной деятельности, по мнению В.В. Тищенко, могут быть разработаны только при условии правильного представления о структуре такой деятельности, ее криминалистически значимых элементах и связях между ними [12, с. 39].

Помимо теоретического значения криминалистическая структура преступлений имеет важное практическое значение. Она определяет целенаправленность и последовательность в работе следователей.

Следует также отметить, что каждая из рассмотренных концепций имеет свое назначение и требует развития и совершенствования. В подтверждение этого можно привести мнение Г.Н. Мухина, суть которого состоит в том, что категории криминалистической характеристики и криминалистической структуры преступлений выполняют, по существу, аналогичные служебные функции информационных моделей преступлений и теоретической базы, которая наряду с базой фактической, т.е. исходной информацией о конкретном преступлении, служит основанием для выдвижения версий и верной оценки следственных ситуаций [13, с. 30].

Структура каждого вида преступлений различна. Отличаются характеристики и свойства элементов совершения уголовных преступлений. В преступлениях одного вида может различаться количественный состав элементов.

В структуре коррупционных преступлений могут быть выделены такие элементы как субъект, объект, предмет и средства преступного посягательства. Для некоторых преступлений рассматриваемой группы характерно наличие и такого элемента как предмет преступления. Материальный характер этих элементов является их общим признаком, отличающим от одноименных элементов состава преступления.

Общим элементом криминалистической структуры любого преступления является субъект, его совершающий и характеризующийся признаками должностного лица.

С точки зрения криминалистики, субъект коррупционного преступления характеризуется следующими чертами, имеющими важное значение:

- возможность осуществления преступной деятельности в ходе выполнения своих должностных функций;
- наличие специальных должностных полномочий.

Субъекты коррупционных деяний из числа должностных лиц имеют достаточно высокий образовательный уровень, обладают знаниями, позволяющими скрывать истинный характер своей деятельности в течение довольно продолжительного времени.

Поэтому, криминалистический анализ субъекта предполагает изучение его личностных свойств во взаимосвязи с криминогенными признаками объекта коррупционных преступлений. Одним из важнейших условий результативности борьбы с коррупцией является своевременный сбор и реализация достаточно полной информации о коррумпированной деятельности должностных лиц. Анализ субъекта конкретного коррупционного преступления необходимо основывать на общей информации о нем, содержащейся в криминалистической характеристике данного вида преступлений. Следовательно, изучая в процессе расследования уголовного дела материальные элементы структуры преступления нужно использовать обобщенные сведения о них из криминалистической характеристики.

Объект преступного посягательства рассматривается в криминалистике как комплексное понятие, отличающееся от соответствующего уголовно-правового элемента состава преступления. В криминалистической структуре преступления объект как один из ее элементов представляет собой материальную систему, на которую направлено преступное посягательство [10, с. 51].

Критерием выделения объектов в качестве элементов криминалистической структуры преступления является их свойство неизбежно и закономерно формировать следы при совершении любого преступления, которые могут быть обнаружены, зафиксированы, исследованы и изъяты и по которым может быть получена информация о субъектах, оставивших данные следы.

Криминалистическое понятие средств совершения преступления включает все предметы и явления материального мира, которые так или иначе взаимодействовали при совершении преступления и несут о нем информацию. Данный элемент в структуре преступления обеспечивает достижение его результата.

Наиболее распространенным средством совершения коррупционных преступлений являются различного рода документы, в которые

вносятся изменения либо которые специально оформляются в ходе преступной деятельности. Так, например, при злоупотреблении должностное лицо совершает действия по службе, не выходящие за пределы полномочий, но не в интересах службы, где должностное лицо вправе премировать работников, но принимает решение о премировании того, кто это не заслуживает.

Предметом преступного посягательства является тот материальный объект, которым преступник завладевает противоправным путем. Это то, что является целью преступления. Например, при совершении хищения путем злоупотребления служебными полномочиями предметом преступного посягательства выступают похищаемые деньги либо иные ценности.

Применительно к конкретным составам преступлений, предусмотренным ст. 430 (Получение взятки), 431 (Дача взятки), 432 (Посредничество во взяточничестве) Уголовного кодекса Республики Беларусь элементом криминалистической структуры является предмет преступления. Данный элемент характеризуется тем, что не является целью преступления, то есть он не предмет преступного посягательства. Он может быть как причиной, так и следствием противоправных (а в некоторых случаях правомерных) действий. Предметом преступления при взяточничестве являются деньги, материальные ценности, а также иное имущественное предоставление (услуга, выгода и т.п.).

Знания о криминалистической структуре и ее основных элементах позволяют разработать рекомендации для правоохранительных органов, необходимые для своевременного выявления коррупционных преступлений, оптимизации первоначального этапа расследования, выдвижения и проверки следственных версий.

Список использованной литературы

1. Криминалистика : учебник : в 3 ч. Ч. 3. Криминалистическая методика / под ред. Г.Н. Мухина. – 2-е изд., испр. – Минск, 2010.

2. Ищенко Е.П. Об алгоритмизации расследования преступлений / Организационно-методические проблемы расследования : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.Д. Зеленский. – Краснодар, 2016. – С. 9–14.

3. Ануфриева Е.А. Криминалистические методики расследования коррупционных преступлений: уровень разработанности и перспективы совершенствования / Е.А. Ануфриева // Библиотека криминалиста. – 2016. – № 6. – С. 203–210.

4. Гармаев Ю.П. Внедрение криминалистических методик расследования в практику: проблемы и пути решения / Организационно-методические проблемы расследования : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.Д. Зеленский. – Краснодар, 2016. – С. 30–35.

5. Подольный Н.А. Некоторые проблемы расследования коррупционных преступлений / Н.А. Подольный // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 1. – С. 197–206.

6. Методика расследования коррупционных преступлений : науч.-практ. пособие для следователей и оперативных работников правоохранительных органов / под общ. ред. В.Х. Кадырова. – Минск, 2005.

7. Белкин Р.С. Модное увлечение или новое слово в науке? / Р.С. Белкин, И.Е. Быховский, А.В. Дулов // Социалистическая законность. – 1987. – № 9. – С. 34–43.

8. Мухин Г.Н. Оперативно-розыскные и криминалистические категории в структуре информационных основ раскрытия преступлений / Г.Н. Мухин // Труды Института национальной безопасности Республики Беларусь. – 2000. – № 10. – С. 64–68.

9. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р.С. Белкин. – М., 2001.

10. Гучок А.Е. Криминалистическая структура преступления / А.Е. Гучок. – Минск, 2007.

11. Хлус А.М. Уголовно-правовые основы построения информационной модели преступления / А.М. Хлус // Актуальні проблеми кримінальної відповідальності: матеріали междунар. науч.-практ. конф., 10–11 жовт. 2013 р. / редкол. : В. Я. Тацій (голов. ред.), В. І. Борисов (заст. голов. ред.) та ін. – Х., 2013. – С. 610–614.

12. Тищенко В.В. Корыстно-насильственные преступления: криминалистический анализ / В.В. Тищенко. – Одесса, 2002.

13. Мухин Г.Н. Служебная роль некоторых дискуссионных понятий криминалистики / Г.Н. Мухин / Проблемы криминалистики :

сб. науч. тр. / редкол. : Г Н. Мухин (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2008. – Вып. 6. – С. 28–31.

Информация об авторе

Хлус Александр Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики юридического факультета, Белорусский государственный университет, 220030, Республика Беларусь, г. Минск ул. Ленинградская, 8, e-mail: hlus.home@mail.ru.

Information about the author

Khlus, Alexander M. – PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminology Faculty of Law, Belarusian State University, 8 Leninskaya st., 220030, Minsk, the Republic of Belarus, e-mail: hlus.home@mail.ru.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТАКТИКИ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЕЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ

Статья освещает некоторые вопросы производства допроса сотрудников оперативных подразделений в качестве свидетелей. Авторами приведены некоторые рекомендации по повышению эффективности осуществления данного следственного действия.

Ключевые слова: допрос, рекомендация, коррупция, свидетель, оперативный сотрудник, пенитенциарная система.

К.А. Borisenko, A.Yu. Moiseenok

ABOUT SOME FEATURES OF TACTICS OF INTERROGATION OF WITNESSES IN THE INVESTIGATION OF CORRUPTION CRIMES IN PENAL SYSTEM

The article highlights some issues implementation interrogation employees of operational units as witnesses. The authors give some recommendations to improve the effectiveness of the implementation this investigatory action.

Keywords: interrogation, suggestion, corruption, witness, operations officer, penal system.

Борьба с коррупционными проявлениями по-прежнему остается одной из актуальных задач государственной политики. Последние глобальные социологические исследования, к примеру, такие как «Барометр мировой коррупции» свидетельствуют о том, что коррупция воспринимается российскими гражданами как третья по важности проблема в стране после экономического положения и состояния здравоохранения, обходя по «рейтингу» образование, безработицу и преступность¹. Обусловлено это тем, что коррупционные проявле-

¹ Барометр мировой коррупции [Электронный ресурс] // Transparency International : офиц. сайт. URL: <http://transparency.org.ru/research/barometr-mirovoy-korrupsii/-barometr-mirovoy-korrupsii-2016-rossiyane-boyatsya-soobshchat-o-korrupsii.html>.

ния беспрепятственно проникая в сферы жизнедеятельности общества, оказывают влияние на их организацию, эффективность функционирования, порождая собой новые и новые проблемы.

Следует отметить, что долгое время об уровне и масштабах коррумпированности государственных структур говорили статистические данные. Обращая внимание на «свежие» показатели международной организации Transparency International Россия заняла 131-е место¹. Несмотря на общее положение в рейтинге восприятия коррупции, которое за последний год не изменилось, количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности по данным МВД России выросло на 1,4 %². Вероятно, что ни одни из приведенных аналитических данных в полной мере не способны говорить об истинном уровне коррупционной преступности как фактической проблеме. В этой связи следует отметить, что проблема антикоррупционной деятельности остается актуальной. Так в ходе одной из последних встреч законодателей в апреле 2017 г. Президент Российской Федерации не случайно подчеркнул: государство, безусловно, должно показывать и обеспечивать, «что оно в состоянии бороться с коррупцией эффективно»³.

Злободневным является и вопрос борьбы с коррупционными проявлениями в рядах сотрудников правоохранительных органов. Об этом напрямую свидетельствует тенденция сохранения высокой доли коррупционных преступлений в общем количестве преступлений среди сотрудников, к примеру, пенитенциарного ведомства и равной одной третьей.

Закономерным представляется, что данные показатели предполагают наличие не только системных проблем, но и свидетельствуют о необходимости разработки комплексных мер, направленных на обеспечение своевременного выявления, эффективного раскрытия коррупционных проявлений в уголовно-исполнительной системе.

¹ Индекс восприятия коррупции [Электронный ресурс] // Transparency International : офиц. сайт. URL: <http://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/>.

² Состояние преступности в России за январь–декабрь 2016 г. [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел РФ : офиц. сайт. URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf.

³ Путин призвал различать борьбу с коррупцией и саморекламу [Электронный ресурс] // Российская газета : офиц. сайт. URL: <https://rg.ru/2017/04/24/putin-prizval-razlichat-borbu-s-korruptciej-i-samoreklamu.html>.

Особое место в данной структуре занимает организация криминалистического, а в том числе и информационного обеспечения расследования коррупции.

Учитывая такую закономерность расследования коррупционной деятельности, как множественность источников доказательственной, ориентирующей и иной информации и исходя из предмета исследования, необходимо уделить особое внимание и в первую очередь, определить степень познавательной эффективности такого следственного действия как допрос.

В первую очередь правильный выбор организации и тактики допроса лица, обладающего криминалистически значимой информацией потенциально зависит от его процессуального статуса (свидетеля, потерпевшего, подозреваемого). Не смотря на сложность сбора доказательственных (процессуальных, легальных) сведений особое место занимает допрос оперативного сотрудника участвующего в качестве свидетеля.

Очевидно, с одной стороны и парадоксально с другой, что оперуполномоченный, являясь субъектом и непосредственным участником, к примеру, оперативного эксперимента с целью уличения взяточдателя (взяточполучателя) в противоправной деятельности приобретает процессуальный статус именно свидетеля, как участника уголовного судопроизводства не заинтересованного в исходе и дальнейшем развитии дела. При этом остается неоспоримым: показания данной группы свидетелей являются существенным источником данных в процессе установления истины по уголовному делу.

Тактическое обеспечение допроса оперативного уполномоченного¹ базируется на общих положениях криминалистической тактики производства данного следственного действия. В свою очередь, применяемый на практике арсенал тактических приемов данной группы лиц достаточно скуден. Вызвано это в основном складывающейся бесконфликтной ситуацией при проведении допроса следователем. То есть отсутствует объективная потребность в применении, к примеру, таких распространенных тактических приемов как предъявление доказательств (документов); создание представления о полной осведомленности следователя о преступном событии и т.д.

¹ В данном случае авторами подразумевается оперуполномоченный подразделений собственной безопасности ФСИН России.

На первый взгляд, основная сущностно-содержательная сторона допроса сводится к стадии свободного рассказа оперативного сотрудника, что предопределяет возможную лишь вспомогательную (опосредованную) роль следователя в выборе линии получения достоверных показаний. Это может подтверждаться тем, что оперативному уполномоченному на практике свойственны следующие эмоционально-поведенческие характеристики:

- спокойный, уверенный голос;
- практическое отсутствие немотивированных пауз, иных задержек в изложении информации;
- вдумчивое, рассудительное, последовательное изложение свободного рассказа с элементами собственного анализа преступного события (к примеру, задержания с поличным), его оценки, установления взаимосвязей фактов;
- развитость навыков в изложении и оформлении мыслей в устной речи;
- слабо выраженная эмоциональная окраска речи, отсутствие смены модальности голоса, наличие сложно подчиненных предложений;
- выраженное стремление к полному стилю произношения, сопровождающееся обобщениями и логичными выводами;
- наличие последовательной, алгоритмичной, структурированной системы изложения известных оперативному сотруднику сведений;
- находчивое, адекватное и оперативное реагирование на уточняющие вопросы следователя, стремление понять тактический замысел, направленность, целевой ориентир допроса;
- косвенное стремление «навязать» оперативную версию произошедшего преступного события, представление оперативной информации ориентирующего значения заранее доказательственного статуса с указанием собственных интерпретаций.

В свою очередь, авторы остаются убежденными, что получение достоверных сведений напрямую зависит от активного, наступательного поведения следователя. Это подразумевает, не только четкий контроль последовательного изложения информации оперуполномоченным, но и усмотрение наличия возможных противоречий и конфликтов, недостатков в соблюдении оснований, тактики и порядка производства оперативно-розыскных мероприятий. В этих случаях,

авторы убеждены, что необходимо выделить ряд рекомендаций, направленных на обеспечение эффективного взаимодействия следователя и допрашиваемого в целях сбора полного информационного спектра выявленного коррупционного преступного события, которые сводятся к:

- разъяснению каждого из этапов подготовки и обеспечения оперативно-тактических комбинаций, документирования коррупционной деятельности виновного лица;

- постоянному задаванию новых, уточняющих, детализирующих вопросов;

- тщательной подготовке по предмету допроса, частично выходящей за рамки обстоятельств расследуемого дела, и включающей вопросы осуществления деятельности в учреждении (органе) УИС, где проходил службу подозреваемый;

- совершенствование специальных знаний, относящихся к сфере организации и осуществления оперативно-розыскной деятельности сотрудниками подразделений собственной безопасности пенитенциарного ведомства;

- фиксации вербальных и невербальных несоответствий на стадии свободного рассказа.

Таким образом, используя данные рекомендации возможно получение более широкого объема и содержания показаний, а следовательно и необходимой доказательственной базы преступного события.

Информация об авторах

Борисенко Ксения Александровна – преподаватель кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета, Владимирский юридический институт ФСИН России, 600020, Российская Федерация, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67Е, e-mail: whatisboris@rambler.ru.

Мойсеенок Александр Юрьевич – старший оперуполномоченный по особо важным делам отдела собственной безопасности, Управление федеральной службы исполнения наказаний России по Владимирской области, 600033, Российская Федерация, г. Владимир, ул. Диктора Левитана, 41, e-mail: mmoiseenok@mail.ru.

Information about the authors

Borisenko, Kseniya A. – educator of the department of criminal justice and forensic science at law faculty, Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service, 67E Bolshaya Nizhegorodskaya st., 600020, Vladimir, Russian Federation, e-mail: whatisboris@rambler.ru.

Moiseenok, Alexander Y. – senior operative on especially important issues in department of own safety, FPS of Russia in Vladimir region, 41 The announcer Levitan st., 600033, Vladimir, Russian Federation, e-mail: mmoiseenok@mail.ru.

ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье автор делает акцент на проблемы проведения осмотра по преступлениям в сфере компьютерной информации, необходимости использования следователем специальных знаний в области высоких технологий. Отмечает проблемы изъятия вещественных доказательств при проведении осмотра места происшествия по делам данной категории.

Ключевые слова: киберпреступность; компьютерные преступления; преступления в сфере компьютерной информации, механизм преступления.

V.V. Kolominov

THE INSPECTION OF THE SCENE OF AFFAIRS IN THE SPHERE OF COMPUTER INFORMATION

In the article the author focuses on the problems of conducting an examination of crimes in the field of computer information, the need for the investigator to use special knowledge in the field of high technologies. He notes the problems of seizure of physical evidence during the inspection of the scene for cases of this category.

Keywords: cybercrime; computer crimes; crimes in the field of computer information, the mechanism of crime.

Особое место уделяется такому следственному действию как осмотр места происшествия, особенности производства которого следует учитывать при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации. В ходе осмотра места происшествия следователю необходимо установить, исследовать и зафиксировать обстановку места происшествия, следы преступления, преступника и иные фактические данные, позволяющие в совокупности с другими доказательствами сделать вывод о механизме преступления.

По уголовным преступлениям в сфере компьютерной информации осмотр места происшествия производится с целью выявления:

– компьютерных следов, а также их объектов – носителей (например, компьютера или системного блока, диска, дискета, флэш-накопителей и т.п.);

– традиционных (например, трасологических) следов присутствия конкретного лица на месте происшествия;

– особенностей доступа, организации, функционирования и устройства различных видов сетей, используя которые было совершено преступление.

Необходимо подвергнуть осмотру компьютерно-техническое средство и содержимое хранящихся в нем файлов. Данный осмотр следует осуществлять в рамках детального осмотра программных средств, находящихся на конкретном компьютере.

Данные действия могут затянуть время осмотра и не принести необходимого результата, в виду того что следователь без специальных познаний не в состоянии обнаружить файлы, содержание которых содержит криминалистическую информацию.

С.В. Пропастин, отмечая, что когда требуется обнаружить, изъять и использовать в доказывании компьютерную информацию, находящуюся на электронном носителе, практика, использует возможности не только осмотра, но и судебной экспертизы. Однако, производство судебной экспертизы все-таки является преимущественным способом обнаружения необходимой для следствия информации. В этой связи, актуальным видится проблема разграничения возможностей осмотра и судебной экспертизы, используемых для обнаружения и исследования компьютерной информации [1, с. 129–132].

К изложенному необходимо добавить, что в памяти технически-сложного устройства, как правило, имеет место хранение телефонных номеров, смс-сообщений. В журнале вызовов можно обнаружить контакты, с которыми связывался абонент с указанием времени и продолжительности связи. Также данные устройства сохраняют информацию о соединении с глобальной сетью Интернет.

А.М. Багмет и С.Ю. Скобелин, высказывают подобные суждения, что использование электронных устройств (сотовых телефонов, смартфонов, планшетных компьютеров, портативных устройств GPS и пр.) в приготовлении, совершении преступлений, сокрытии его сле-

дов потребовало от криминалистов пересмотра современных возможностей по сбору доказательственной информации [2, с. 22–27].

В настоящее время с ее помощью следователь помимо ознакомления с журналом звонков, содержанием смс-переписок и сообщений в чатах, голосовых и видео сообщений, может также определить местонахождение интересующих следователя лиц. Такую возможность предоставляют операторы мобильной связи и непосредственное исследование технически сложного устройства.

Следователь обязан помнить о том, что на компьютерах могут быть установлены специальные защитные программы, которые без получения в определенный момент специального кода сами приступают к уничтожению информации, что возможен пароль доступа к компьютеру или к отдельным программам. При этом даже специалисту могут встретиться незнакомые, новые программно-технические средства. Целесообразно в таких ситуациях получить доступ к таким паролям и, по возможности, чтобы они были выданы добровольно. В этом случае следует определить содержание компьютерной информации, осуществить копирование документов, имеющих отношение к расследуемому мошенничеству.

Учитывая, что в соответствии с действующим законодательством изъятию подлежит только та информация, которая имеет отношение к расследуемому виду мошенничества, следователь должен определить ее содержание, а также скопировать имеющие отношение к расследуемому событию документы. Однако при отсутствии в распоряжении следователей необходимых к ее доступу паролей, или, как отмечают отдельные ученые, в связи со значительным объемом такой информации и невозможностью сразу определить, что касается расследуемого события, а что нет, следует изъять либо целиком компьютер, либо системный блок [3, с. 49].

В ходе подготовки к производству осмотра, в том числе и беседы с представителями предприятия, учреждения, организации необходимо получить первичную информацию о системах организации процесса функционирования компьютерно-технических средств, а также установить те, которые могли быть использованы в результате совершения преступлений.

На данное обстоятельство прямо указывают отдельные ученые, которые отмечают, что обязательно следует выявить администратора системы и провести его опрос. При опросе необходимо выяснить:

- какие операционные системы установлены на каждом из компьютеров;
- какое программное обеспечение используется;
- какие программы защиты и шифрования используются;
- где хранятся общие файлы данных и резервные копии;
- пароли супервизора и администраторов системы;
- имена и пароли пользователей [4, с. 147].

Во всех случаях совершения преступлений в сфере компьютерной информации при производстве осмотра места происшествия, необходимо учитывать текущее состояние компьютерно-технических средств и время, прошедшее с момента совершения преступления до момента осмотра. Такое положение обусловлено тем, что в большинстве случаев, с момента совершения преступного деяния до производства следственных действий проходит определенный (как правило, значительный) промежуток времени. В этот период может производиться: неоднократное включение и выключение компьютерно-технического средства; осуществление различных операций, в том числе, идентичных преступным действиям; использование компьютерно-технических средств значительным количеством сотрудников юридического лица и т.п. Все это ведет к потере как традиционных, так и «компьютерных» следов преступных действий мошенников.

Однако следует предполагать, что программное обеспечение, использовавшееся для совершения мошенничества в сфере компьютерной информации, вряд ли будет находиться в легкодоступных файлах, программах компьютера или сетях, а их обнаружение и выявление возможно только в ходе тщательного исследования специалистами в области компьютерных технологий.

Таким образом, осмотр места происшествия по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации в значительной степени направлен на выявление криминалистически значимой информации, свидетельствующей о механизме преступления, возможности совершения мошенничества конкретным способом, последовательности определенных действий субъектами преступной деятельности, об установлении соответствия уже полученной информации выдвинутым версиям.

Список использованной литературы

1. Пропастин С.В. Осмотр или судебная экспертиза: выбор в пограничных ситуациях (на примере обнаружения и исследования компьютерной информации) / С.В. Пропастин // Современное право. – 2013. – № 6. – С. 129–132.
2. Волеводз А. Г. Конвенция о киберпреступности: новации правового регулирования / А. Г. Волеводз // Правовые вопросы связи. – 2007. – № 2. – С. 17–25.
3. Тропина Т. Л. Киберпреступность. Понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы : монография / Т. Л. Тропина. – Владивосток, 2009.
4. Методика расследования налоговых преступлений : учеб. пособие / под общ. ред. проф. А.А. Кузнецова. – М., 2007.
5. Преступления в сфере компьютерной информации: квалификация и доказывание : учеб. пособие / под ред. Ю.В. Гаврилина. – М., 2003.

Информация об авторе

Коломинов Вячеслав Валентинович – старший преподаватель, кафедра криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: OffRoad88@mail.ru.

Information about the author

Kolominov, Vyacheslav V. – Senior Lecturer, Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation; e-mail: OffRoad88@mail.ru.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

УДК 343.13

Н.А. Данилова

НУЖЕН ЛИ ПРОКУРОР НАУКЕ КРИМИНАЛИСТИКЕ?

В статье рассматриваются вопросы организации и проведения научных исследований, посвященных использованию достижений науки криминалистики в деятельности прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства и при поддержании государственного обвинения. К числу наиболее дискуссионных относятся вопросы, связанные с криминалистическими аспектами деятельности прокурора в досудебном производстве, которые, по мнению автора, представляют несомненный интерес с позиций как теории, так и практики.

Ключевые слова: прокурор, криминалистика, научные исследования.

N.A. Danilova

WHETHER THE PROSECUTOR OF THE SCIENCE OF CRIMINALISTICS?

The questions of organization and lead through of scientific researches, devoted drawing on accomplishments of science of criminalistics in activity of public prosecutor on the pre-trial stages of criminal trial and at maintenance of state prosecution are examined in the article. To the number most debatable questions, related to the criminalistics aspects of activity of public prosecutor in a pre-trial production, belong, which, in opinion of author, present undoubted interest from positions of both theory and practice.

Keywords: prosecutor, forensics, scientific research.

Проблемы, поднятые в настоящей публикации не новы, они рассматривались автором и его коллегами в ряде работ, посвященных криминалистическим аспектам деятельности прокурора в уголовном

судопроизводстве. Цель, которую преследует автор, заключается в том, чтобы призвать научную общественность к дискуссии по вопросу, нужна ли наука криминалистика прокурору, а прокурор – науке криминалистике.

До настоящего времени значительная часть теоретических концепций, категорий и понятий науки криминалистики вызывает достаточно острые дискуссии. Равным образом это касается объекта, предмета и системы науки криминалистики. Не подвергая критике предложения отечественных ученых, нередко весьма радикальные, считаем целесообразным сформулировать ряд проблемных вопросов, которые, на наш взгляд, имеют непосредственное отношение к дальнейшему развитию науки криминалистики.

Криминалистическое обеспечение деятельности правоохранительных органов традиционно рассматривалось, как одно из непременных условий успешного выявления, раскрытия и расследования преступлений, а достижения науки криминалистики не менее традиционно адресовались следователям, дознавателям, оперативным работникам и судебным экспертам.

По мере развития криминалистической науки изменялись подходы к определению ее объекта, предмета, системы и, как отмечал Р.С. Белкин, становилось все более ясным, что ее рекомендации с успехом могут быть использованы в процессе судебного следствия. Задача разработки тактики судебного следствия определяет в настоящее время одну из важнейших тенденций развития криминалистической тактики [1, с. 199].

Более широкий подход к использованию возможностей науки криминалистики при поддержании государственного обвинения был предложен целой плеядой исследователей (Л.Е. Ароцкер, В.И. Басков, Р.Д. Рахунов, В.М. Савицкий, Н.А. Якубович и др.) в работах которых обращалось внимание на криминалистическую составляющую в деятельности прокурора не только в суде, но и при подготовке к участию в судебном разбирательстве. Иными словами, как справедливо отметил В.Н. Исаенко, тактическая составляющая – не единственная в деятельности государственного обвинителя [2, с. 13]. Подтверждением тому являются многочисленные исследования современных ученых (В.Н. Исаенко, Ю.В. Корневского, О.Н. Коршуновой, Н.П. Кирилловой и др.), посвященные криминалистическим аспектам поддержания государственного обвинения (кри-

миналистическому обеспечению деятельности государственного обвинителя, криминалистической методике поддержания государственного обвинения по уголовным делам о преступлениях отдельных видов и разновидностей).

Наряду с этим, в последние годы внимание ученых привлекли теоретико-прикладные проблемы, возникающие в ходе анализа прокурором материалов уголовного дела, в том числе о преступлении конкретного вида (разновидности). В их числе работы М.А. Григорьевой, Н.А. Даниловой, Е.В. Елагиной, В.Н. Исаенко, Т.Г. Николаевой, Е.Б. Серовой и др.

В этой связи возникает несколько закономерных вопросов. Во-первых, насколько упомянутые выше исследования соотносятся с приказами и указаниями Генеральной прокуратуры Российской Федерации?

Думается, что ответ на этот вопрос является однозначно положительным, поскольку позиция, изложенная в указанных работах подтверждается содержанием ряда нормативных актов, обязывающих прокуроров обеспечить действенный прокурорский надзор за полнотой проверок сообщений о преступлениях и законностью принимаемых процессуальных решений о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовных дел, проверять соответствие выводов следователя установленным в ходе расследования обстоятельствам дела на стадии принятия решения по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, а также активизировать свое участие в судебных стадиях уголовного судопроизводства (приказ Генеральной прокуратуры РФ от 25.12.2012 г. № 465 «Об участии прокурора в судебных стадиях уголовного судопроизводства», приказ Генеральной прокуратуры РФ от 29.08.2014 г. № 454 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции», приказ Генерального Прокурора РФ от 28.12.2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», приказ Генерального Прокурора РФ от 26.01.2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания»).

Во-вторых, насколько подобного рода исследования нужны практикам?

Положительный ответ на второй вопрос подтверждается не только востребованностью тематики лекционных и практических за-

нятий, проводимых в течение нескольких десятков лет на факультете повышения квалификации Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ (ныне Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ), но и результатами опроса более тысячи прокурорских работников, проходивших обучение в этом институте. Согласно полученным данным, государственные обвинители и прокуроры, осуществляющие надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, остро нуждаются в методических разработках, посвященных криминалистическим аспектам деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве.

Между тем, неоднозначное отношение научной общественности к теоретико-прикладным разработкам, посвященным криминалистическим аспектам деятельности прокурора на различных стадиях уголовного судопроизводства обуславливает постановку еще одного вопроса – нужен ли прокурор науке криминалистике?

На первый взгляд, ответ на этот вопрос уже был дан, поскольку, с одной стороны, осуществляется разработка адресованных прокурору криминалистических рекомендаций, с другой стороны, эти рекомендации востребованы практиками. Однако при этом не ясно, упомянутые выше методики поддержания государственного обвинения по уголовным делам о преступлениях отдельных видов и разновидностей (частные методики поддержания государственного обвинения), а также, вполне возможно, в недалеком будущем предложенные вниманию ученых теоретические основы методики поддержания государственного обвинения – понятия криминалистические?

Вопрос не праздный, поскольку ответ на него позволит уяснить, в рамках какой науки должна разрабатываться система теоретических положений и основанных на них рекомендаций, адресованных государственному обвинителю, по какой научной специальности должны проводиться диссертационные исследования, посвященные этой тематике?

Не менее проблематичен аналогичный вопрос относительно криминалистических аспектов деятельности прокурора в досудебном производстве, которые представляют несомненный интерес с позиций как теории, так и практики. В первую очередь речь идет о разработке рекомендаций по анализу и оценке прокурором материалов проверки сообщения о преступлении и материалов уголовного дела о

преступлении того или иного вида (разновидности), поступившего с обвинительным заключением (обвинительным актом, обвинительным постановлением). Думается, что теоретические основы упомянутого анализа также представляют несомненный интерес.

Безусловно, можно продолжать исследования криминалистической составляющей в деятельности прокурора и без ответов на эти вопросы. Правда, они, скорее всего, будут осуществляться лицами, имеющими ученую степень доктора или кандидата юридических наук. При таком подходе поставленные вопросы не найдут своего разрешения, а возможность подготовки диссертаций по этой тематике в рамках научной специальности 12.00.12 (криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность) станет весьма призрачной и, как следствие, сложившаяся ситуация не будет способствовать активизации научных исследований в этом направлении.

Список использованной литературы

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов. 3-е изд. / Р.С. Белкин. – М., 2001.
2. Криминалистика для государственных обвинителей : учебник / под ред. А.Ф. Козусева, В.Н. Исаенко, А.М. Кустова. – М., 2012.

Информация об авторе

Данилова Наталья Алексеевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 44, e-mail bobteyl@mail.ru.

Information about the author

Danilova, Natalya A. – Doctor of Law, Professor, Professor of chair of criminal trial and criminalistics, St. Petersburg legal institute (branch) Academy of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation, 44, Liteiny Prospekt, 191104, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: bobteyl@mail.ru.

УДК 341.13

Е.В. Меженина

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ПРЕЮДИЦИИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Статья посвящена вопросам применения принципа преюдициальности судебных решений, принятых в гражданском судопроизводстве при разрешении дела в рамках уголовного процесса. Автор приводит анализ значения решений, принятых в порядке гражданского судопроизводства для судьбы уголовного дела, а также их возможное влияние на окончательное решение по нему. В статье приведены некоторые постановления Конституционного суда Российской Федерации по данному вопросу, а также примеры из судебной практики. Автор приходит к выводу о том, что судебные решения, принятые в гражданском порядке, устанавливают процессуальные пределы производства по уголовному делу, поскольку вопросы, разрешенные ими и относящиеся к делу, не нуждаются в пересмотре.

Ключевые слова: преюдиция, юриспруденция, уголовный процесс, значение судебных решений по гражданским делам в уголовном процессе.

E.V. Mezhenina

**THE POLICY OF INTERSECTORAL PREJUDICE APPLYING
IN CRIMINAL PROCEEDING OF RUSSIAN FEDERATION**

The focus of this paper is on the questions of the prejudice principle application in the case of working with court decisions, which were initiated in civil proceeding, but should be applied in the criminal proceeding. The article contains the analysis of the value of decisions, adopted in civil proceeding for the fate of criminal case, and also the possible influence of such decisions on the final decision of the court. The article lists some de-

cisions of the Constitutional court of Russian Federation on this question, as well as some examples from judicial practice. The author concludes that the decisions of the courts, that were made in civil proceeding, sets the procedural limits of the criminal case, because the questions, resolved by them, and relevant to the case, do not need to be revised.

Keywords: prejudice, jurisprudence, criminal proceeding, value of civil judicial decisions in in criminal proceeding.

Взаимодействие сфер гражданского и уголовного права наиболее ярко выражено в таком явлении как преюдиция.

Одно из первых упоминаний о преюдиции содержится во фрагменте таблицы, являвшейся источником римского права. Также в числе ранних источников находятся труды Цицерона, Цезаря, Сенеки, Павла и Ульпиана. Наиболее полно значение, которое римские граждане придавали преюдиции, раскрыто в Институциях Гая и в Своде римского права [1, с. 191].

Преюдиция в Риме не носила абсолютный, неопровержимый характер. Ответчик, при производстве по второстепенному, не основному вопросу, мог возражать против принятия преюдиции в случае, если это могло повредить ему при рассмотрении дела по основному спору. Например, в случае, если рассмотрению уголовного дела о преступлении, за которое может быть назначена смертная казнь, предшествовало рассмотрение спора по поводу имущественных прав. Норма, из которой были выведены эти правила, содержалась в Кодексе Юстиниана [2] и гласила, что «Решение, принятое по спору двоих, никому не должно причинять вред».

В России преюдиция как правовой феномен исторически приняла неопровержимый характер, устанавливающий фактические обстоятельства, хотя в теории не прекращаются споры о времени и этапах ее формирования.

Отсутствие четкого определения преюдиции и закрепления ее пределов в законодательстве создает противоречивую ситуацию в практике, когда судья может применить вынесенное ранее решение суда, а может признать его не имеющим преюдициальной силы только на основе своего субъективного усмотрения.

28.06.2012 г. Кировским районным судом г. Екатеринбурга был вынесен обвинительный приговор по уголовному делу, которым С., К., К., Б и Г были признаны виновными в совершении мошенниче-

ства. Они обвинялись в том, что, заключая договоры купли-продажи недвижимости, нарушали требования Федерального закона «Об акционерных обществах» и незаконно обогащались. При этом судья посчитал, что решения арбитражных судов различных инстанций, которыми ранее все сделки были признаны законными, в данном случае не являются преюдициальными¹.

Свой вывод судья обосновал в описательно-мотивировочной части приговора, сославшись на постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 90 УПК РФ в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко»². При этом он сделал вывод, что предоставленные решения преюдициальной силы не имеют, поскольку ни в одном из них не исследовался уголовно-правовой аспект причастности С., К., К., Б и Г к совершению преступления. Толкуя ст. 90 УПК РФ в тесной взаимосвязи со ст. 17 УПК РФ, устанавливающей правило свободы оценки доказательств, судья в приговоре указал, что «закон лишает заранее установленной силы предыдущие судебные решения не только в части виновности лица, но также в части установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела»³. По мнению судьи, данные решения служили лишь доказательствами и подлежали дополнительной проверке. Обстоятельства, установленные вступившими в силу решениями Арбитражных судов, были пересмотрены в порядке уголовного судопроизводства, сделки купли-продажи были признаны совершенными с нарушением гражданского законодательства. Этот вывод лег в основу обвинительного приговора.

Тем не менее, по смыслу выводов Конституционного Суда Российской Федерации, факты, установленные предыдущим решением суда, во всех случаях должны приниматься как установленные, поскольку вступившие в законную силу и неотмененные судебные решения имеют преюдициальное значение.

¹ Уголовное дело № 1-57 // Архив Кировского районного суда города Екатеринбурга.

² По делу о проверке конституционности положений ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 дек. 2011 г. № 30-П // Российская газета. 2012. 11 янв.

³ Уголовное дело № 1-57 // Архив Кировского районного суда города Екатеринбурга.

В жалобах В.Д. Власенко и Е.А. Власенко, по результатам рассмотрения которых Конституционным Судом Российской Федерации было принято постановление от 21 декабря 2011 г. № 30-П, излагалось дело несколько иного рода. Согласно этой жалобе, Ч. незаконно присвоила себе чужое имущество, используя заведомо фиктивные документы для подтверждения своей позиции в рамках гражданского судопроизводства. Решение суда по иску не подвергалось сомнению, однако необходимо было дать правовую оценку заявлению Власенко о том, что документы, с которыми истица обратилась в суд, были сфальсифицированы.

Конституционный Суд определил пределы преюдиции судебного решения через значение установленного судом «в рамках его предмета рассмотрения по делу» факта, указав, что:

– фактические обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом, разрешившим дело по существу в порядке гражданского судопроизводства, во всех случаях имеют преюдициальное значение и не должны подвергаться сомнению, в том числе и по уголовным делам;

– проверке подлежат только те фактические обстоятельства, которые не являлись основанием для разрешения дела по существу в порядке гражданского судопроизводства, и при наличии в них признаков состава преступления против правосудия.

Таким образом, в рассматриваемом деле решением суда по гражданскому делу был установлен лишь факт перехода права собственности на имущество и его законность с точки зрения гражданского законодательства, но не была установлена законность такого перехода с позиции уголовного права. То есть Власенко имели право на рассмотрение их заявления в порядке уголовного судопроизводства, тем более, что вопрос о фальсификации документов не является предметом рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства.

В то же время особый интерес вызывает вывод Конституционного Суда российской Федерации о том, что фактические обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным решением, принятым в порядке гражданского судопроизводства, не определяют выводы о виновности обвиняемого по уголовному делу. Некоторые обстоятельства, установленные в судебном порядке, способны опровергать выводы о виновности.

В. был осужден по части 1 ст. 157 УК РФ – за злостное уклонение от уплаты средств на содержание ребенка. Через некоторое время в порядке гражданского судопроизводства было установлено, что В. не является отцом ребенка. Впоследствии актовая запись о его отцовстве была исключена, и В. был освобожден от уплаты алиментов в пользу матери ребенка. Судебный приказ о взыскании с него алиментов был аннулирован.

В связи с этим возник вопрос, имеются ли основания для пересмотра приговора суда, вынесенного в отношении В. Очевидно, что субъектом данного преступления в рассматриваемом случае может быть только фактический родитель ребенка. Приговор суда по ч. 1 ст. 157 УК РФ является второстепенным решением, так как в его основе лежит необходимое свойство субъекта преступления - родительство. Как известно, факт отцовства (материнства) может быть установлен только решением суда, принятым в порядке гражданского судопроизводства, поскольку является предметом семейного права.

В соответствии со ст. 90 УПК РФ решение суда о том, что осужденный В. не является отцом ребенка, имеет преюдициальное значение и должно быть принято органами уголовного судопроизводства без дополнительной проверки.

Интересно, что преюдициальное значение этого решения, принятого в порядке гражданского судопроизводства, определяет процессуальную перспективу уголовного дела. Установленное им обстоятельство не может рассматриваться как иное новое (п. 3 ч. 4 ст. 413 УПК РФ), так как не подлежит обязательному расследованию в порядке главы 49 УПК РФ (ч. 4 ст. 415 УПК РФ). Решение суда может считаться только дополнительным материалом (ч. 5 ст. 401.4 УПК РФ) при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 26 постановления от 28 января 2014 г. № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции»¹ разъяснил, что дополнительные материалы могут быть положены в основу решения об отмене

¹ О применении норм главы 47¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 г. № 2 // Российская газета. 2014. 7 февр.

приговора, определения и постановления суда с возвращением уголовного дела прокурору либо с его передачей на новое судебное разбирательство в суд первой или апелляционной инстанции. Изменение приговора и последующих судебных решений или их отмена с прекращением производства по уголовному делу на основании дополнительных материалов не допускается, за исключением случаев, когда достоверность фактов, устанавливаемых такими материалами, не нуждается в проверке судом первой или апелляционной инстанции (документы, свидетельствующие о недостижении осужденным возраста, с которого наступает уголовная ответственность, об отсутствии судимости, о применении акта об амнистии по предыдущему приговору и др.).

Из разъяснения Пленума Верховного Суда РФ следует, что отсутствие признаков субъекта преступления вполне может быть установлено не нуждающимися в проверке достоверными фактами, содержащимися в дополнительных материалах.

Таким образом, если факты, установленные решением суда, принятым в порядке гражданского судопроизводства, исключают преступность и наказуемость деяния, за которое осуждено лицо, это является основанием для отмены приговора в отношении него в порядке кассационного или надзорного производства за отсутствием в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 401.14 УПК РФ) в связи с существенными нарушениями уголовного закона, повлиявшими на исход дела (ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ).

Очевидно, что преюдиция судебных решений может существенно повлиять на процессуальную перспективу уголовного судопроизводства, которое заметно усложняется. Статья 157 Уголовного кодекса РФ предусматривает два вида преюдиции – гражданскую и административную. Гражданская преюдиция следует из диспозиции нормы – обязательство выплачивать алименты, устанавливаемое в гражданско-правовом порядке. Неоднократность, указанная в диспозиции статьи, раскрывается в примечании через административную преюдицию. Неоднократной считается неуплата алиментов родителем, который был подвергнут административному наказанию за аналогичное деяние, и продолжил не платить алименты в период, когда считался подвергнутым административному наказанию. Кроме того, что данное примечание сформулировано предельно искаженным языком, оно содержит лишний элемент, так как в данном случае два вида преюдиции в одной норме, скорее всего, не нужны, достаточно только граждан-

данско-правовой преюдиции для получения работающего и понятного состава преступления. В таком случае решение по гражданскому делу будет устанавливать наличие обязательств по уплате алиментов как юридический факт, а фактическое неисполнение данного решения вполне может быть доказано в порядке уголовного судопроизводства. Таким образом, неоднократность здесь только загромождает структуру уголовно-правовой нормы и может быть препятствием при осуществлении доказывания по уголовному делу.

Представляется, что в уголовно-процессуальное законодательство следовало бы включить нормы о пределах межотраслевой преюдиции, неоднократно обозначавшихся в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Фактические обстоятельства, относящиеся к делу, установленные судебным решением, принятым в порядке гражданского, административного либо арбитражного судопроизводства и вступившим в законную силу, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. Преюдициальное значение такого решения может быть опровергнуто только в случаях его пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам, в том числе и при фальсификации доказательств, установленным в ходе производства по уголовному делу.

Список использованной литературы

1. Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения / М. Бартошек. – М., 1989.
2. Дигесты Юстиниана [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.digestaiust.narod.ru/03.html>.

Информация об авторе

Меженина Елизавета Владимировна – аспирант кафедры уголовного процесса, Уральский государственный юридический университет, 620137, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, e-mail: mandragorium@mail.ru.

Information about the author

Mezhenina, Elizaveta V. – PhD Student, Chair of the criminal procedure division, Ural state law university, 21, Komsomolskaya St., 620137, Ekaterinburg, Russian Federation, e-mail: mandragorium@mail.ru.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЕ». ОТДЕЛЬНЫЕ ВИДЫ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассматривается актуальность киберпреступлений, их виды и возможные способы их совершения, особенности киберпреступлений. Предлагаются соответствующие меры профилактического характера. Приведены точки зрения различных авторов, относительно определения понятия «киберпреступление».

Ключевые слова: кибероружие, киберпреступление, киберпространство, киберпреследование, киберпорнография, кибертерроризм, социальная инженерия, фарминг, финансовые преступления, фишинг.

E.L. Kochkina

DEFINITION OF THE CONCEPT «CYBERCRIME». SELECTED TYPES OF CYBERCRIME

The article examines the relevance of cybercrime, their types and possible ways of their fulfillment, the peculiarities of cybercrime. Proposed preventive measures are proposed. The points of view of various authors are given regarding the definition of the concept «Cybercrime».

Keywords: cyber-weapons, cybercrime, cyber-space, cyber-crime, cyber-pornography, cyber-terrorism, social engineering, farming, financial crimes, phishing.

Активный рост всевозможных киберугроз в современном обществе ставит перед каждым государством чрезвычайно актуальную задачу – необходимость обеспечения информационной безопасности. Мировая ежегодная оценка состояния данного вида преступности, вызывает опасения в связи с низким уровнем защищенности граждан современного информационного общества, при этом спектр проблем достаточно широк – от технической незащищенности до уязвимости систем обеспечения работы, предназначенных для проведения операций с денежными средствами. Не смотря на то, что изучение данной проблемы ведется не одно десятилетие, тем не менее не достаточно полно сформировано понятия наказания, что позволяет широко «разворачи-

ваться» преступным сообществам. До сих пор в Уголовном кодексе РФ нет определения «киберпреступление». В современной юридической литературе под «киберпреступлениями» понимают «преступления в сфере компьютерной информации», «информационные преступления», «преступления, связанные с компьютерными техническими средствами», «преступления в высоких компьютерных технологиях», «преступления в информационном пространстве» и т.д. Многие ученые и исследователи предприняли попытку определить данное понятие. По мнению, В.А. Номоконова, Т.Л. Тропиной киберпреступление является более обширным, чем компьютерная преступность и точно отражает такое явления, как преступность в информационном пространстве [1]. Нужно отметить, что киберпространство (от англ.cyberspace) – это пространство, которое симулируется и опосредствуется электронными устройствами [2]. На наш взгляд наиболее полное определение, отражающее аспекты данного негативного явления дается в статье Д.Н. Карпова «киберпреступление – это акт социальной девиации с целью нанесения экономического, политического, морального, идеологического, культурного и других видов ущерба, индивиду, организации или государству посредством любого технического средства с доступом в Интернет». По большому счету отражаются не юридические аспекты, а имеющие социально-экономические проблемы современного общества. К.Н. Евдокимов дает несколько определений понятию «Компьютерная преступность», ссылаясь на различные мнения отечественных авторов [3]. При этом, указывает, что компьютерную преступность целесообразно рассматривать в узком и широком смыслах.

В узком смысле «компьютерная преступность» представляет собой совокупность преступлений, где в качестве непосредственного основного объекта преступного посягательства выступают охраняемые законом общественные отношения в сфере безопасного создания, хранения, обработки и передачи компьютерной информации, а предметом преступления являются компьютерная информация, средства защиты компьютерной информации, информационно-телекоммуникационные сети, средства хранения, обработки и передачи компьютерной информации». Данное определение, по их мнению, полностью совпадает с установленным законодателем понятием «преступления в сфере компьютерной информации». В широком смысле определению «компьютерная преступность» дается следующая трактовка: «компьютерная преступность представляет собой совокупность преступлений, где ос-

новным непосредственным объектом преступного посягательства выступают общественные отношения в сфере компьютерной информации и информационных технологий, безопасного функционирования средств создания, хранения, обработки, передачи, защиты компьютерной информации, но при этом компьютерная информация, информационно-телекоммуникационные сети; средства создания, хранения, обработки, передачи компьютерной информации (компьютеры, смартфоны, айфоны, кассовые аппараты, банкоматы, платежные терминалы и иные компьютерные устройства) являются не только предметами преступного деяния, но и используются в качестве средства и орудия совершения преступления. В Конвенции о киберпреступности, открытой для подписания в г. Будапеште, вступившей в силу 1 июля 2004 г. киберпреступлениями являются деяния, направленные против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных систем, сетей и компьютерных данных, а так же злоупотребления такими системами, сетями и данными [4]. Согласно данным, представленным институтом судебных экспертиз и криминалистики в период с апреля 2015 г. по март 2016 г. со счетов российских банков злоумышленниками было украдено 348,6 млн р. по сравнению с аналогичным интервалом 2014–2015 гг., похищенная сумма возросла в 5 раз¹. Это говорит о том, что данный вид преступлений способен стремительно расти. Способы и методы совершения преступлений идут «в ногу» со способами защиты компьютерной информации, а в большинстве случаев вообще впереди. Российское информационное агентство сообщает, что в 2016 г. с банковских карт, принадлежащих жителям России, злоумышленники похитили порядка 650 млн р. Во всех случаях преступники пользовались методами социальной инженерии. А уже по итогам первого полугодия 2017 г. было похищено 550 млн р., поэтому есть все основания считать, что к концу года рекорды будут побиты².

По мнению авторов книги «Социальная инженерия и социальные хакеры» М.В. Кузнецова, И.В. Симдянова, социальная инженерия – это манипулирование человеком или группой людей с целью взлома систем безопасности и похищения важной информации [5]. Как отме-

¹ Кибермошенники за год украли со счетов россиян почти 350 млн р. [Электронный ресурс] // Общая газета : офиц. сайт. URL: <http://og.ru/society/2016/10/13/84213>.

² С банковских счетов россиян украли 650 млн р. [Электронный ресурс] // URA.RU : офиц. сайт. URL: <https://ura.news/1052300513>.

чают, данные авторы, самую большую угрозу информационной безопасности будут представлять, все более совершенствующиеся методы социальной инженерии, применяемые для взлома существующих средств защиты. Объясняя это тем, что социальная инженерия не требует значительных финансовых вложений и досконального знания компьютерных технологий злоумышленниками. Эту точку зрения разделяют Рич Могулл глава отдела информационной безопасности корпорации Gartner и Роб Форсайт, управляющий директор одного из региональных подразделений антивирусной компании Sophos, который характеризует его как «новый циничный вид мошенничества».

Рассмотрим некоторые виды киберпреступлений.

Финансовые преступления – общественно опасные деяния, посягающие на финансово-экономические отношения, а именно мошенничество с кредитными картами, хищение денежных средств в момент совершения банковских операций и т.д.

Фишинг – это выведывание информации у доверчивых граждан для доступа к банковским счетам. Распространен в государствах, где популярны услуги интернет-банкинга. На сегодняшний день получил свое распространение целевой фишинг.

Целевой фишинг используется на узкие группы пользователей и содержит сообщения с социальным контекстом, призывающие потенциальных жертв открыть исполняемый файл или перейти на сайт содержащий вредоносный код. Более опасным видом мошенничества, чем фишинг, является так называемый фарминг. Фарминг – это процедура скрытного перенаправления жертвы на ложный IP-адрес. На наш взгляд является более изощренный, хотя и технически сложный метод мошенничества, чем фишинг. Так же опасным видом киберпреступления является удаленный взлом компьютеров, за счет которого злоумышленники имеют возможность читать и редактировать документы, которые сохраняются на файл-серверах и на рабочих столах компьютеров, имеют возможность внедрять собственные вредоносные программы, а также собирать различного рода информацию, посредством аудио, видео наблюдения. Один из новейших вирусов, появившихся в последнее время стало кибероружие, целью которого является уничтожение промышленной инфраструктуры. К ним относятся такие вирусы как Duqu, Stuxnet, Gauss, Flame. За подобными вирусами стоят уже не низкоквалифицированные специалисты информационных технологий, а очень суперпрофессионалы.

Информационный сайт «Человек и прогресс»¹, посвященный влиянию научно-технического прогресса на личность, приводит некоторые виды киберпреступлений:

«Кибер-порнография – относятся порнографические сайты, разрешающие посетителям размещать порнографические фильмы, видеозаписи и фотографии с несовершеннолетними гражданами.

На наш взгляд, будет справедливо отнести так же чаты знакомств, содержащие порнографическую информацию о пользователях и описание виртуального секса с несовершеннолетними гражданами.

Кибер-торговля наркотиками – это наркоторговля с использованием новейших технологий шифрования сообщений, передаваемых клиентами по электронной почте. В таких сообщениях наркоторговцы указывают в кодированном виде место и способ осуществления обмена товара на денежные средства.

Кибертерроризм – это совершение террористических актов в киберпространстве. К этой категории преступлений может относиться простое распространение через Интернет информации о терактах, которые могут быть совершены в будущем в конкретно указанное время.

А также выделяют такие виды киберпреступлений, как азартные игры-онлайн и киберпреследование.

Нужно отметить, что жертвами киберпреступлений становятся несовершеннолетние граждане. Согласно информации следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области самым страшным и необратимым процессом воздействия на детей стало массовое вовлечение их в суицидальные группы, в которых романтизируется смерть, популяризуется уход из жизни². Воздействовать на ребенка могут не только путем прямого контакта в переписке в социальных сетях, но и через предложения просмотра видео, обсуждение сериалов, в помощи решения домашнего задания. Также могут предлагаться определенные онлайн-книги, рекомендации по прочтению литературы и прослушивание музыки.

Одним из ярких примеров современного времени является интернет-игра для детей и подростков «Синий кит», финальный этап кото-

¹ Проблема киберпреступности [Электронный ресурс] // Человек и прогресс: офиц. сайт. URL: ultraprogress.ru/problema-kiberprestupnosti.html.

² Спасение детей от киберпреступлений [Электронный ресурс] // Следственное управление следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области : офиц. сайт. URL: irk.sledkom.ru/folder/1076968.

рой является суицид участника. В начале 2017 г. информационный сайт «Известия» опубликовал статью «Возращение «Синего кита», в которой привели статистические данные. По указанной информации в участии указанной игры подозревалося 130 детей, погибших по разным обстоятельствам с 2015 по 2016 г. Так же приводится список заданий для участников, таких как, порезать губу, такать руки иголкой, сидеть вниз ногами на краю крыши, рисовать на руках и ногах лезвием и т.д.

Такие страны, как Россия, Украина, Болгария, Латвия, Италия, Ближний Восток, США уже «столкнулись» с «Синим китом». На сегодняшний день активно ведется борьба с данным видом преступления.

Сегодня активно ведутся профилактические меры по предупреждению подобных киберпреступлений, жертвами которых становятся несовершеннолетние граждане. К примеру, следственный комитет Российской Федерации по Иркутской области предложил памятку для родителей о спасении детей от киберпреступлений.

Из этого следует, что киберпреступления подрывают не только компьютерную безопасность общества, информационную безопасность пользователей ЭВМ, но и общественный порядок государства в целом. В результате приведенных в статье определений «киберпреступлений», а так же отдельных видов данной категории преступлений можно сформулировать общее определение. Киберпреступление – это совокупность преступлений, запрещенных Уголовным кодексом РФ, совершаемых в киберпространстве, где основными непосредственными объектами преступного посягательства выступают:

- конституционные права и свободы человека и гражданина;
- общественные отношения в сфере компьютерной информации и информационных технологий;
- общественные отношения в сфере экономики и экономической деятельности;
- общественные отношения в сфере государственной власти;
- общественные отношения в сфере здоровья населения и общественной нравственности.

Преступления, направленные против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных систем, сетей и компьютерных данных, злоупотребление этими системами, сетями и данными. Это нарушение охраняемых законом общественных отношений в сфере безопасного создания, хранения, обработки и передачи компьютерной информации, с целью нанесения экономического, политиче-

ского, морального, идеологического, культурного и других видов ущерба человеку, обществу, государству и миру в целом.

Определяются особенности киберпреступлений, к которым относят: трансграничность; нестандартность способов совершения; автоматизация преступных деяний; анонимность деяний; сложность раскрываемости данного вида преступлений (низкий процент раскрываемости); взаимодействие различных преступных сообществ; высокие доходы преступной деятельности.

Нужно отметить, что киберпреступления охватывают широчайший пласт общественных отношений, имеют большое количество разнообразных способов совершения данного вида преступления. Данный вид преступлений подрывает не только информационную безопасность общества, но и общественный порядок всего государства, который включает в себя лишения материального плана, но и угрозу жизни и здоровья граждан. Борьба с киберпреступлениями должна осуществляться на международном уровне. Для эффективного раскрытия данного вида преступлений необходимо активное международное сотрудничество взаимопомощь и поддержка, а так же постоянное обновление межгосударственных, внутригосударственных законов. Но также нужно отметить, что для большего успеха каждому государству необходимо принимать внутригосударственные законы, которые не должны противоречить друг другу. Как отмечает, К.Н. Евдокимов правовое регулирование вопросов борьбы с киберпреступлениями является базисом всей системы противодействия киберпреступности, соответственно изменения и дополнения в действующее уголовное законодательство необходимо и актуально на современном этапе развития общества. Киберпреступления, несомненно, попадают под юрисдикцию Уголовного кодекса РФ, согласно которому существует перечень статей, по которым привлекают к ответственности преступников, а именно:

- ст. 146 УК РФ. Нарушение авторских и смежных прав;
- ст. 159 УК РФ. Мошенничество;
- ст. 242 УК РФ. Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов;
- ст. 272 УК РФ. Неправомерный доступ к компьютерной информации;
- ст. 273 УК РФ. Создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ;

– ст. 274 УК РФ. Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации.

Анализируя выше приведенные виды киберпреступлений становится очевидным необходимость их предупреждения. Иногда совершение даже не очень серьезного преступления может привести к опасным последствиям, которые быть могут и непоправимыми. Законодателю целесообразнее было бы принять меры ужесточению санкций статей отдельных составов уголовно наказуемых преступных деяний, имеющих отношение к киберпреступлениям.

Список использованной литературы

1. Номоконов В.А. Киберпреступность, как новая криминальная угроза / В.А. Номоконов, Т.Л. Тропина // Криминология. Вчера. Сегодня. Завтра. – 2012. – №1 (24). – С. 47.

2. Аберкромби Н. Социологический словарь [Электронный ресурс] / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер. – URL: http://sociological_dictionary.academic.ru/264.

3. Киберпреступность: криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминалистический анализ / науч. ред. И.Г. Смирнова; отв. ред. О.А. Егерева, Е.М. Якимова. – М., 2016.

4. Волеводз А.Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества / А.Г. Волеводз. – М., 2002.

5. Кузнецов М.В. Социальная инженерия и социальные хакеры / М.В. Кузнецов, И.В. Симдянов. – СПб., 2007.

Информация об авторе

Кочкина Эльвира Леонидовна – магистрант, Российский государственный университет правосудия, Восточно-Сибирский филиал, 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, 23а, e-mail: elvira.kostina@list.ru.

Information about the author

Kochkina, Elvira L. – Masters Degree Student, Russian State University of Justice, East Siberian Branch, 23a, Ivan Franko st., 664074, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: elvira.kostina@list.ru.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

Уважаемые коллеги!

На кафедрах криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, а также уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета формируется очередной номер периодического научного издания «*Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*».

Журнал входит в систему РИНЦ!

Рубрики сборника: *Международные и конституционные основы уголовной юстиции, Уголовный процесс, Криминалистика, Судебно-экспертная деятельность, Оперативно-розыскная деятельность, Трибуна молодого ученого, Особое мнение, Страницы истории, Отзывы. Рецензии, Новинки.*

1. Приглашаем профессорско-преподавательский состав, докторантов, аспирантов к научному сотрудничеству! Научные статьи можно направлять по электронной почте: sib.crim.chtenija@mail.ru.

В целях оперативного опубликования материалов просим оформить статьи в соответствии со следующими требованиями:

2. Объем статьи не должен превышать 8 страниц машинописного текста, выполненного в тестовом редакторе MSWord, 16 шрифтом TimesNewRoman с одинарным интервалом, поля 20 мм со всех сторон. Абзацный отступ – 1,25 см должен быть выставлен автоматически. Форматирование – по ширине. Установка функции переноса обязательна и должна быть выставлена автоматически. Название статьи печатается строчными буквами, жирным шрифтом.

3. Статья должна включать следующие элементы:

- сведения об авторе (ах): ФИО (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы (учебы) на русском и английском языках; e-mail, почтовый адрес и индекс, контактный телефон;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотацию статьи (**не менее 100 слов**), ключевые слова (5–6 слов) на русском и английском языках;
- код УДК;

– ссылки на использованную литературу приводятся в тексте в квадратных скобках с указанием номера страницы. При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального цитирования. Самоцитирование автора допускается не более 20% от количества источников в списке;

– список использованной литературы (**не менее 10 источников**), оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка», помещается в конце статьи. Нумерация в списке литературы осуществляется по мере цитирования. Электронные ресурсы, в которых не указан автор материала, статистические сборники, нормативно-правовые акты, официальные документы, материалы следственной, судебной, экспертной практики указываются в постраничных сносках и в список использованной литературы не выносятся.

4. Для аспирантов, магистрантов, студентов к статье прилагается в отсканированном варианте рецензия научного руководителя с его подписью и печатью организации.

5. К опубликованию принимается материал, который при проверке по программе «Антиплагиат», показывает на менее 70 % оригинальности.

Образец оформления статьи

УДК 343.1

И.В. Смолькова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

В статье дается сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики, регулирующего применение мер пресечения, показывается их сходство и различие, сопоставляются российские меры пресечения с аналогичными китайскими: личное поручительство и передача под поручительство до судебного разбирательства; наблюдение по месту жительства, подписка о невыезде и домашний

арест. Рассматриваются основания и условия применения мер пресечения по УПК РФ И УПК КНР. Анализируются проблемы применения залога в качестве меры пресечения. Дана характеристика заключения под стражу как меры пресечения.

Ключевые слова: меры пресечения, передача под поручительство до судебного разбирательства, личное поручительство, залог, домашний арест, наблюдение по месту жительства, заключение под стражу.

I.V. Smolkova

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CRIMINAL-PROCEDURAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA GOVERNING THE USE OF RESTRAINT MEASURES

The article gives a comparative analysis of the criminal-procedural legislation of the Russian Federation and People's Republic of China governing the use of restraint measures, are shown together with their similarities and differences, are mapped to the Russian measures similar Chinese: personal guarantee and the transfer bail before trial; the observation of the place of residence, house arrest and house arrest. Considers the basis and conditions for the application of preventive measures in the UPK RF and UPK PRC. Analyzes the problems of applying bail as a preventive measure. The characteristic of detention as a restraint measure.

Keywords: restraint measure, transfer bail before trial, a bail, cash collateral, house arrest, surveillance by place of residence, detention.

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи [1]. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи [2, с. 49]. Текст статьи¹. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи². Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи [3, с. 88].

¹ О полиции : федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 12 февр. 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

² О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 27 дек. 2007 г. № 52 (в ред. от 9 февр. 2012 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2. С. 8–12.

Список использованной литературы

1. Юань И. Сравнительное исследование мер процессуального принуждения по УПК РФ и УПК КНР / И. Юань. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2010. – 136 с.

2. Муратова Н.Г. Зарубежный опыт принятия судебных решений при осуществлении судебного контроля за законностью расследования уголовных дел / Н.Г. Муратова, М.А. Подольский // Судья. – 2007. – № 5. – С. 48–52.

3. Рослов против России : постановление ЕСПЧ от 17 июня 2010 г. (жалоба № 40616/02) // Бюллетень ЕСПЧ. – 2010. – № 12. – С. 87–89.

Информация об авторе

Смолькова Ираида Вячеславовна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: kupik@bgu.ru.

Information about the author

Smolkova, Iraida V. – Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Proceedings, Honored Lawyer of the Russian Federation, Baikal State University, 11 Lenin Str., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: kupik@bgu.ru.

*Издается при финансовой поддержке гранта РФФИ «Комплекс международных научно-практических мероприятий “Байкальский юридический форум”» (номер проекта 17-03-14186, официальный сайт проекта <http://blf.bgu.ru/>).
Все материалы этого выпуска журнала были обсуждены на платформах Байкальского юридического форума, который проходил 21–22 сентября 2017 г., и нигде ранее не публиковались.*

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-67625 от 10 ноября 2016 г.

Подписной индекс в каталоге Агентства «Роспечать» 80825

Журнал содержит научную информацию и знаком информационной продукции не маркируется

Полные тексты статей размещены на платформе
Российской универсальной научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Адрес редакции: 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11

e-mail: sib.crim.chtenija@mail.ru

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 30.09.17. Дата выхода в свет 16.11.2017. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 10,875. Тираж 500 экз. Заказ 6597.

Отпечатано в ИПО БГУ.
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.